

Япония 1912-1941: выбор стратегического направления экспансии

Сборник статей

Иван Мизеров

© 2021 Катехизис Катарсиса

ОПУБЛИКОВАНО В ИНТЕРНЕТЕ

[HTTPS://VK.COM/CATX2](https://vk.com/catx2)

Шаблон взят из <https://www.latextemplates.com/template/the-legrand-orange-book>. Он подчиняется Creative Commons Attribution-NonCommercial 3.0 Unported License.

First printing, Август 2021

Оглавление

1	Глава 1	5
2	Глава 2	15
3	Глава 3	31
4	Глава 4	45
5	Глава 5	61
6	Глава 6	77
7	Глава 7	95

Катехизис Катафисса

1. Глава 1

Что ж, вот и пришло время приступить к новому циклу. На сей раз речь пойдёт о Японии. Автора этих строк всегда интересовал следующий вопрос – почему в 1941 году Страна Восходящего солнца нанесла удар не по скованному чудовищного масштаба противостоянием в Европе Советскому Союзу, а по Соединённым Штатам. Во многих отношениях это кажется нелогичным. Япония совместно с Германией ещё в 1936 году подписала Антикоминтерновский пакт – к слову, документ весьма любопытный, вроде бы как союзный договор, а вроде бы и совершен но нет, но, так или иначе, истинная цель его была прозрачна – противодействие СССР. В 1940 японцы присоединяются к Берлинскому пакту. В 1941 и 1942 году Германия несколько раз совершенно недвусмысленным образом намекала на то, что неплохо бы японцам об этих договорах вспомнить. В июле 1941 года министр иностранных дел Третьего Рейха Иохим фон Риббентроп отоспал инструкцию послу в Японии, Отту: «Я прошу Вас продолжать прилагать усилия к тому, чтобы добиться скорейшего участия Японии в войне против России. Используйте все имеющиеся в Вашем распоряжении средства, потому что, чем раньше осуществится это участие в войне, тем лучше. Как и прежде, цель, естественно, должна заключаться в том, чтобы Германия и Япония встретились на Транссибирской железной дороге до наступления зимы».

У Японии и России, причём, что любопытно, как Царской, так и Советской, уже была богатая история противостояния. Русско-Японская война, участие Японии в Интервенции, масса пограничных инцидентов после установления японской власти в Маньчжурии, самый крупный из которых – бои у озера Хасан. Наконец, почти что полноценная война у Халхин-Гола, в которой японцы несут потери как минимум не уступающие потерям вермахта в Польской кампании.

В то же время с США Япония не скрещивала шпаг ни разу. Даже в 1853 году эскадра коммодора Перри “открывая” Страну восходящего солнца стреляла у берегов Эдо(Токио) лишь холостыми. Далее – возможный куш. В случае с ударом по Советскому Союзу им мог стать весь Дальний Восток, а может быть более обширные регионы Сибири. По ряду сведений немцы были готовы отказаться от претензий на все территории, лежащие восточнее 70° восточной долготы. В любом случае, Статья 2. Берлинского пакта гласила: “Германия и Италия признают и уважают руководящее положение Японии в установлении нового порядка в Великой Восточной Азии”. С другой стороны о возможностях территориальных приобретений за счёт США (кроме Филиппинских, Гавайских и ряда более мелких островов) никто и никогда не говорил всерьёз.

Вообще сами японцы очень чётко определяли перспективу высадки экспедиционного корпуса где-нибудь под Сан-Франциско с дальнейшим походом в сторону Скалистых гор как полную утопию. Особенно же ясно это понимали те военно-морские командующие, которые в дальнейшем и вели боевые действия против Штатов. Так, на стадии обсуждения плана атаки на Перл-Харбор,

Рис. 1.1: Японские солдаты под Халхин-Голом, 1939. Обратите внимание на трофейный ДТ у одного из сидящих

один из ведущих оппонентов этого плана начальник штаба 11-й воздушной армии Ониси Тайдзиро сказал дословно следующее: «В любой войне с США Япония не в состоянии поставить противника на колени. Вступить в войну, не имея этой способности, означает, что мы обязаны отыскать возможность короткой войны, что, в свою очередь, диктует нам необходимость в какой-то момент достичь компромисса. По этой причине, высадим мы десант на Филиппинах либо где-нибудь еще, нам следует избегать таких предприятий, как Гавайская операция, — она здорово разозлит Америку». Что уж тут говорить о каких-либо действиях непосредственно на Североамериканском континенте. К слову, спорил Тайдзиро с адмиралом Исоруку Ямamoto, который чуть ли не меньше всех был склонен недооценивать США и отводил своему собственному флоту примерно 1,5 года достаточно успешного противодействия американцам, а после этого срока считал неизбежным более или менее быстрое и полное, но поражение, если не произойдет каких-либо глобальных политических перемен.

Отношение японского флота к перспективе войны хорошо иллюстрирует следующий инцидент, имевший место в начале августа 1941. Тогда глава 1-го сектора 1-го управления морского генерального штаба Томийока Садатоши поручил своим подчиненным начать подготовку к войне. Когда капитан 3-го ранга Мийо выразил недовольство — он не уверен в шансах Японии в войне с Америкой, — Томийока всpxнул от гнева.

— Чушь! — воскликнул он. — Воюют не потому, что кто-то уверен или не уверен! Решение об этом принимает правительство. Что это за флот, если на объявление правительства: «Война!» — мы ответим: «Извините, но у нас нет уверенности, поэтому мы никак не готовились»?!

Или еще более определенные выражения из меморандума (уже не обсуждения и не фразы, но

вполне официального документа), подготовленного командиром флотского департамента аэронавтики Инуэ Сигейоси в 1940: «... Ясно, что при правильной политике в области вооружений для Японии возможно избежать поражения от Америки, и естественно надеяться, что именно так и будет. Но с другой стороны, Японии не победить Америку и не заставить ее капитулировать. В причине здесь нельзя ошибиться... Американские операции против Японии будут те же, что японские против Америки, в том смысле, что Япония находится на огромном расстоянии от Соединенных Штатов; но в других отношениях они очень отличаются друг от друга, потому что Америка сможет: 1) оккупировать всю территорию Японии; 2) захватить столицу Японии; 3) в войне стереть с лица земли японские войска».

Итак, у ведущих руководителей флота наличествует точное и ясное понимание того, что Япония неспособна силовыми действиями заставить Соединённые Штаты признать своё поражение, тем более, полностью их разгромить и уничтожить как значимую державу. Максимум возможного – временное выведение из строя американского флота (и то не всего, а только Тихоокеанского – Атлантика для японского Объединённого флота совершенно недосягаема), достижение локального господства на море на 1-1,5 года и... Что потом? Чем Япония рискует очевидно – а вот что она надеется достигнуть, так сказать, по варианту максимум?

Или же дело не в каше, а в угрозе? Япония вполне понимает, что по всем параметрам (кроме, быть может, достаточно неопределённых моральных) она в целом и её вооружённые силы в частности уступают США. В некоторых аспектах – на порядок. Слабейший (и знающий это) атакует сильнейшего. Как правило, такие действия диктуются стремлением упредить истинные или мнимые действия противника. Сейчас нам совершенно ясно и достоверно известно, что у Соединённых Штатов не существовало агрессивных планов в отношении Японской империи. Да, у ВМС США был так называемый Оранжевый план на случай войны с японцами, он регулярно обновлялся, но это лишь часть обычного военного планирования, а характер плана, хотя и наступательный, исходил из того, что военные действия будут начаты Японией. Никаких, даже словесных проектов высадки на Хонсю или какой-либо другой остров Японского архипелага, или чего-то в подобном роде в Америке до декабря 1941 года не было. Положим, японская разведка могла не знать об этом, но политическая ситуация в США, массовое нежелание втягиваться в очередную мировую войну в народе, обеспокоенность ситуацией в Европе у элит как будто не давала оснований для предположений о готовящейся агрессии. Тогда чего японцы боялись? Почему с начала 1941 года о столкновении с Америкой на флоте начинают говорить как об очень опасном, нежелательном, но, по-видимому, неизбежном?

К слову, здесь уместно напомнить, что с 1937 года Япония уже вовлечена в крупномасштабную войну в Китае, которая по совокупности жертв на начало 1941 года – до вторжения вермахта в СССР, значительно превосходит боевые действия в Европе. И, тем не менее, страна буквально бросается в ещё одну – и куда более тяжёлую. Причём нельзя сказать, чтобы в 1940 или 1941 японцы достигли в Китае столь значимых успехов, чтобы можно было, даже и ошибочно, списать этот ТВД со счетов. Общеизвестен и тот факт, что, несмотря на мир с СССР численность Квантунской армии неуклонно росла до 1945 года, т.е. неверно утверждать, что договор о нейтралитете, подписанный в апреле 1941 с Советским Союзом, позволил правительству и военному командованию Японии решительно перебросить свои резервы на другие операционные направления. Но тогда с ещё большей силой перед нами встаёт вопрос – почему? Почему был сделан выбор в пользу войны с Соединёнными Штатами? В уме всплывают какие-то достаточно неопределённые вещи в том духе, что США препятствовали японской экспансии – но как именно, в чём это выражалось, а главное – почему в итоге привело к Перл-Харбору?

Для начала разберёмся с принципиальным вопросом – почему Японии вообще была нужна (подчеркну это – действительно, на самом деле необходима) экспансия. Поможет нам здесь статистика. За отправную точку возьмём примерно 1600 год – в это время прошло два года с момента смерти первого объединителя Японии – Тоётоми Хидэёси. Финальный раунд борьбы за власть между его сыном Хидэри и влиятельным соратником/союзником Токугава Иэясу ещё впереди, но в основном период междуусобных войн можно считать оконченным. Сражаются уже за власть над страной, но никак не за то, чтобы вновь расколотить её на множество мелких осколков. Существуют различные оценки численности населения Японии в это время, разбросанные от 10 до

Рис. 1.2: Затопленный в гавани Перл-Харбора линкор Калифорния, 1941

20 миллионов человек. Наиболее вероятная цифра – 15-16 миллионов. Много это, или мало? Ну, к примеру, это в три раза больше, чем население в тот же период времени Русского Царства... Но дальше следует продолжительный период внешнего и внутреннего мира. Перепись населения 1721 даёт 26 065 425 человек. И это уже совершенно определённо много. Число жителей Страны Восходящего солнца превосходит самое густонаселённое государство Европы того времени – Францию – там в 1730 насчитывается 23 800 000. За 121 год японцев стало больше примерно на 10 миллионов. Теперь же сделаем ещё один скачок длиной чуть более чем в столетие. В 1846 году перепись показала... 26 907 600 человек. Иными словами прирост меньше миллиона. При этом – по-прежнему мир, покой, нельзя сказать, что какая-то сила проредила молодую поросль нации мечом. Тогда в чём же дело?

Кто-то из читателей может предположить – дело в эпидемиях. Могучие удары болезней, столь чувствительные в те годы, забрали массу жизней и не дали численности населения возрастать так же быстро, как прежде. Но и это не так – мы не располагаем информацией о катастрофических эпидемиях в Стране Восходящего солнца в 1721-1846. Зато у нас предостаточно сведений о чередующихся периодах массового голода. Голод Кехо, начавшийся в 1732, уменьшил население страны на 850 тысяч к 1750 году. Следующие 30 лет население Японии оставалось примерно одинаковым. Великий голод Тэммэй 1783–1787 годов уменьшил население Японии более чем на 1 миллион человек. После этого до 1830-х годов население Японии росло и снова достигло цифры в примерно 27 миллионов человек. Великий голод Тэмпо 1833–1836 годов сократил население Японии на целый миллион, чтобы оно вновь восстановилось 10 лет спустя.

Эти цифры говорят об одном – Япония достигла естественного предела. Без крупных регулярных торговых связей, в рамках традиционного хозяйства без технических новшеств земля не могла прокормить большее количество людей, чем плюс-минус малость 27 миллионов. К моменту силового вывода империи из её самоизоляции в 1853 эта цифра была превзойдена очень незначительно. Далее внешнеэкономические связи стали лавинообразно нарастать – и с ними приходить первые ростки новых технологий. Но переломом, естественно, стала Реставрация Мэйдзи. После обретения полноты власти императором-реформатором история Японии пустилась буквально вскачь – и это в полной мере касается и населения. На 1898 год японцев уже 46 миллионов. А далее масштабы роста только увеличиваются. В 1910 – уже 51 миллион. В 1925 – почти 60 миллионов. И тогда же пика достигает рождаемость. После 1930 она медленно начнёт идти на спад, но, во-первых, этого никто не мог тогда толком просчитать как долгосрочную тенденцию, а во-вторых, всё равно она ещё многие годы будет оставаться весьма значительной – настоль-

ко, что даже с учётом потерь войны обеспечит Японии к 1966 100 миллионов. Если бы Второй Мировой не было, то следовало бы с учётом непрямых демографических потерь накинуть ещё миллионов так 10-15. В реальности к концу XX века на Японских островах жило 126 с лишним миллионов человек. У тех, кто смотрел в будущее своей страны в 1920-х, кто делал прогнозы, были все основания предполагать 200 миллионов. Для маленькой и гористой Японии это бешено много. Плюс, стоит напомнить, что стигмат и родовая травма Страны Восходящего солнца это вулканизм, землетрясения и цунами. При подобной скученности каждое из них становилось бы неизбежно катастрофой со многими тысячами жертв. Даже и в современной Японии, которая очень далеко шагнула вперёд по части изобретения технологии защиты и предупреждения населения, периодически не удаётся выйти сухими из воды. Жертвами цунами 2011 года стали почти 20 000 человек. Опять таки, в 1920-х и 1930-х не могли рассчитывать на все современные средства защиты, но предполагать сами землетрясения очень даже могли.

В общем, Япония и японцы нуждались не в чём ином, как в жизненном пространстве И это не фигура речи. К слову, занятно будет сравнить ситуацию в Стране Восходящего солнца и в Германии, где один несостоявшийся художник очень много говорил и писал о походе на Восток за землём – и, в том числе на этом, пришёл в 1933 году к власти. В Германии тогда было 66 миллионов жителей. В Японии на тот же год – примерно столько же. Но в 1940 в Рейхе (без учёта Австрии и Судет) – 69 миллионов, а в Японии уже 73 – и перспективы увеличения разрыва. При этом Германия – это по большей части равнина, ни о каких извержениях и цунами там слыхом не слыхивали. Но и это не всё. От населения мы переходим к ресурсам и сырью. О, сколько жалоб можно найти в немецких мемуарах относительно топливного вопроса. Ох уж это дорогое и трудоёмкое в изготовлении искусственное горючее! Да, всё так, чистая правда. Да, Германия не особенно богата сырьём... в сравнении с СССР, США, или колониальными империями! Но, к примеру, такими стратегически важными ресурсами, как уголь и руда, она обеспечена в достатке. Бассейны Рура и Силезии не зря стали надёжной основой как немецкой металлургии, так и военной промышленности.

Япония же – геологический феномен. Обыкновенно на территориях, прилегающих к крупным разломам и точкам соприкосновения тектонических плит интересного и полезного довольно много. Хоть бы даже кимберлитовые трубы с алмазами. Но в Японии нет ни черта! Вплоть до настоящего времени основуrudной промышленности страны составляет добыча малоинтересной серы. Руды ценных металлов, уголь, нефть, газ – всё это не про Страну Восходящего солнца. В подконтрольной Корее ситуация была несколько лучше – но не настолько, чтобы это радикально меняло дело. Глобально для Японии вырисовывалась следующая перспектива: за счёт собственного сельского хозяйства прокормить стремительно растущее население невозможно – только внешняя торговля, только импорт. За счёт чего при этом формировать национальный доход? Развитие промышленности позволило не только заполнить в основном внутренний рынок, но и начать активно экспорттировать товары, но... Очень скоро собственного сырья стало нахватать для развёртывания и расширения производства. Да, ресурсы тоже можно покупать, но тогда их стоимость придётся включить в конечную цену экспортруемых изделий – и в конкурентной борьбе на мировом рынке они начнут проигрывать. Итог – при первом же крупном экономическом кризисе, сокращающем спрос, обвал всей экономической системы и полный крах, причём с очень сомнительными перспективами всплыть на поверхность. Единственная альтернатива – создание устойчиво своих рынков сбыта.

Т.е. всё то же решение – экспансия, приобретение колоний! Страна Восходящего солнца была вольна выбирать способ и направление достижения этой цели, но сам этот рывок вовне был практически неизбежным, если только руководство страны не готово было сознательно пойти на политику жесточайшего самоограничения – фактически – добровольную кастрацию промышленности и драконовские меры в социальной сфере. Всерьёз подобного никто в Японии не рассматривал.

Кто-то спросит: а как же современная Япония? Почему с ней ничего подобного не приключилось, хотя у неё нет ни колоний, да и сырья в недрах не прибавилось? Ответ кроется в том, что после 1945 года долгое время будущим страны распоряжались на столько японцы, сколько американцы, которые в своих интересах и на своих условиях, при которых японцы мало где напрямую оказывались конкурентами США, включили страну Микадо в мировую систему хозяйствования

и разделения труда. Свою роль в своё время сыграла и дешевизна рабочей силы. Но весьма примечательно следующее – у знаменитого японского экономического чуда датой начала считается середина 1950-х годов, а конец известен совершенно точно – это нефтяной кризис 1973. Япония была и остаётся одним из основных потребителей нефти Ближнего Востока. И совершенно не случайно, что крупнейший в истории супертанкер Knock Nevis был спроектирован в Японии и построен в Йокосуке.

Рис. 1.3: Knock Nevis

И уже в наше время, когда мы слышим о напряжённости в японо-китайских отношениях, о том, что Японии не нравится китайская активность на морях и их насыпные острова, то в первую очередь это связано с тем, что Китай берёт под надёжный контроль пути поставки в Страну Восходящего солнца топлива. Японцы осознают свою зависимость очень четко – и пытаются с ней бороться, но сделать могут не так много. Одним из способов в своё время стало форсированное развитие ядерной энергетики. Самые мощные по суммарной генерации энергоблоков АЭС в истории были построены в Японии. До катастрофы на Фукусиме 2011 года 30% произведённой в Японии энергии приходилось на долю мирного атома. При этом, хотя вообще автор сих строк является убеждённым сторонником ядерной энергетики, в случае с такой геологической зоной, на которой находятся Японские острова, это действительно очень и очень опасная лотерея. Понятно, что надёжной защиты от землетрясений и, особенно, цунами просто нет. Весь вопрос в критичности и масштабе происходящего. Фукусимская АЭС могла выстоять при волне в 10 метров. Но вот 15 оказались уже чересчур.

Очень показательно и то, что было после аварии. В 2012 году в стране были остановлены все действующие станции. За исключением двух блоков ситуация оставалась той же и в 2013. А вот потом станции снова начали запускать, параллельно резко пригасив всю фукусимскую тему в СМИ и уменьшив показательно зону отчуждения с 40 до 10 километров. Дошло до события для Японии беспрецедентного – правительство страны нарушило публично данное обещание относительно сокращения и закрытия атомных станций. А причина – в экономике. Обнаружилось, что без них страна просто не способна обойтись. Придётся или радикально наращивать объёмы ввозимого топлива, или устанавливать квоты и лимиты энергопотребления в промышленности (граждане и так приучены к экономии) – и тем самым откровенно её душить. Одним словом, даже в XXI веке кое-что от прежних проблем осталось. Нынешняя Япония, так сказать, насильственно

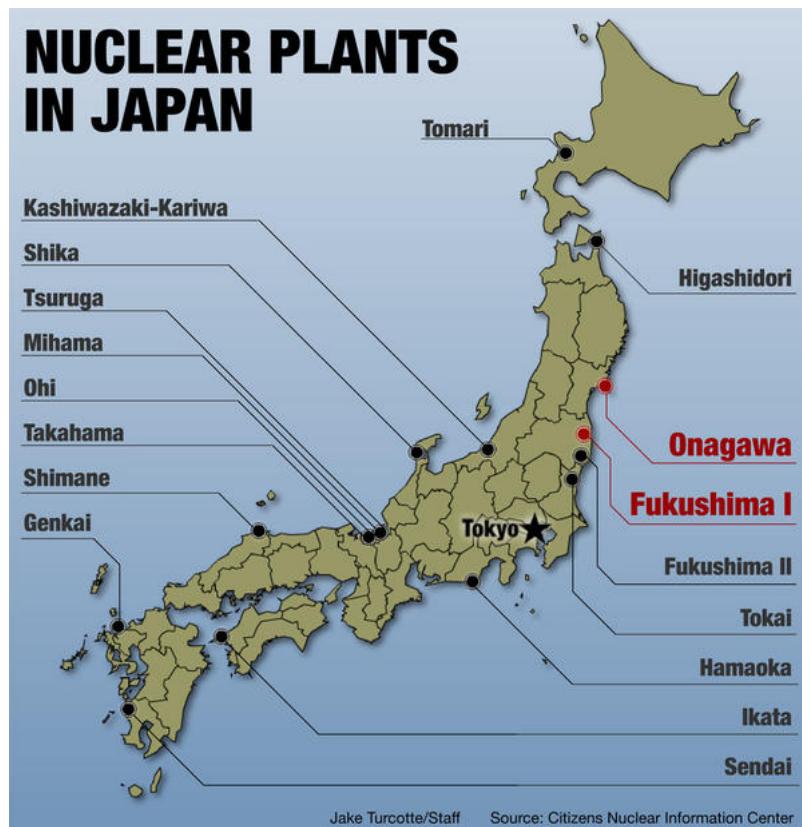

Рис. 1.4: Схема расположения АЭС в Японии

мирная страна – но для Японии 1920-х, страны с мощной военной кастой, страны-победительницы (последовательно три победы в Японо-китайской, Русско-японской и Первой мировой) мысль о расширении пределов и установлении своей зоны контроля вооружённой рукой была до такой степени естественной, что можно даже сказать – почти неизбежной.

Помимо вышеперечисленного, ещё один очень важный фактор – это так называемые Дзайбацу. Вообще дословно с японского это переводится просто как собственность. Но в приложении к истории Японии от конца XIX века и до Второй мировой речь идёт о глобальных объединениях-монополиях, которые с одной стороны по преимуществу контролировали какую-то часть рынка, а с другой стороны имели дочерние и вспомогательные структуры в самых разных отраслях, которые суммарно обеспечивали такому монстру почти полную автономию. Дзайбацу – отличительная черта развития капитализма в Японии, где стадия хаотической свободной конкуренции и первоначального накопления была преодолена очень быстро, чтобы в итоге породить одну из самых высоких в мире степеней концентрации капитала.

Причём, несмотря на это, он был слабоакционированным. У гигантских трестов и синдикатов были вполне конкретные собственники (откуда и название). Уже этот факт сильно облегчал контакт власти и бизнеса, особенно при обсуждении крупных вопросов, или достижении договорённостей на длительную перспективу. Наёмный управляющий далеко не всегда рискнёт активно вести игру с правительством и брать на себя обязательства. Переговоры с акционерами – всегда сложнейший торг, в котором нужно учитывать массу отдельных личных интересов, а общая консолидированная позиция далеко не всегда достижима. В случае с дзайбацу был тот конкретный человек, с которым можно было переговорить и достигнуть ясного и надёжного соглашения. Речь, правда, все же идёт не столько о личностях, сколько о кланах – известные параллели тут можно найти с европейскими финансовыми кланами, например знаменитыми Ротшильдами. Но есть и существенная разница. Фактически около дюжины семейств контролировали почти всю национальную экономику. Исходя из этого, они должны были иметь (и имели) колоссальное влияние и силу. Вот только их богатство было практически полностью сконцентрировано в пределах национальных границ. Если те же Ротшильды достаточно быстро стали интернациональной си-

Рис. 1.5: Парад японской армии в Токио, 1921 год

лой, которая, исходя из своей выгоды, делала ставку и избирала в качестве основной своей базы то одно, то другое государство, то судьба кланов-дзайбацу была плотно привязана к Японии. Прежде всего, дело тут было в том, что из Страны Восходящего солнца почти не было экспорта капитала. Источник богатства таких объединений, как Мицубиси или Сумитомо, лежал не в вывозе сырья, или в финансовых спекуляциях, что способствует накоплению свободных, легко перебрасываемых средств, но в промышленности. Капитаны индустрии обладали огромными ресурсами, но они практически полностью находились в деле и не могли быть извлечены из него без фатальных последствий. Для своего функционирования промышленность Японии нуждалась в постоянных закупках сырья, а потому всякая крупная прибыль не выводилась из страны, но обращалась на дальнейшее развитие производства. Всё это придало дзайбацу по необходимости ярко выраженную национальную ориентацию. И заставило искать путей для компромисса и взаимопонимания с высшей политической властью вместо жесткого давления на неё.

Фактически Японии чрезвычайно “повезло” в том отношении, что вместо обыкновенной олигархии сложилась весьма специфическая форма отношений между правительством и крупным бизнесом. Свою роль, конечно, сыграло и сохранение сильной императорской власти с многочисленными прерогативами. Даже император едва ли смог бы перебороть кланы-дзайбацу, если бы они выступили против него разом по какому-либо вопросу. Вот только в реальности для такого рода демаршей не было повода. В то же время, император обладал достаточными рычагами влияния для того, чтобы ослаблять менее лояльные и вознаграждать более лояльные кланы (самый очевидный инструмент – доступ к государственному заказу на военные и инфраструктурные проекты). При этом важно помнить, что ввиду особенностей японского менталитета и общественной структуры монарх был практически гарантированно застрахован от глобального покушения на свою власть. Практически все кланы-дзайбацу имели мелкое самурайское происхождение – со всем вытекающим комплексом представлений о мире, о себе и о своём долге по отношению к государству и Микадо.

На итог сложилась очень выигрышная и сильно способствовавшая экономическому росту Японии система, при которой власть хорошо знала и учитывала интересы крупного бизнеса, а он в свою очередь был не только отстранённо лоялен, но деятельно способствовал реализации тех или иных социальных, экономических и внешнеполитических проектов правительства. Вообще такого рода порядок оказался настолько эффективным, что пережил даже поражение в войне, крушение старой Японии и американскую оккупацию. Администрация Макартура приняла ряд приказов, согласно которым 10 основных дзайбацу должны были быть разделены и ликвидированы уже к 1946 году. Действовали во многом по аналогии с имевшим место во времена оные насильственным разделением Стандард Ойл в самой Америке. Результат был схожий – насильственно порванные связи достаточно быстро восстанавливались, формально отдельные компании координировали свои действия на рынке, да и вообще всё было похоже на противника Шварцнеггера из второго Терминатора – разбитый и расколотый он достаточно быстро стекался и собирался воедино заново. Только в Японии всё вышло ещё более провально, чем в США – прежде всего ввиду явно выраженного и всеобщего недовольства не только самих бизнесменов, но и бюрократии и даже работников предприятий – так дзайбацу Мацусита, поначалу должна была быть также закрыта, но была спасена петицией, организованной союзом, в который входили 15 000 рабочих компаний и их семьи. В 1950-х термин дзайбацу ушёл в прошлое, уступив место термину кайрецу, которые и посейчас играют ведущую роль в экономике страны, причём большая их часть ведёт более или менее ярко выраженную преемственность по отношению к предшественникам. Мицубиси и Мицуи, Сумитомо и Токай – все они существуют и поныне и руководят огромными империями, включающими в себя самые знаменитые мировые бренды. И по-прежнему плотно взаимодействуют с властью.

Однако вернёмся в предвоенные времена. Как всякий крупный капитал, дзайбацу стремились к расширению – и не могли не сознавать, что собственная ресурсная база их страны не позволяет им достигнуть таких масштабов и оборотов, каких достигли ведущие объединения США, Великобритании, Франции – основных конкурентов японцев в бассейне Тихого океана и в Китае в 1920-е и 1930-е. Вообще идея экспансии должна была представляться главам дзайбацу очень естественной и заманчивой. Так же естественно и то, что в этом отношении они нашли полное понимание со стороны властей. Принципиально другое – экспансия, её плоды для дзайбацу была внесена в негласный договор между ними и правительством. В этом смысле нельзя сказать, что, скажем, решение о развязывании войны с Китаем было прямо продиктовано кланами-дзайбацу, но у руководства Японии было очень чёткое понимание, что даже временный отказ от экспансии может фатально нарушить так удачно отстроенную его симфонию с бизнесом и вообще сделаться началом крупных неприятностей и потрясений. Одним словом, не то чтобы дзайбацу держали империю за горло мертвой хваткой, но не учитывать их интересы было совершенно невозможно.

Итак, ещё раз – экспансия – безусловная необходимость. По этому поводу в Японии имеется общественный консенсус, всеобщая убеждённость. По-своему она даже превосходит убеждённость в необходимости натиска на Восток среди немцев. Японские солдаты и, особенно, офицеры во Вторую мировую будут очень чётко сознавать, что воюют за жизнь и будущее империи. Нам остаётся теперь понять главное, то, что и было вынесено в заглавие серии – какими принципами руководствовалось правительство Страны Восходящего солнца, когда делало шаги в том или ином направлении, и что в итоге привело к столкновению с США, ставшему фатальным для Японии.

https://vk.com/wall-162479647_82858

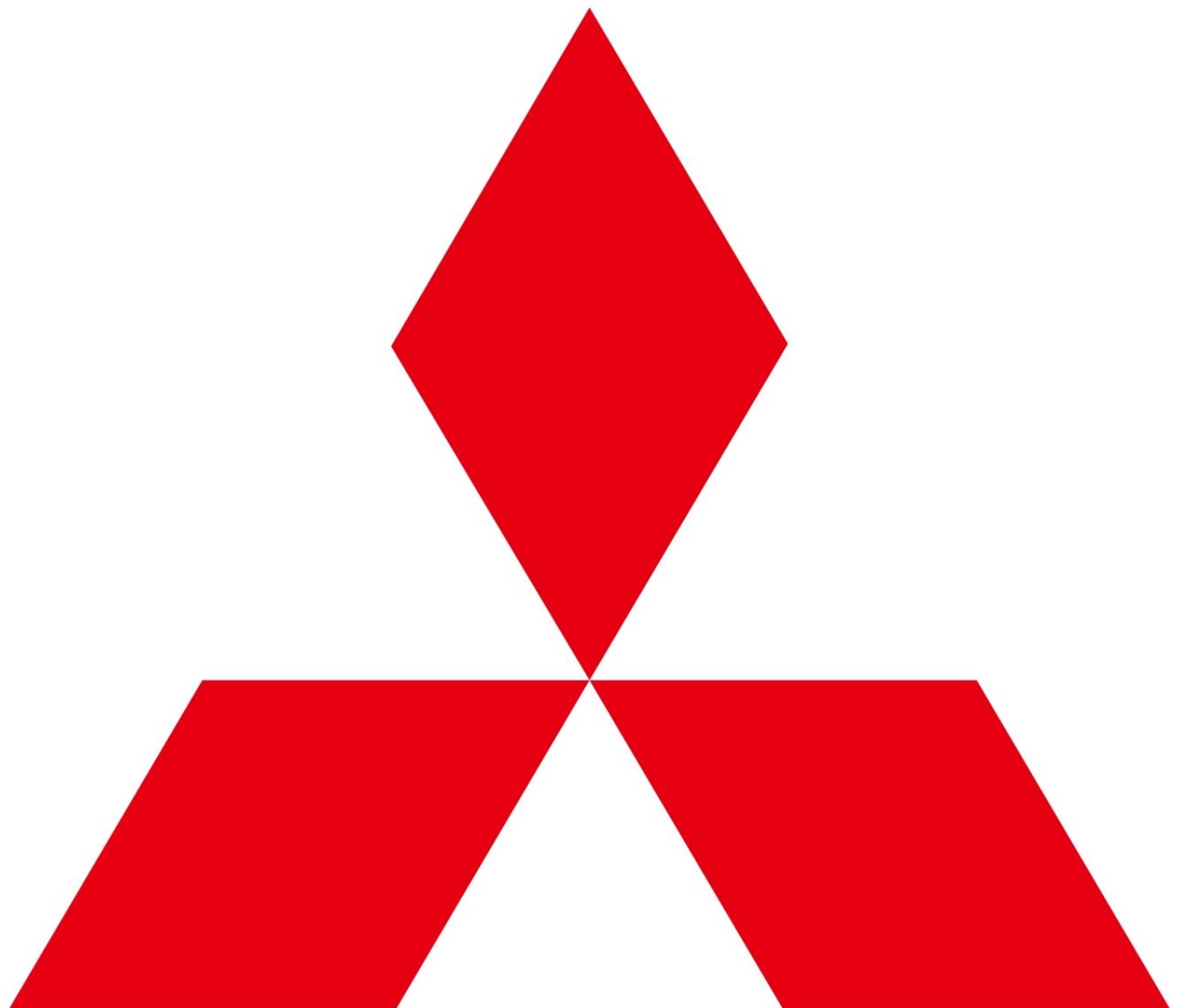

Рис. 1.6: Символ дзайбацу Мицубиси, возникшей ещё в 1870-х, и сейчас известен всему миру

Катехизис Катафиса

2. Глава 2

Рад опять приветствовать своих читателей! В прошлый раз мы разобрались с тем, почему экспансия для Империи Восходящего солнца была не прихотью, а настоятельной необходимостью. Нехватка жизненного пространства и ресурсов для развития нации была для Японии не страшилкой и не выдумкой, а суровой реальностью. Весь вопрос был не в том, нужна или не нужна колониальная империя, а в том, где и за счёт кого её строить. Иначе говоря, в выборе того стратегического направления, на котором вооружённые силы и государственная машина должны прилагать максимальные усилия.

Мы знаем, какой вариант в итоге стал реальностью. Но кто принимал решение? В этой части мы попытаемся набросать модель той системы власти, с которой Япония подходила к одному из решающих периодов в своей истории – и поговорим о тех изменениях, которые эта модель претерпевала. А потому точкой начала нашего повествования должен стать 1912 год. Именно тогда произошло два крайне важных для Страны Восходящего солнца события. И сперва мы взглянем на то, которое случилось в ней самой. 30 июля 1912 в возрасте всего 59 лет, но уже после долгого и славного правления, скончался император Муцухито, он же более известен в западной историографии по девизу своего царствования – "просвещённое правление или Мэйдзи.

Можно много говорить о том, что перемены были необходимы Японии. Можно рассуждать о предпосылках стремительного рывка её от положения насильственно "открываемой" почти что уже колонизируемой, в целом слабой и мало чем, кроме любопытной национальной культуры, примечательной страны на самом краю континента, к статусу одной из великих держав. Но огромная роль императора-реформатора в том, что на этом сложнейшем пути его стране сопутствовал успех, неоспорима. Муцухито для Японии значит, как минимум, не меньше, чем Пётр Великий для России, при этом в целом воспринимается обществом куда более однозначно. Петра I я упомянул не случайно – помимо сходств, в качестве абсолютных монархов, которые решительно двинули свои государства по пути модернизации и вестернизации, между ним и Муцухито, разумеется, есть и различия.

Петр, вне всяких сомнений, сам был главным инициатором и разработчиком своих преобразований. С японским императором всё куда сложнее. Начать стоит с того, что в тот момент, когда будущий Муцухито, а тогда ещё Сатиномия (Счастливый принц), получал образование, его активное участие в государственных делах никем не предполагалось. Система сёгуната, как известно, отводила императору почти декоративную роль, а потому, главным образом, наследник Хризантемового трона изучал поэзию (позднее, уже обретя власть, он продолжит писать стихи), каллиграфию и тому подобные дисциплины. К моменту смерти его отца и восхождения на престол в 1867 году, степень осведомленности Муцухито о политических вопросах, да и вообще о

Рис. 2.1: Император Муцухито, он же Мэйдзи

положении дел в стране была очень слабой. Было ему тогда всего 15 лет. Никогда в жизни он не покидал Киото, причём, естественно, центральной его части. Но всего важнее даже не это. Сравним вновь с Петром. С ранних лет он знает, что судьба его – править. Реально, а не фиктивно. И, когда возникает препятствие в виде Софии и её амбиций, он играет весьма активную роль в её падении, деятельно ему способствует. Значение Муцухито в деле ликвидации сёгуната и победе над Токугава Ёсинобуничтожно. Восстание княжеств Тёсю, Тоса и Сацума началось ещё при жизни его отца, человека не старого, на которого формально и ориентировалось, а реально шло с порой на собственные силы сумевших провести частичное перевооружение по европейскому образцу армий соответствующих даймё. Решающее военное поражение сёгунат потерпел ещё в 1866. Иными словами, Муцухито не взял в свои руки власть – её ему дали. По общим оценкам вплоть до 1871 года, когда полностью было покончено со сторонниками прежней формы правления и завершилась убедительной победой новой власти так называемая война Босин, император в реальном управлении страной не участвовал. Действительно же решающим его влияние на политику сделалось только в 1880-х, когда первый этап реформ принёс по-настоящему ощутимые плоды.

К чему это всё здесь пишется? Дело в том, что начало новой истории Японии проходило при преобладании деятелей, вышедших из регионов-победителей, трёх княжеств, расположенных на юге Страны Восходящего солнца, которые и повергли династию Токугава. Причём в дальнейшем они повели себя чрезвычайно и во всех отношениях мудро. Будучи вполне готовыми сохранять власть в условиях традиционной Японии, они сознавали свою неспособность сделаться государственными деятелями новой формации, вестернизированными, по-новому образованными

ми. Не даймё, а министрами. И озабочились воспитанием тех людей, которые должны составить их смену. Причём, хотя, конечно, заботясь о своих семьях, даймё княжества Сацума Симадзу Тадаёси, даймё княжества Тёсю Мори Такатика и даймё княжества Тоса Ямаути Тоёнори, а также и другие ключевые лидеры, свергшие сёгунат, в качестве основного критерия ставили талант, а не происхождение. Единственным обязательным условием была принадлежность не столько к семейству, сколько к клану в самом расширительном смысле этого слова. Идеальный пример – Ито Хиробуми: 1-й, 5-й, 7-й и 10-й премьер-министр Японии, председатель Тайного совета, автор проекта первой Конституции страны.

Рис. 2.2: Ито Хиробуми

Родился он 16 октября 1841 года в столице княжества Хаги, находившегося в вассальной зависимости от княжества Тёсю в крестьянской семье, однако позднее был усыновлён семейством Ито и получил статус асигару и фамилию Ито. Этого, в общем, по меркам старой, сословной Японии ничтожного статуса оказалось достаточно, чтобы показавшего большие успехи в традиционных науках мальчика включили в состав так называемой Пятёрки из Тёсю – группы юношей, для которых, впервые в истории страны и несмотря на прямой запрет тогда ещё полновластного сёгуна, в 1863 году был организован выезд на обучение Университетский колледж Лондона. Все пятеро будут в числе крупных государственных деятелей Японии периода Мэйдзи, а двое – пожалуй, ключевыми. В 1870 году, уже после победы в Войне Босин, для того же Хиробуми была организована поездка на стажировку в США для изучения валютно-финансовой системы. В 1871 он займёт видное место в крупной дипломатической миссии, посланной японским правительством в Европу.

Ну а уже в 1873 году 32-летний Ито становится министром общественных работ (строго говоря, полноценный, европейского типа кабинет министров ещё не был создан, потому иногда можно видеть и другие названия должности Ито Хиробуми, но функционал и размер полномочий, тем не менее, обозначены). Процесс перехода власти от старых элит к новым осуществлялся на редкость мягко и плавно – по любым меркам, ну а тем более по японским. Старые лидеры могли как умирать (с очень чётко составленным политическим завещанием и подготовленным преемником), или тихо отходить в сторону, что делает им честь. Конечным результатом стало образование сплошённой за счёт как землячества, так и осознания общности своей судьбы и своих политических целей, заблаговременно подготовленной прослойки крупных деятелей-реформаторов в окружении императора. Старые даймё сумели, таким образом, несмотря на решительный слом всех прежних оснований японской жизни, пересадить на новую почву часть своих наиболее принципиальных взглядов, а также ретранслировать в будущее влияние своих родных областей, которые, получившие его ввиду того, что смогли несколько обогнать остальные регионы в деле модернизации, сами по себе, если бы не эта целенаправленно выращенная, в том числе и за границей элита, не имели бы внутренних ресурсов для его поддержания.

Вопрос о том, делал ли император свиту, или свита – императора, остаётся во многом открытым в японской истории. Точных сведений о том, кто первым предлагал те или иные знаковые идеи и новации, как правило, нет. Известно, что Мэйдзи на заседаниях Государственного совета сам говорил немного – но это не обязательно означает ведомость и индифферентность. Многое решалось на неформальном уровне. И это нашло своё отражение в Конституции 1889 года, которая действовала в Японии и в 1920-х – 1930-х годах. Большие властные прерогативы императора, который, однако, практически никогда не принимал принципиальных решений, предварительно не посоветовавшись с определённым кругом людей, краткость Конституции, оставлявшей непрописанными многие вопросы взаимодействия между органами и ветвями власти. Пробелы эти порой заполнялись императорскими указами, но чаще – политической практикой.

Рис. 2.3: Провозглашение Конституции Японской империи в представлении представителей традиционной школы японской графики

Формально ситуация была следующей. Основная часть конституции была прямо списана с Конституционной хартии Пруссии, в некоторых аспектах разбавленной и дополненной документами других германских государств, например Бадена и Вюртемберга. Отдельные пункты были взяты у британцев – в частности организация парламента и институт пэров. Своего было не так много. Японский учёный Накано Томио, предпринявший в 1920-х годах тщательный сравнительный анализ статей японской и европейских конституций, пришёл к выводу, что лишь три статьи Конституции Японской империи могут считаться вполне оригинальными — статья 1 о непрерывной династии, статья 31 о полномочиях императора в случае военного положения и статья 71 о применении бюджета предшествующего года.

На вершине пирамиды власти находился император. Он назначал судей, которые действовали от его имени, был главнокомандующим вооружённых сил, формировал кабинет министров, даёт статус пэра и право заседать в верхней палате парламента (который в целом имеет право по своему желанию распустить, запустив процесс перевыборов). Подданные могли выбирать только

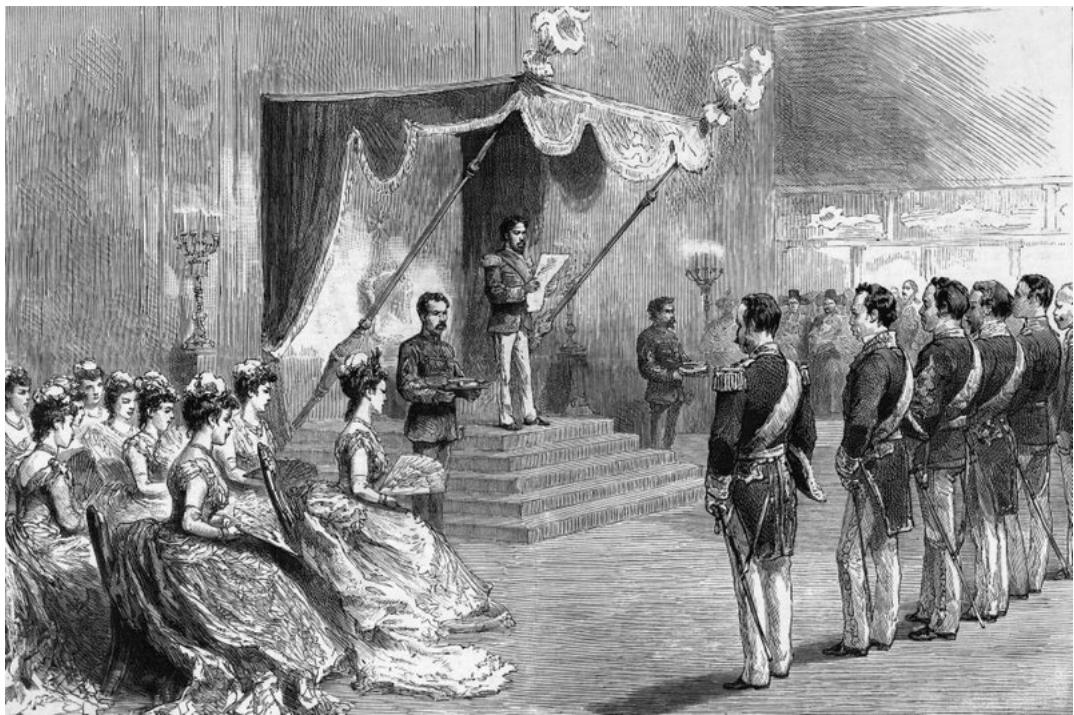

Рис. 2.4: Провозглашение Конституции Японской империи в представлении европейцев. Иллюстрация из журнала The Graphic

нижнюю палату парламента – Палату депутатов.

Однако, перечисление органов власти на этом не окончено. Существовал ещё Тайный совет, члены которого также назначались императором. Теоретически единственная функция Совета – сугубо совещательная, т.е., собственно, давать Микадо те или иные рекомендации – не более. Фактически же, ситуация напоминала ту, которую мы можем видеть в современной России в отношениях между правительством, парламентом и администрацией президента. Но и это ещё не всё, потому, что существовали Гэнро.

Это – совершенно особенное явление японской политической жизни и культуры. По большому счёту, весь предшествующий текст этой главы был написан для того, чтобы подвести к ним и их роли. В отличие даже от Тайного совета, Гэнро – это вообще не орган государственного управления. Гэнро – не должность и не чин. Это статус. Гэнро – всего их было 9 (но не одновременно, а в течение всего периода правления Муцухито), это ключевые деятели эпохи реформ, основные сподвижники императора Мэйдзи в деле перелицовывания страны. Только в Японии, вероятно, возможна такая тонкая грань формального и неформального, как в этом случае. Существовала особая церемония "производства" в гэнро – но не все из девятки её прошли, что никак и ни на что не влияло. С гэнро почти как с дао – проще перечислить чем оно не является, чем дать точное определение. Это не орден, не тайное общество, не титул. Фактически, как бы странно это не прозвучало, это такой особый вид императорской признательности – и императорского же личного обязательства перед этими людьми. Ни в каком документе, тем более в Конституции, полномочия совета Гэнро не прописаны. Реально император почти ничего не делал без их принципиального одобрения. Именно гэнро предлагали (но не всегда, а только тогда, когда сами считали нужным) императору кандидатуру на должность премьер-министра, и император во всех случаях принимал их рекомендацию. Мэйдзи добровольно разделял с ними свою власть, что давало возможность девятке менять уже формальные свои статусы как рабочую одежду. Министры, генералы, наместники, они могли потом на время уходить в тень – и вновь возвращаться на свет с новым указом монарха. Власть гэнро, никак и нигде иначе не закреплённая, осуществлялась через прерогативы и полномочия императора, который, таким образом, очень мудро гарантировал её сохранение и поддержку самыми видными и талантливыми государственными мужами страны, которые в ином случае могли бы по тем или иным соображениям пытаться ограничить, а то и подточить её. Гэнро были нужны императору, но и он был необходим гэнро.

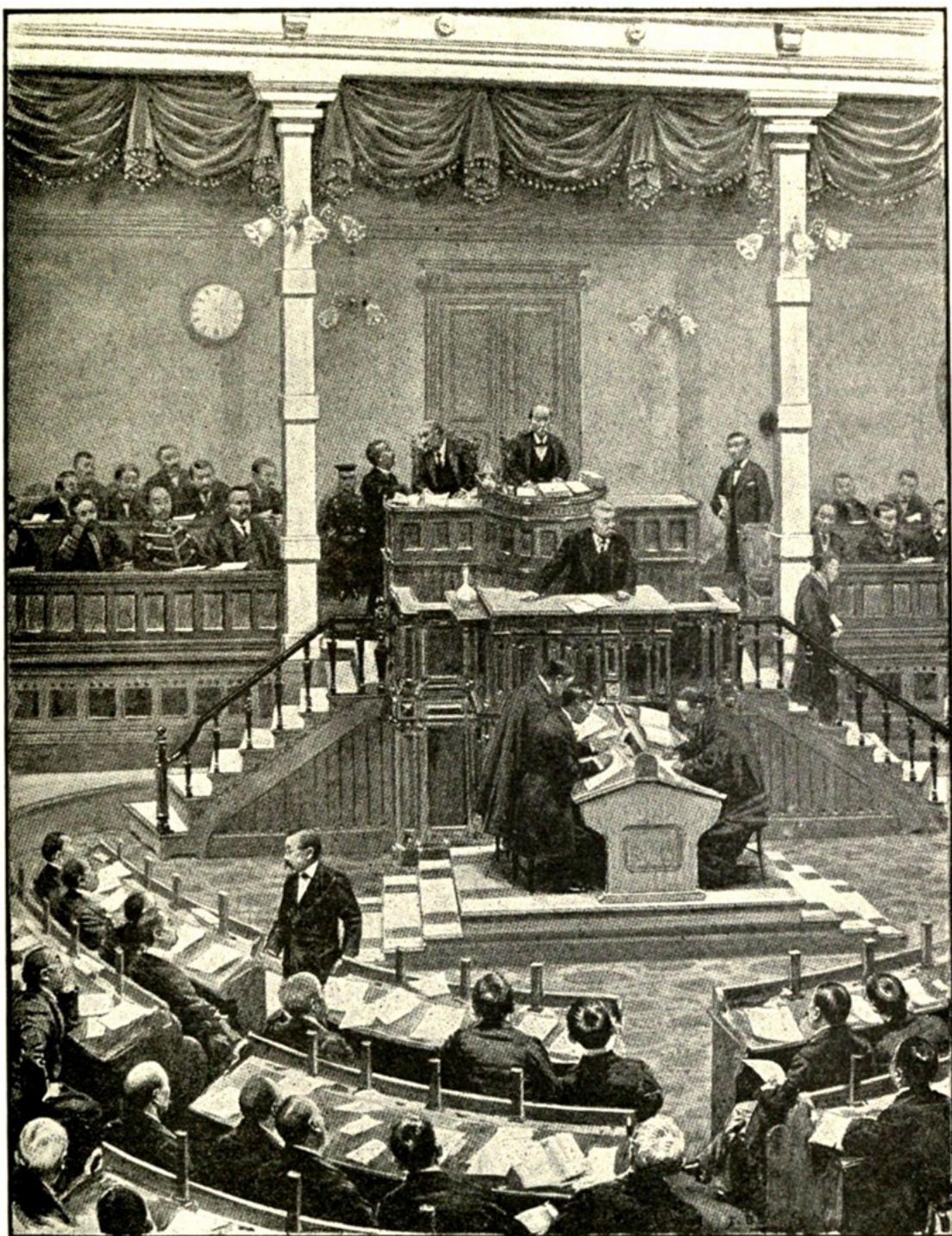

Рис. 2.5: А вот так на самом деле выглядел японский парламент

Современная историография Страны Восходящего солнца называет их отцами-основателями Японии, проводя параллель с американскими. Определённое рациональное зерно в этом есть. Люди это и вправду были выдающимися – и роль в трансформации своего отечества в могучую силу сыграли большую. Формат гэнро был удобен, судя по всему, лично Мэйдзи, соответствуя его характеру, достаточно выгоден для не имеющей опыта парламентской демократии страны, близок к меритократии, как её описывал, например Платон – власти мудрых и не ограниченных условностями. Но...

Система эта с гарантией программировала в будущем глубокий политический кризис. Вожди борьбы с сёгуном могли заранее подготовить себе преемников потому, что власть в стране была ещё совершенно не институционализирована. Не было не то что Конституции, представи-

тельства, но почти вообще ничего. Избранные ими люди, пройдя через горнило реформ, обретя опыт, сработавшись с императором, сделались гэнро. Они же выстроили по кирпичу здание новой государственности, продолжая негласно направлять общее движение страны в море большой политики. Но и они, и сам император – смертны. И невозможно передать, ни по наследству, ни в виде чинопроизводства пост "сподвижник великого императора". Вернее, при большом таланте к политическому эквилибру, возможно всё, но в Японии конца XIX – начала XX века до такого ещё не дошли. А теперь вернёмся к тому, с чего начали – в 1912 умер Мэйдзи. Ещё в 1909 – Ито Хиробуми, первый и наиболее влиятельный из гэнро. До него в 1900 умер Курода Киётака, а в 1902 - Сайго Цугумити. В 1913 умрёт Кацуро Тара, в 1915 – Иноуэ Каору... К концу Первой Мировой в живых останется три гэнро. К моменту принятия решения об интервенции в Манчжурию в 1931 – один.

При этом ни один из легальных и публичных органов и институтов власти не был достаточно силён, чтобы взять в свои руки бразды правления. Народовластие было, помимо прочего, ограничено жесточайшим избирательным цензом, основанном на величине доходов. При том, что на первых выборах в Палату депутатов в 1890 году проголосовало 94% тех, кто имел на это право, это был менее чем 1% населения страны. Кабинет министров находился в никаким законом не обусловленной, но жесткой зависимости от Тайного совета, а тот в свою очередь прежде направлялся гэнро, а теперь – непонятно кем. Вообще во все предшествующие годы – причём от момента их создания – иных прецедентов они не знали, все эти органы не только были на практике, но делались намеренно и целенаправленно ограниченно самостоятельными. Гэнро не только увязывали их на себя, но и служили совершенно необходимым механизмом координации, объединения и направления усилий.

Из предыдущей части должно было стать ясно, почему в Японии, несмотря на наличие мощных финансово-промышленных объединений, не сформировалась классическая олигархия. Самоуправление отсутствовало как класс. Местные элиты были целенаправленно подавлены сперва территориальной реформой Мэйдзи, которая уничтожила исторические провинции страны, переделив их между новыми префектурами, а после и рядом других мер, в том числе карательного характера. Вот и получалось, что власть не то чтобы лежала на земле, как это было, скажем, у нас в 1917, но не было никого, кто обладал бы ею в полной мере. Теоретически Конституция давала исключительные, почти самодержавные возможности в руки императора – но в объективной реальности Японии 1910-х он уже не мог быть самодержцем – вместо могущества и полновластия он, напротив, повис бы тогда в воздухе, а после, несмотря на огромный питет к правящему дому, оттеснён на прежнее, декоративное место, которое занимал до Реставрации Мэйдзи. Быть может кто-то со стальной волей и могучим интеллектом и мог бы реально использовать свои прерогативы и права, но те люди, которые на самом деле последовали за Муцухито (а уже он, как мы поняли, руководил страной отнюдь не самовластно), были на это совершенно не способны.

У Мэйдзи было 15 детей, однако до зрелых лет дожило лишь пять, из которых 4 были девочками, а японская традиция, в отличие даже от Китая, не знает правящих императриц. Таким образом, хотя до 1889 года не существовало документа, который определял бы порядок престолонаследования, т.е. теоретически права действующего императора в этом вопросе ограничены не были, но в действительности альтернатива принцу Хару (позднее получившему имя Ёсихито) отсутствовала. 3 ноября 1889 года он был официально провозглашён наследником.

Сложно сказать, что представляло бы собой правление императора Ёсихито. Никакими особыми способностями он не блестал и никак не проявил себя в детские годы – впрочем, его великий отец тоже стал таковым не сразу. Но всё это – лишь догадки. Дело в том, что будущий император с девизом правления Тайсё (великая справедливость) в детстве переболел менингитом, что сказалось на нём самым фатальным образом. Это касалось и физического и, в первую очередь, умственного здоровья. Наследника, а затем и монарха то охватывали приступы почти беспринципного гнева, во время которых он доходил до того, что бил окружающих своим жокейским хлыстом, то на их место приходили волны ужаса. Ёсихито страшно боялся покушения на свою жизнь. Состояние его было хорошо известно, так что нет ничего удивительного в том, что под предлогом траура по Муцухито, церемонию интронизации и передачу власти наследнику отложили аж на три года – до ноября 1915. Помимо простого и понятного желания подольше не

Рис. 2.6: Ёсихито, уже в ранге императора Тайсё

иметь дела с полубезумным человеком на троне, был и ещё один мотив – все, и не без оснований, боялись, что Тайсё может провалить церемонию и страшно опозориться сразу в начале царствования. Уже позже, сделавшись императором, во время одного из парадов Ёсихито совершенно неожиданно и без видимых причин упал с лошади и не мог сам подняться.

По большому счёту, единственное, что император был просто обязан сделать – и, по возможности, качественно – это сына-наследника. С 10 мая 1900 Тайсё был женат на принцессе Садако. Именно Ёсихито ввёл при дворе моногамию – до того, помимо главной, официальной жены, император имел множество наложниц. Есть, впрочем, предположение, что дело тут было не в каких-то новых, по сравнению с предшественниками, моральных принципах и воззрениях, а банально в том, что немощному императору одной женщины было более чем достаточно. Как

бы там ни было, Тайсё и Садако со своими обязанностями справились успешно – один за другим на свет появились четыре принца, причём все достаточно здоровые, успешно пережившие годы младенчества и детства. Старшим был рождённый 29 апреля 1901 года принц Мити, который получил титул наследного принца 2 ноября 1916.

Рис. 2.7: Принц Мити, будущий Хирохито, в возрасте 2 лет

На мальчика многие смотрели с надеждой – состояние его отца с годами лишь ухудшалось. Во время своего последнего появления в парламенте в 1919 году он, вместо того, чтобы произнести заранее подготовленное слово, молча свернул в рулон текст своей речи и, держа ее как подзорную трубу, таращился сотовой на поднимающихся с места и кланяющихся парламентариев. Хотя, конечно же, никаких проявлений непочтительности не было, с этого момента правление Тайсё фактически подошло к концу. Большую часть времени император начинает проводить на

загородных виллах вне Токио под заботливым, но плотным присмотром. А уже в 1921 году при императоре был официально назначен регент – его успевший как раз подрасти 20-летний сын Хирохито. Т.е. даже строго формально Тайсё правил менее 6 лет. На самом же деле – в полном смысле слова не правил никогда. В 1926 году Ёсихито умрёт в возрасте 47 лет. Совершенно очевидно, что при Тайсё не могло возникнуть не то что новых гэнро – он вообще не оказал практически никакого влияния на состояние и состав политической элиты. Есть, конечно, как это часто бывает, конспирологические версии, согласно которым доброго и умного императора не то травили, не то обманывали много лет, а потом сжили со свету коварные и не желавшие реформ приближённые, ну да оставим их на совести тех, кто их выдумывает...

Если вернуться, держа в памяти судьбу несчастного Ёсихито, немного назад, то риски, грозившие Стране Восходящего солнца, начинают выглядеть куда рельефнее. Объективно уход поколения гэнро и смерть (надо добавить, в ещё отнюдь не старом возрасте) императора-реформатора Мэйдзи, оставляла для Японии три альтернативы. Первая – идеальная, но едва ли возможная – появление на троне не менее сильной, но, в то же время, способной к компромиссам, ценящей добрую помощь и склонной к делегированию части своей власти личности, эдакого Мэйдзи 2.0, вокруг которого естественным образом сформируется своя команда – новые гэнро. Как мы уже поняли, произошло прямо противоположное. Вторая – полное крушение здания власти, вплоть до революции – к слову, хотя у нас мало кто об этом знает, но несколько раз в своей истории Япония была на грани именно такого развития событий. В дальнейшем об этом будет сказано подробнее. И третья – некий институт, может быть даже и не имеющий на то законного права, все же получит мандат доверия от элит и общества, своеобразный ярлык на власть, а сам – не побоится принять его.

Именно это и случилось, а институтом таким сделалась армия. Почему именно она? Тому много причин. Первая – это её репутация. Если для Страны Восходящего солнца в целом эпоха Мэйдзи – это совершенно потрясающий прорыв и успех, то слава армии, конечно, особенно для японского обывателя, сияла так ярко, как ничто другое. Перемены во внутренней жизни нередко были и болезненными. О “старых-добрых” временах особенно сильно не вздыхали, но какие-то претензии к реформаторам (естественно, не к самому императору) были у многих. Армия же одерживала всем очевидные, понятные, приятные и вызывающие гордость победы, причём одну за другой. Японо-китайская, Русско-японская, Первая мировая – у всех в Японии было ощущение, что этот и без того впечатляющий список может быть и будет продолжен. Вторая причина – в том, что армия, как казалось многим, причём уже не только неискушённым в политике простолюдинам, это та сила, которая стоит вне внутренних дрязг партий и элитных групп, а защищает государство как таковое и в целом. Переползание власти в руки военных началось в значительной мере с того, что у политиков возникла примерно такого плана мысль: “Пока мы не разберёмся с нашими внутренними проблемами, не спланируем и не подготовим новую систему распределения полномочий и ответственности, нужно, чтобы кто-то надежно и без лишних вопросов и амбиций охранял то, что уже существует, подпирал старое здание, пока мы не решили, как именно его перестраивать”. И действительно, поначалу армия играла роль чисто консервативной силы, сдерживавшей напор разного рода радикалов, в то время как гражданское руководство искало пути для дальнейшего движения вперёд.

Какие именно пути? Скажем, во второй половине 1920-х, была предпринята попытка подменить гэнро так называемыми дзюсинами – бывшими премьер-министрами, которая, естественно, потерпела полный провал. Во-первых, их было слишком много. За период с 1918 по 1940 успело смениться 20 (!) премьеров. Во-вторых, сам по себе факт пребывания в этой должности и близко не соответствовал авторитету сподвижника Мэйдзи. Если гэнро, люди весьма разные, тем не менее, составляли общую “корпорацию”, то дзюсины во-первых нередко относились друг к другу весьма прохладно (и не удивительно – некогда один из них вполне мог подсаживать и интриговать против другого), а главное – не составляли никакого единства. Каждый из бывших премьеров был силён и авторитетен ровно настолько, насколько сам своей предшествующей политической карьерой смог этого добиться. Кто-то, как, скажем, принц Коноэ, был весьма влиятелен, а кто-то – совершенно нет. Не было и того особого взаимодействия между дзюсинами и императором, которое имело место между Мэйдзи и его гэнро. С Тайсё вообще нельзя было

политически взаимодействовать, а Хирохито не имел ни особых поводов, ни желания устанавливать такие отношения с бывшими премьерами. В итоге получился просто клуб советников – без ответственности, но и без прав, которые, к тому же, зачастую советовали очень разное.

Были и другие попытки. Так, ещё в 1892 году, при Мэйдзи, один из гэнро – явно с ведома остальных и самого императора, попытался организовать политическую партию, носившую название Народная лига, но создать массового проправительственного движения толком не получилось.

Рис. 2.8: Сайго Цугумити, один из гэнро, маршал флота Японской империи, основатель Народной лиги

Японцы в массе своей были, безусловно, лояльны правящей династии и удовлетворены теми людьми, которые группировались у трона, но, именно по этому, предпочитали заниматься сво-

ими, неполитическими делами. В итоге, когда последовательно началось усиление сперва коммунистов, а потом националистов, правительству оказалось некого им противопоставить, кроме полиции и других силовиков. Тем более не удалось запустить и подконтрольный власти механизм социального лифта. Едва не единственным таким лифтом, к слову, была, как раз, армия и флот, где самурайское происхождение ценилось (впрочем, это могли быть самые бедные и неродовитые семьи), но не было жестким блоком, стеклянным потолком, который не давал бы талантливому и упорному человеку пробиться выше.

Ну а третьей причиной было то, что у армии, единственной из всех, был ясный и ей самой, и остальным план того, что нужно сделать для обеспечения благополучия и процветания Японии. Давить на Китай! Такой подход был удобен многим и во многих отношениях. Про осознанную необходимость экспансии подробно было сказано в предыдущей части. Дополнительно те же дзайбацу интересовали всё возрастающие военные заказы. Элиты были рады возможности сплотить нацию перед лицом внешних вызовов. Консерваторы радовались тому, что этот путь не требует радикальных реформ внутри страны. Дезорганизованная уходом поколения Мэйдзи-гэнро бюрократия империи получила понятную задачу, которая, к тому же, дополнительно укрепляла и усиливала её – поддерживать нацию в состоянии готовности к войне. И вот вам корни того самого пресловутого “японского милитаризма” о котором мы можем прочитать, скажем, в наших школьных учебниках.

Но был, помимо перечисленных выше причин, совершенно конкретный спусковой крючок, который очень сильно поспособствовал росту значимости армии. Как уже было сказано в самом начале этой части, помимо смерти Мэйдзи – события внутрияпонского, было и ещё одно, оказавшее огромное влияние на будущее Страны Восходящего солнца. 12 февраля 1912 года в Китае завершилась Синьхайская революция, император Пу И (мы ещё вспомним о нём позже) отрёкся от престола, Манчжурская династия пала, а Поднебесная была провозглашена республикой. Всё это обещало великие перемены, которые могли оказаться как очень выгодными для Японии, так и очень опасными. Для того, чтобы понять почему, нужно кратко остановиться на предшествующей истории Китая вообще и его отношений с японцами в особенности.

В целом, Поднебесная, меняя династии, названия, до некоторой степени – границы, тем не менее, многие века оставалась безусловным гегемоном Восточной Азии. Причём не только в военно-политическом смысле, но и в экономике, науке, культуре. Японцы никогда не признаются в этом до конца – в первую очередь самим себе, но степень заимствованного из Китая в их истории и традициях очень велик. Буддизм, конфуцианская этика, да что уж там – даже чайная церемония пришли с континента. В то же время, Япония никогда не была не только частью империи, но даже её вассалом, в отличие, например, от будущего Вьетнама, или, что важнее, Кореи. В своё время объединивший Японию после периода междоусобиц Тоётоми Хидэёси направил в силу целого комплекса причин, где, пожалуй, основной было стремление найти занятие для в одночасье ставших ненужными с установлением внутреннего мира многочисленных воинов профессионалов, свой удар на Страну Утренней свежести в 1592 году. Лёгкость побед закалённых и хорошо вооружённых японцев, а также известная внезапность их ударов привела к быстрому и полному успеху в Корее, за которым последовало самое настоящее головокружение. Сёгун возмечтал ни много ни мало завоевать Китай. Чего здесь было больше – спеси, неинформированности, или отрыва от реальности в окружении льстецов, сказать трудно. Но фактически речь шла о реализации басни про бодание телёнка с дубом в масштабах довольно многочисленной и сильной нации. Боевые действия длились 6 лет и носили довольно парадоксальный характер: японцы куда чаще побеждали своих противников, нежели им проигрывали, но стратегически Страна Восходящего солнца всё более и более истощалась, в то время как китайцы, хотя и часто терпя поражения, были способны вести такую войну ещё многие годы без особенного напряжения. Ну и, конечно, не было и речи о японском вторжении на территорию собственно Поднебесной – все события происходили в Корее. В итоге, как только упрямый, но в остальном неглупый и твёрдо державший власть в своих руках Тоётоми Хидэёси умер, обе стороны, формально не заключив мира, сочли за благо свести войну на нет. Ну а позднее, после долгих и порой курьёзных переговоров, дипломаты двух стран всё же сумели это официально закрепить и оформить.

Эта история, отстоящая от рассматриваемого нами периода более чем на три столетия, тем

не менее, очень поучительна и мы будем вспоминать её, когда поведём речь о начале открытой войны Японии с Китаем уже в 1930-е годы. А тогда, на рубеже XVI и XVII веков, Китай был для японцев явно не по зубам – так оно было и в дальнейшем. Как следствие, никаких военных поползновений в период сёгуната Токугава, что на Поднебесную, что даже на Корею, не предпринималось. Вообще для всех в Азии, а с войны 1592-1598 годов и для японцев, величие Китая было как бы константой, которую никто не ставил под сомнение. Ну, почти никто – кочевники были всегда самой страшной головной болью для великой империи. И в 1644-1683 они, а именно манчжуры, завоевали Китай в последний раз. Довольно быстро, как и всегда, Китай оправился, частично переварил и ассимилировал своих покорителей, вернул свой статус и возобновил традицию (скажем, экзаменов на соискание чиновного поста). Весь XVIII век империя Цин только разрасталась и крепла. В новое, XIX столетие, она входила самым населённым государством мира с крупнейшей армией и неизменно положительным торговым балансом, в том числе со странами Европы. Однако уже скоро наступит период величайшего в истории Поднебесной унижения – Опиумные войны. Пересказывать их причины и ход здесь нет ни места, ни нужды, ограничиваясь обобщённым итогом – горстка европейцев сокрушила непобедимую империю, продиктовала ей свои условия, создала торговые фактории и базы, в частности знаменитый Гонконг, которые позволяли дополнительно контролировать соблюдение достигнутых договорённостей. Китай был насищенно “открыт” – и его экономика, а скоро после неё – и государственный аппарат, начали рушиться, оползать и рассыпаться, так что не удивителен тот внутриполитический эффект, который оказало на японцев прибытие эскадры коммодора Перри – слишком показателен и печален был пример соседей. Ответом на вызовы времени стала ускоренная модернизация. Казалось бы, Китай должен был пойти этим же путём. Однако, не вышло.

Причин тут много. Но, пожалуй, ключевая, это оторванность он основной части народа Манчжурской династии и элиты в целом, причём не только политическая, социальная, экономическая, но и этническая. Нельзя, конечно, говорить, что Китай больше двух с половиной столетий находился в оккупации, как это делали в своё время ультрапатриоты, но факт остаётся фактом – фактор крови, пусть уже во многом иллюзорный, продолжал играть свою роль в распределении властных полномочий. Императоры, уже совершеннейшие китайцы, и по культуре, и по этносу (тут постаралась масса наложниц), тем не менее, продолжали поддерживать старые и отжившие перегородки в обществе, боясь, что без них их власть рухнет.

В Японии Мэйдзи был возведён на трон как действительный правитель теми, кто хотел перемен, сам возглавил этот процесс, доверяя в то же время своему окружению. Японцы в целом, видя последовательность и решимость власти, не стеснялись учиться и не боялись меняться. В Китае императоры балансировали между группировками реформаторов и консерваторов, по-переменно поддерживая то одних, то других, с единственной целью обезопасить и подкрепить собственную династию. Даже когда реформаторы преобладали, их победа никогда не была полной. Китайцы могли покупать технику, особенно оружие, но в полном смысле переучиваться не желали и не могли. Шли бесконечные дискуссии о том, что можно и что нельзя брать у Запада, в какой момент принятие иностранных образцов затронет суть и соль жизни Поднебесной, можно ли это допустить и всё в таком духе. Обязательная система экзаменов, некогда гордость Китая, теперь привела к тому, что воспроизвелись исключительно консервативные и не готовые к ломке старого деятели. Отдельных смельчаков и самородков давили массой.

Наконец, по мере углубления кризиса, множились восстания, причём, к сожалению, они были очень далеки от прогрессивных революций – в основном это были дикие бунты тех или иных специфических для Китая помесей тайных обществ и сект. Ярчайший пример – восстание тайпинов. Занятно, что сами себя тайпины полагали христианами, хотя, если бы их взгляды удалось в полной мере донести до католического, протестантского, или православного священника той эпохи, то у любого из них волосы бы встали дыбом. 14 лет с 1850 по 1864 год они пожирали огромные ресурсы государства, направляемые на борьбу с ними. Что ещё хуже, в конечном счете, правительство Китая было вынуждено нанять европейских военных специалистов на командные должности в армии, чтобы справиться с ними. Самый известный пример – британский генерал Гордон, чья слава родилась именно тогда. Почему приглашение военспецов было опасно? Да потому, что у них толком не учились, затвердив и переняв только отдельные внешние формы,

зато на будущее многие политические и военные лидеры Китая были убеждены, что уже видели и постигли эту самую загадочную европейскую военную науку.

К концу XIX века Китай пришёл в ужасающем состоянии, чем и воспользовались японцы. Война 1894-1895 года очень сильно ударила по застоявшимся умам. Можно было примириться с поражениями от белых. Но то, что японцы – здешние, такие же, да что там, всегда худшие, более слабые по сравнению с великой и могучей Поднебесной империей, победили Китай...! После такого унижения страну начало трясти не по-детски. Боксёрское восстание – классический пример того, как власть придерживающие пытаются канализировать под своим контролем скопившийся протестный потенциал, возглавить народное движение, выпускают джинна из бутылки, а потом страшно его пугаются, но уже не могут загнать обратно. Императрица Цыси сперва явно потворствовала ихэтуаням, а потом была бессильна от них избавиться и полностью утратила над ними контроль. Но были и другие силы. Нападения на посольства оказались как нельзя лучшим поводом. Возмутились все ведущие страны цивилизованного мира, а их правительства поспешили этим законным негодованием на действия агрессивных дикарей, воевавших в числе прочего с телеграфными столбами, воспользоваться. Альянс восьми держав – ведь в истории беспрецедентная. Ни до, ни после никогда не было такого случая, чтобы объединились в едином строю без изъятия все основные мировые державы. Сочеталось, как кажется, несочетаемое, например немцы и французы. В Альянсе были представлены: Германия, Франция, Россия, Япония, США, Британия, Италия и даже не имеющая колоний и почти сугубо сухопутная Австро-Венгрия. В некотором роде это был тогдашний аналог миротворческого контингента ООН. 45 000 солдат под командованием немецкого генерал-фельдмаршала Вальдерзее достаточно быстро справились с противником. Весь вопрос был – что потом?

Китай стремительно превращался в некий аналог Османской империи, в больного человека Азии, слабого, почти агонизирующего, но слишком большого, чтобы какая-нибудь одна колониальная держава могла заглотить его разом. Иными словами, Поднебесную не делили в первую очередь потому, что опасались в процессе позволить получить слишком жирный кусок и слишком большие преимущества своим противникам и конкурентам. Эта система сдержек, как кажется, работала, но прочной ей назвать было никак нельзя. А главное – время движется вперёд. Та же Высокая порта на глазах в том числе и японцев начнёт лавинообразно терять территорию после прихода к власти младотурок. Италия отберёт Ливию, 1-я Балканская война едва не сократит европейские владения турок до одних только окрестностей Стамбула. Когда в 1911-1912 грянуло в Поднебесной, у японцев было обоснованное (и частично подтверждавшееся) подозрение, что ситуация может начать развиваться по аналогичному сценарию. Иначе говоря, державы, сочтя новое правительство слишком нестабильным для поддержки, могут бросить свои заботы надальным человеком, и позволить событиям идти естественным путём. В этом случае для Японии было критически важно оказаться в числе первых в очереди за наследством.

Однако, мы несколько забежали вперёд. Прямыми следствием Восстания боксёров стало ускорение действий русского правительства в Манчжурии и в целом расширение его амбиций. Китай был слаб, так что теперь туда лезли буквально все, как в вокзальный буфет. После японско-китайской войны Российская империя выступила в качестве друга, почти союзника китайцев. Теперь, после достройки КВЖД, проведении необходимых работ (первого их этапа) в Порт-Артуре и Дальнем, с ними стали считаться гораздо меньшей степени. Если вместе с китайским правительством Россия действовала по необходимости умеренно, ибо власти Поднебесной просто не могли совершать излишне резких движений, то теперь дела пошли многое более напористо. Ключевым же было то, что Восстание дало возможность наплевать на ранее заключенные договорённости о выводе русских войск с территории Китая.

Мы не станем здесь подробно останавливаться на причинах и ходе Русско-японской войны – это тема для полноценной отдельной работы, а то и целого ряда работ. Не станем мы акцентировать внимания и на причинах нашего неуспеха и японской удачи. Ключевое для нас – это то политическое и моральное влияния, тот эффект, который вызвал успех Империи Восходящего солнца в Азии. В том числе и в Китае. С одной стороны, война ещё раз и очень унизительным образом продемонстрировала его слабость – она, хотя об этом часто забывают, шла, собственно, на китайской территории, при том, что официальное правительство в Пекине сохраняло нейтралит-

тет, не давало никому и никаких разрешений на подобные действия, а, за исключением сданного в аренду Ляодунского полуострова, именно оно было законным правительством в Манчжурии. Фактически ситуация была следующей: третьи страны вели масштабные боевые действия на территории Китая, не спрашивая и вообще не замечая его – и он ничего с этим не мог поделать. Куда уж позорнее! С другой, произошло немыслимое – азиатская страна выиграла у европейской. Перворазрядной великой державы! Полновесную, масштабную войну! Без союзников! Вообще в мире победа Японии была сенсацией, но в Азии это было событие, переворачивающее мир.

Ничто иное не могло дать такого импульса и толчка, так усилить сторонников реформ и перемен, как этот потрясающий пример! Всякие сомнения теперь развеивались, а контраргументы парировались такими словами, как Порт-Артур, Мукден и Цусима. Азиатское государство добилось в мирном договоре с европейским территориальных уступок (пусть Полусахалинский граф Витте и сделал всё, чтобы они были минимальными и совершенно ничего не значили для империи, кроме некоторой потери престижа). Да, в реальности у японцев всё было не так радужно, как могло показаться неискушённому наблюдателю. Несмотря на свои неоспоримые победы, страна была сильно истощена, а Россия, пожалуй, могла бы даже рассчитывать на итоговый успех, в случае концентрации всех своих усилий на Дальнем Востоке. Вот только именно этого по причинам дипломатическим и военно-стратегическим, экономическим, социально-политическим и прочим она и не могла сделать. Очень велики делались риски.

Новые народные восстания в Китае были неминуемы, но они вполне могли быть повторением того, что имело место в случае с тайпинами, или боксёрами – слабоорганизованное движение, основанное не утопических представлениях и принципах. Теперь же в Китае появилась прослойка интеллектуалов и даже чиновничества, которая знала что именно нужно стране, а образцом в значительной мере видела именно Японию. Основатель Гоминьдана, один из отцов Синьхайской революции, человек, которого почти в равной мере почитают в современных КНР и на Тайване, Сунь Ятсен сделал решающий шаг по пути борьбы именно в 1905 году – и это не случайно. Не менее знаковым можно счесть и тот факт, что в этот момент, когда он основывал свой революционный союз борьбы Тунмэнхой, Сунь Ятсен находился не где-нибудь, а в Токио.

Рис. 2.9: Примерно так Сунь Ятсен выглядел в те годы

Отношение китайцев к Стране Восходящего солнца в это время было очень двойственным:

с одной стороны, её боялись, а так же не могли не припомнить ей поражений и унижений недавней войны. С другой – у неё жадно учились и истово на неё надеялись, как на пример того, что азиатская страна может достигнуть успеха, двигаясь по пути модернизации. Едва ли не большинство лидеров Синьхайской революции и видных политиков периода ранней республики, помимо военных, так или иначе, учились, либо жили некоторое время в Японии. Если бы дело было в наше время, то чиновники, лояльные Манчжурской династии, непременно записали бы всех этих “бузотёров” в агенты японцев, пытающихся специально предательски ослабить Поднебесную путём “цветной революции”. В действительности, конечно, это было не так. Хоть сейчас это и может показать парадоксальным и даже глупым, влияние японской армии, или иных структур на создаваемые китайцами на её же собственной территории тайные группы и революционные организации было минимальным. Вообще же, безусловно, лидеры Японии были о них хорошо осведомлены. А потому крах манчжуров и установление Республики воспринималось одновременно и как окно возможностей, и как источник опасностей. Китай могли как мгновенно разорвать, разом набросившись, все мировые империалистические акулы, так и, напротив, он мог и, поразив всех, воспрянуть. Пожалуй, в последнее японцы верили больше, чем кто-либо ещё – и именно по той причине, что это им подсказывал их собственный успешный опыт. Так или иначе, за китайцами необходимо было внимательно следить. А ещё лучше – действовать. И скоро возможность представилась.

https://vk.com/wall-162479647_82945

Катехизис Катафисса

3. Глава 3

В прошлый раз достаточно подробно было сказано о структуре власти в Японской империи согласно её Конституции, реальных центрах принятия решений и начале постепенного процесса перехода власти от них к новым органам и силам. Кроме того, вкратце было обозначено приоритетное для Империи Восходящего солнца китайское направление политики и те события, которые сделали Поднебесную одним громадным кипящим котлом.

В общем и целом, почти сразу после Синьхайской революции Япония начала проявлять всё возрастающий интерес к китайским делам. Однако первоначальная не столько ставка, сколько надежда на, как сейчас бы выразились, "мягкую силу не оправдалась: китайские революционеры могли искренне восхищаться японцами, брать их за образец, но совершенно не горели желанием отстаивать их интересы в ущерб своим собственным. Не сразу, но выход был нашупан – куда более сговорчивыми оказались представители старых элит: ещё маньчжурского происхождения и назначения чиновники, и, что важнее, армейские командиры. Эти последние совсем недавно были в авангарде модернизации и прогресса в Китае, но скоро смекнули, что теперь течение реки перемен так ускорилось, что угрожает смыть уже и их. Ни военные дарования (весьма сомнительные), ни политическое кредо (как правило, ещё более сомнительное) не давало гарантий, что новые люди, приходящие к власти в стране, будут склонны не то что дозволить сохраниться той вольнице, которая делала каждого отдельно взятого генерала практически самовластным господином в том регионе, где были расквартированы его войска, но и вовсе не уволят к чертям из армии тех, в ком не будут полностью уверены. Вообще просматривались два равно невыгодных для генералитета варианта, которые можно условно назвать османским и японским. Первый предполагал появление в качестве военного советника некоего генерала-иностраница, которому будут даны самые широкие полномочия как на проведение реформ, так и на отбор кадров в армии (пример – Лиман фон Сандерс). Второй – отправку молодых и перспективных младших офицеров на стажировку и обучение в Европу, а затем, после их возвращения, ускоренное производство в чинах, вплоть до полного замещения прежних военных элит.

Пожалуй, самым влиятельным – и самым беспринципным из китайских генералов был Юань Шикай.

Никогда и никого не побеждавший на поле брани (во время восстания Боксёров он даже целенаправленно увлёл подчинённые ему части Бэйянской армии, чтобы она, избежав потерь, продолжала играть роль важного фактора китайской политики), он был весьма искусным интриганом. В самом деле, нужно было быть весьма талантливым, гуттаперчевым человеком, чтобы стать как последним первым министром Империи Цин (2 ноября 1911 – 10 марта 1912), так и первым президентом Китайской Республики – при том, что большая часть революционеров-синьхайцев

Рис. 3.1: Юань Шикай

откровенно ненавидела Шикая, но вот поделать с ним ничего не могла, так как именно он был той точкой, осью, которая согласовывала интересы новых властей и старых силовиков и хоть как то позволяла держать последних в узде. С Юань Шикаем японцам было бы довольно удобно иметь дело – вот только, что гораздо важнее, они были не единственными участниками игры. С апреля по август 1912 года Юань Шикай получал от различных западных держав по 6 миллионов юаней ежемесячного в счёт будущего «реорганизационного займа»; эти деньги шли на укрепление Бэйянской армии, на подкуп колеблющихся республиканцев (особенно командного состава войск, концентрировавшихся на юге страны, где республиканские настроения преобладали), политиков и депутатов парламента. Наращивая мощь по прежнему верной ему Бэйянской армии, Юань Шикай последовательно сокращал численность республиканских войск Юга, и к марта 1913 года вооружённые силы провинций Цзянсу, Аньхой, Цзянси, Хунань и Сычуань потеряли 16 дивизий. Лидеры левых республиканцев не возражали против расформирования войск, набранных из необученных добровольцев в период борьбы против династии Цин, так как полагали, что, пожертвовав этим «балластом», можно будет сохранить все старые кадровые войска Наньянской армии. Однако Юань Шикай в середине 1912 года лишил Хуан Сина должности командующего войсками Юга, разрушив военную структуру левых республиканцев. В целом президент вёл себя жёстко и реалистично, а левые республиканцы зачастую действовали так, словно Китай уже стал страной буржуазной законности и порядка. Вообще, хотя, конечно, и с очень большими натяжками, можно увидеть параллели между этим периодом китайской истории и отечественными событиями 1993 года. Исход борьбы между парламентом, где доминировал Гоминьдан, и президентом, опиравшимся на верные ему части армии, во всяком случае, был очень похожим. Юань Шикай сделался пожизненным президентом, а в 1915 он попытается даже стать императором, для чего организовали специальный референдум (разумеется, срежессированный). Необходимые голоса президент получил, но вот поддержкой военных на сей раз заручиться не смог – самого хитреца Шикая готовы были терпеть, но это не распространялось на его потомков. Дни монархии в Поднебесной были сочтены. Что до Сунь Ятсена, лидера революционеров, то ему в 1913 пришлось бежать из страны. Ирония судьбы в том, что местом назначения вновь стала Япония, хотя она была одной из тех сил, что ставили на Шикая.

Однако, оставим ненадолго китайскую тему, потому что на календаре появилась роковая дата 28 июня 1914 – день Сараевского убийства. Поначалу, Японии почти не было дела до того кризиса, который постепенно нарастал в Европе, хотя, конечно, совсем не замечать и не учитывать его она не могла. Но вот 1 августа 1914 то, что раньше было лишь схваткой Австро-Венгрии и Сербии, превращается в войну Германии против России, а значит Центральных держав против Антанты. Что это означало для японцев? Начать стоит с того, что к 1914 году существовал формальный и обоюдовыгодный, прошедший проверку временем англо-японский союз (подробнее о нём мы ещё поговорим далее). Выходит, всё просто – союзнические обязательства предписывали Империи Восходящего солнца вступление в войну? Вовсе нет. Во-первых, договор был оборонительным, а

Британия 4 августа 1914, пусть и в ответ на агрессию в отношении нейтральной Бельгии, сама объявила войну Германской Империи. Во-вторых, сферой действия союза была исключительно Азия: нормы договора предусматривали общие и специальные интересы англичан и японцев. Общие интересы сводились к сохранению мира в областях восточной Азии и Индии, к обеспечению независимости и целостности Китая и к принципу равенства всех народов в торговле и промышленности в Китае. Специальные интересы у каждого союзника были различны. Специальный интерес Англии — в безопасности индийской границы. Специальный интерес Японии — в Корее, которая признавалась Англией состоящей под исключительным влиянием Японии. Наконец, в третьих, сами британцы не так чтобы горели желанием видеть Японию в числе воюющих держав, даже и на своей стороне. Британский министр иностранных дел сэр Эдуард Грей боялся, причём более чем обоснованно, что в случае участия в войне, Япония, не оказав существенной помощи союзникам (было очевидно, что своих войск в Европу, где должны были разгореться основные сражения, она не пошлёт), расширит свои владения сверх всяких пределов, а, прежде всего, достигнет преобладания в Китае.

Несмотря на все возражения Адмиралтейства, Грей пытался помешать вступлению Японии в войну. 1 августа 1914 года он прямо сообщил своему японскому коллеге Като, что Великобритании потребуется помочь только в случае атаки дальневосточных колоний. Однако усилиям Грея суждено было остаться бесплодными, потому что другой влиятельный британский политик полагал, что сражающаяся Япония будет полезна Британской империи. Этим политиком был никто иной, как сэр Уинстон Черчилль, занимавший в ту пору пост Первого лорда Адмиралтейства. В этом качестве он обязан был решить непростую проблему: при всей мощи Королевского флота, его сил на то, чтобы одновременно надёжно блокировать немецкий Флот Открытого моря, гарантируя победу над ним в случае попытки прорыва, и на то, чтобы при этом иметь значимые эскадры в дальних морях и колониях очевидно не хватало. Черчилль избрал по-видимому верный путь концентрации и сосредоточения на основном противнике. Таким образом, в связи с тем, что все британские дредноуты были сосредоточены в Европе, на Тихом океане, да даже и в Индийском тоже, остались только сравнительно старые тяжёлые корабли. Отстаивая правильность такого расположения сил, Черчилль ещё в марте 1914 года во время выступления в палате общин заявил, что поражение главных сил британского флота в Европе сделает маленькую эскадру на Тихом океане беспомощной. Любая британская эскадра в этом районе неизбежно будет уступать главным силам флота европейских противников: "...два или три дредноута в австралийских водах будут бесполезны после поражения британского флота в отечественных водах".

Как следствие этого, Черчилль опасался, что подчёркнутый отказ от помощи японцев вызовет их раздражение и недоверие, а нехватка собственных сил на удалённых ТВД может привести к такому нежелательному исходу, как самостоятельная экспансия Империи Восходящего солнца, вне связи с Британией и её, пусть даже косвенного, контроля. Наконец, в самом худшем случае, существовал риск, хотя и очень скромный, но совсем игнорировать его британцы не могли, что Япония вообще будет сражаться на стороне Германии. 11 августа 1914 года Черчилль, опасаясь, что Грей всё-таки выступит против участия Японии в войне или постарается ограничить такое участие, заявил ему: "Я думаю, что вы можете окончательно расхолодить их. Я не вижу середины между их участием и неучастием. Если они вступят в войну, мы должны приветствовать их как товарищей. Ваша последняя телеграмма в Японию почти враждебна. Я боюсь, что просто не понимаю хода ваших мыслей, и в этом аспекте не могу следовать вашим намерениям. Эта телеграмма заставляет меня трепетать. Мы все составляем единое целое, и я хотел бы оказывать всемерную поддержку вашей политике. Но я категорически возражаю против препятствий японцам. Вы легко можете нанести смертельный удар нашим отношениям, последствия которого будут ощущаться ещё слишком долго. Шторм вот-вот разразится".

Сложно сказать, насколько на позицию министра иностранных дел повлиял именно этот разговор, но, в конечном итоге, Грей примирился с перспективой увидеть в ближайшее время воюющую Японию.

Но что же сами японцы? Японская империя, как кажется, была совершенно вольна выбирать. Фактически же выбор был между вступление в войну на стороне Антанты, или нейтралитетом. Почему именно так? Отчего не рассматривается вариант с войной на стороне Германии? А ведь

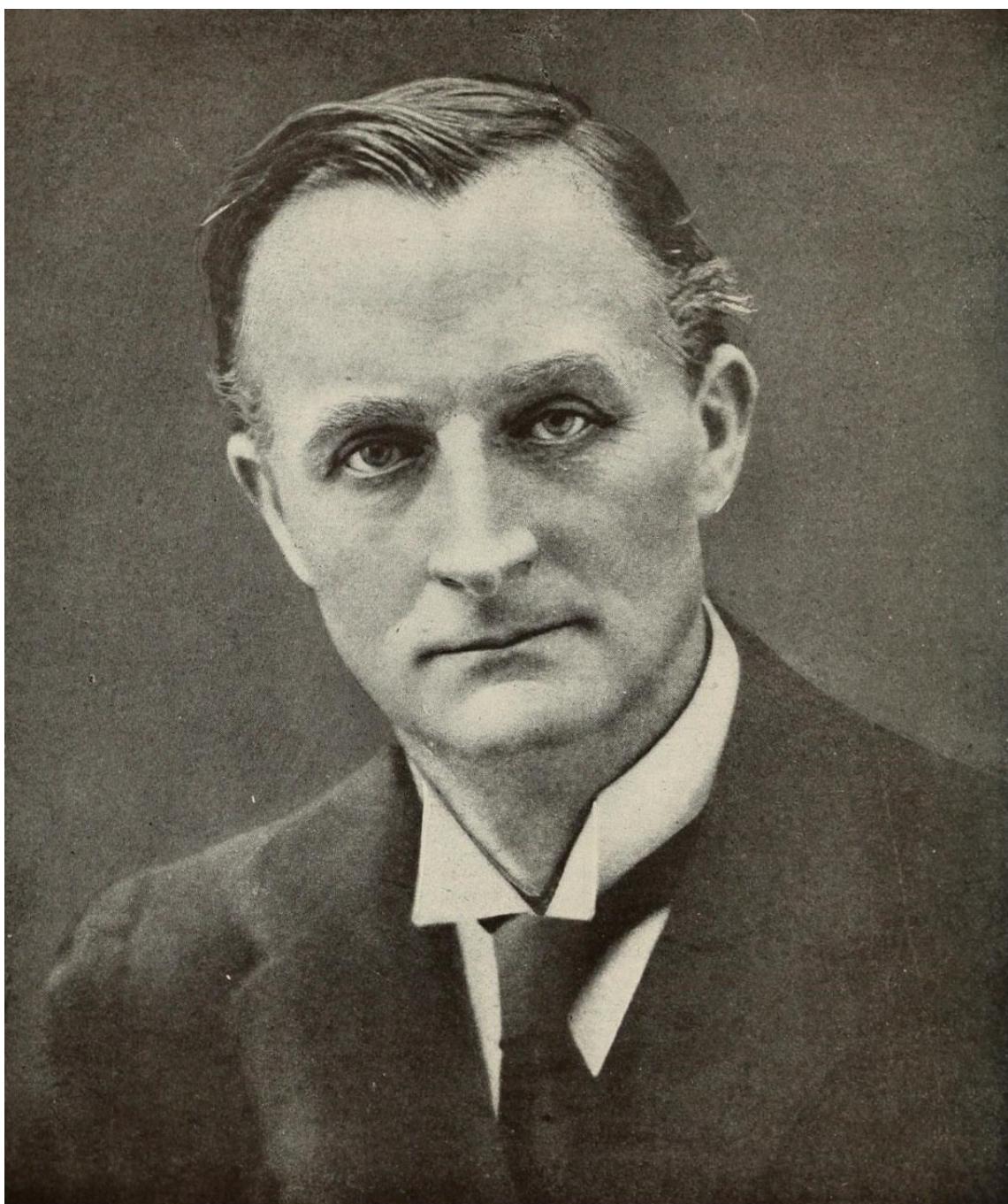

Рис. 3.2: Эдуард Грей, виконт Фаллодон, министр иностранных дел Великобритании в период с 10 декабря 1905 по 10 декабря 1916

именно на подобный поворот событий надеялись (хотя на самом деле совершенно утопически) довольно много людей в Берлине, вплоть до самого кайзера – что японцы решат ударить в спину России, скованной боями на Западе. Ведь в Русско-японскую войну Страна Восходящего солнца одержала победу. Что мешало теперь, при жестоко связанной в Европе России предпринять новое наступление?

Во-первых, хотя это на первый взгляд и прозвучит парадоксально, именно война 1904-1905 и опыт победы в ней. При том, что успех Японии на фронтах, и, особенно, на морях был бесспорным, заключённый по итогам боевых действий Портсмутский мир был, мягко говоря, далеко не таким, каким его хотели бы видеть и элиты, и народные массы Японии. Настолько, что это даже привело к волнениям в Токио, да таким, что в ходе их подавления погибло 17 человек, а протестующие в свою очередь разгромили до 70% всех полицейских сооружений столицы.

Половина Сахалина, права на Южноманчжурскую железную дорогу, передача Ляодунского

Рис. 3.3: Последствия возмущений в Токио

полуострова (при этом формально по прежнему китайского - переходили от владельца к владельцу лишь арендные права) - и ни единой монеты или банкноты контрибуции. Да, в известной степени такой результат переговоров объясняется дипломатическими талантами и ловкостью премьер-министра Российской Империи Витте — "графа Полусахалинского но, конечно, не только. Сущностной причиной было истощение Японии войной. Потери, составлявшие по разным данным от 49 до 80 тысяч человек, конечно, были не столь велики, чтобы поставить под сомнение возможность империи сражаться дальше. Но, кроме человеческих ресурсов, есть ещё экономика, есть финансы - и вот там всё было очень серьёзно и мрачно. За время войны внешний долг России возрос на третью, что, конечно, довольно много, но это ни в какое сравнение не идёт с тем, что произошло в Японии, где внешний долг увеличился четырёхкратно, достигнув совершенно астрономической с поправкой на эпоху суммы в 2 400 000 000 иен.

Кроме того, было не очень ясно как и за счёт чего Япония могла бы принудить Российскую Империю к миру на своих условиях. Наступать от Мукдена до севера Манчжурии? Переходить границу с Сибирью? Даже если эти, уже весьма утопичные с точки зрения военной логистики планы были бы реализованы, то, не говоря уже о том, что на это ушли бы новые десятки тысяч жизней и сотни миллионов иен, это всё равно и близко не создавало такой фатальной угрозы для России, которая заставила бы её капитулировать перед японскими требованиями (например, о передаче всего Приморья). Скорее даже наоборот. Руководство Империи Восходящего солнца оказалось достаточно мудрым, чтобы понять это в 1905, но сильно слаше от этого горькая пилюля победы без плодов не становилась. В итоге Портсмут принес Японии, помимо резкого взлёта престижа (что оказалось едва ли не самым важным из последствий её успеха), и безопасности уже имевшихся приобретений (а именно Кореи, которая была формально аннексирована в 1910), такие территориальные и хозяйственные активы, которые без больших денежных вливаний могли принести хоть какую-то пользу только в весьма отдалённой перспективе. А вот денег как раз и не было.

К 1914 году стратегически здесь не поменялось ничего. Даже то, что у России появился другой, по определению основной фронт в Европе, на самом деле меняло картину не так сильно, как можно бы было подумать. Во-первых, и в 1904-1905, даже на конечной стадии войны, в период битвы при Мукдене численно основная часть армии Российской Империи находилась отнюдь не на Дальнем Востоке. Во-вторых, чего, конечно, японцы знать не могли, но тем не менее, основной удар Германии в начале войны в полном соответствии с Планом Шлиффена направлялся на Францию, так что в течение большей части 1914 не столько Россия была скована, сколько Австро-Венгрия с большим трудом пыталась сковать Россию. Даже победа Гинденбурга под Тannenbergом лишь частично изменила положение дел, но ещё отнюдь не перевернула доску. Только 1915 год, когда Германия решила перенести свой основной удар на Восток, станет критическим для Российской Империи.

Да, повторю, этого, конечно, японцы не знали. Для них всё сводилось к двум вопросам. Первый: будут ли переброшены на запад Сибирские стрелковые корпуса и, если да, то в какой срок? И второй - даже если да, то, всё равно, какой план кампании избрать? И тут мы возвращаемся к тому, о чём говорилось выше - совершенно непонятно, как именно быть по России так, чтобы ей стало действительно больно? Предположим, японцы смогли бы высадить крупный экспедицион-

ный корпус в Манчжурии и, продвигаясь вдоль ж/д линии - а других коммуникаций там просто нет, дойти до Амура. К этому времени они в полной мере - и даже с превышением испытали бы на себе всё, что испытывала наша армия в Русско-японскую, вися на тонкой ниточке Транссиба (пропускная способность которого к 1914, к слову, напротив, возросла). Что дальше? Форсировать Амур? Идти на Благовещенск? На Романов-на-Амуре? На Хабаровск? Условия Дальнего Востока и Сибири были бы просто идеальны для реализации "скифской тактики" заманивания и перерезания линий снабжения, которое и без того было бы затруднено до крайности. Япония - остров а значит всякое обеспечение экспедиционных сил обязано изначально базироваться на суда. В 1904-1905 задачу удалось решить во многом потому, что время в пути от японских портов до Кореи, откуда грузы доставлялись в войска, занимал вместе с погрузкой и разгрузкой порядка суток. Скорость компенсировала недостаток грузоподъёмности. Но теперь вообразим, что группировка в 300-400 тысяч человек находится не у Мукдена, а у Амура...

Наконец, сама масштабная мобилизация была слишком дорогим удовольствием. Япония не была готова и не желала крупномасштабной войны с многочисленными полевыми армиями. Не желала затевать авантюру в отношении России. Не желала порывать с Англией, чья морская слабость на Востоке явно была явлением сугубо временным. Корабли, как ушли, так могли потом и вернуться. А вот уничтожить основу - порты, инфраструктуру, морские базы... нет, пока ещё никто в Японии не решался даже помыслить о войне с Владычицей морей. Положим, взять Гонконг было бы не так трудно, но он находился бы под постоянной угрозой контрудара, пока Британия владела Сингапуром. Этот стратегически важный пункт, "Гибралтар Азии" был первоклассной морской крепостью. Даже во время Второй мировой войны его сравнительно лёгкое взятие, кроме ошибок и легкомысленности руководителей обороны было обусловлено сочетанием таких факторов, на которые в 1910-е, даже и в период ПМВ японцы не могли рассчитывать. В 1940, пользуясь разгромом французов в Европе, они без кровопролития подчинили себе принадлежавшую им часть Индокитая, чем, в свою очередь, смогли решительно склонить к союзу Таиланд. Это сделало реальным удар по Сингапуру с суши. Это и большой технический прогресс авиации.

А в 1914 у Японии, это тоже стоит отметить, имелось лишь 2 дредноута: Кавати и Сэтцу. Оба – достаточно сильно уступающие новейшим кораблям Германии, США и, конечно, Англии. Их главный калибр, представленный 305-мм орудиями, во-первых был так расположен на кораблях, что сосредоточенный огонь по одной цели могли вести только 8 орудий. Во-вторых сами эти орудия имели при общем калибре разную длину стволов, а значит – разную баллистику, что во многом ставило под сомнение всю концепцию линкоров-дредноутов all big guns, так как они с большим трудом могли вести единую залповую стрельбу. Собственно, вообще половина ГК линкоров была японского производства, а половина – поставлена фирмой Армстронг из Англии.

Рис. 3.4: Линкор Сэтцу – один из двух первых японских дредноутов

Да, довольно много линкоров и линейных крейсеров находилось на стапелях. Новые линкоры – Фусо и Ямасиро, заложенные в 1912 году, будут достроены только 5 лет спустя – в 1917. Линейные крейсера типа Конго: Конго, Хиэй, Кирисима и Харуна при закладке в 1911-1912 годах строились быстрее. Собственно, Конго был готов уже в августе 1913, а Хиэй достраивали в августе 1914, но всё равно это не шло ни в какое сравнение с 20 дредноутами и 9 линейными крейсерами Британии (это не считая ряда кораблей, которые были достроены в самом скором времени после августа 1914, а также реквизированных судов, строившихся для флотов третьих стран). Япония весьма успешно переходила от использования спущенных за границей судов (к слову, по преимуществу именно в Англии – все японские броненосцы – участники Цусимского боя строились на верфях Альбиона) к собственной их постройке. Верфи Йокосуки и Куре стремительно совершенствовались и могли выпускать всё более крупные и мощные линкоры, даже крупные их серии, но вот темпы строительства пока оставляли желать лучшего. Если Конго и

остальные ещё укладывались в разумные пределы, то по 5 лет на Фусо и Ямасиро – это, конечно, много. Уже скоро японцы добываются больших успехов и здесь, но для этого должно было пройти ещё некоторое время от 1914.

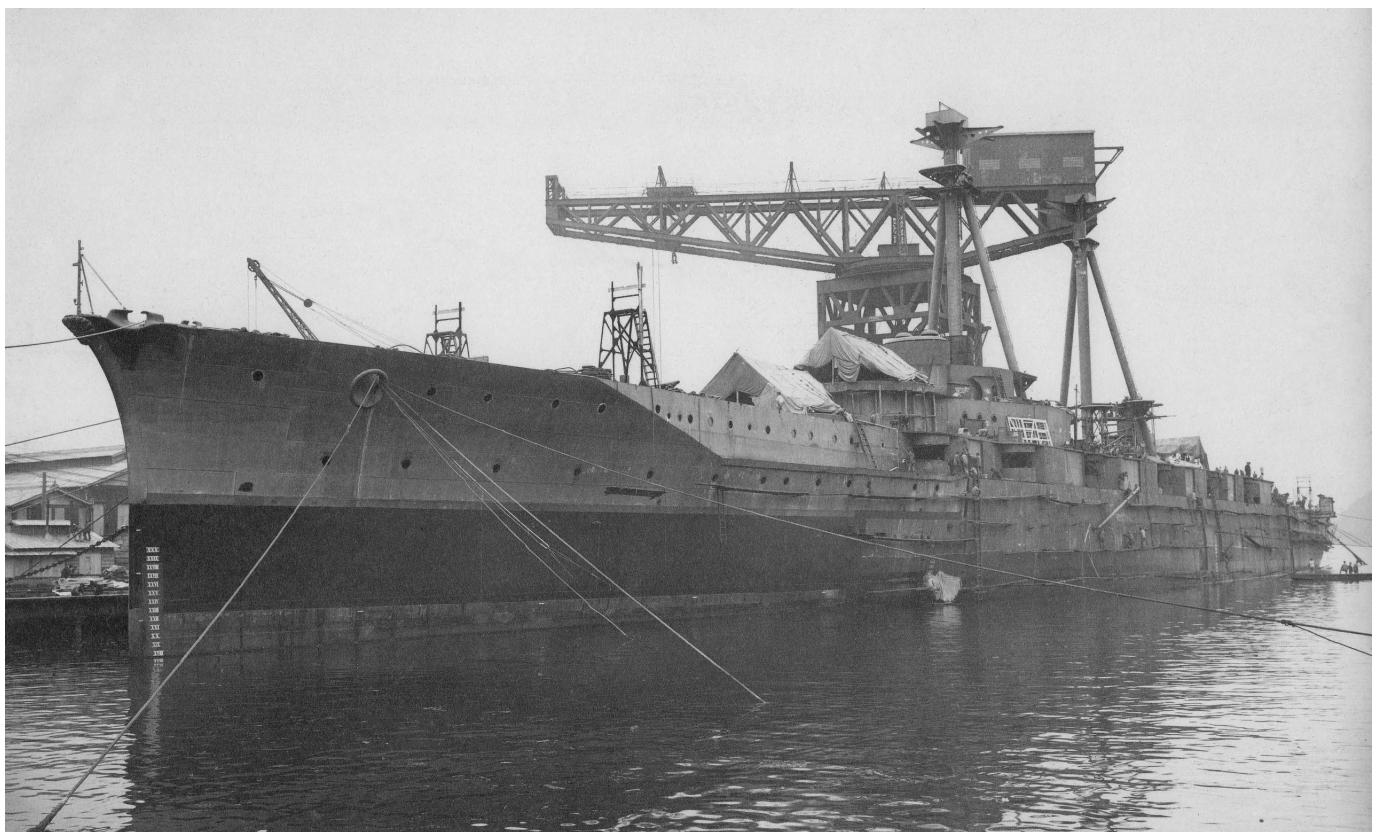

Рис. 3.5: Линейный крейсер Хиэй на стапеле в Йокосуке

Итак, война на стороне Центральных держав обещала Японии много рисков, много затрат и очень сомнительные бенефиции, а потому, в общем, и не рассматривалась. Нейтралитет или Антанта? У нейтрального статуса, без сомнения, было немало плюсов. Первый, наиболее очевидный – отсутствие прямых и косвенных военных затрат. Второй, тоже достаточно понятный – возможность с выгодой торговать с обеими сторонами конфликта, вынужденными разорвать свои прежние контакты и связи. Конечно, те же англичане едва ли позволили бы пройти кораблям с военными грузами в порты Германии, но всё равно статус нейтрального государства дал бы японцам довольно много возможностей для извлечения материальной выгоды. Наконец, та и другая воюющая сторона вполне могли последовательно идти в отношении Японии на известные уступки, лишь бы она не присоединилась к противной стороне. К слову, японский ультиматум Германской империи, о котором будет сказано чуть ниже, формально не закрывал двери именно для такого варианта. К плюсам нейтралитета можно, без сомнений, отнести и большую степень контроля над собственным обществом. Внутренний порядок и покой были особенно ценные для Империи Восходящего солнца в условиях, когда на место Мэйдзи приходил малахольный Тай-сё. Тут уместно будет вспомнить, что объявление войны Германии, а оно состоялось 15 августа 1914, даже формально произошло в период междуцарствия – в трёхлетний "траур" по умершему Муцухито, когда его сын, хоть и объявленный императором, короны не получил. О реальном правлении болезного в 1914 тем паче говорить не приходится. И, при всём этом, решительно каждый шаг Японии делается именно от императорского имени, так что проследить кто именно принимал принципиальное решение весьма непросто. Судя по всему, в августе 1914 это всё ещё были Гэнро, но уже совместно и при немалом влиянии армии. Армии, которая твёрдо считала, что её аргумент перевешивает все блага мира. И этим аргументом был Китай. Империя Восходящего солнца вступила в Перову мировую не против Германии и даже не за Антанту. Она сражалась в ней за господство в Китае и использовала её как предлог, чтобы наводнить его войсками.

Ну а теперь – всё по порядку. Трудно сказать, решились ли японцы на войну ещё до того, как Грей в Англии переменил под влиянием ещё довольно молодого и горячего сэра Уинстона своё мнение, или уже после. Мне представляется, что в основном стратегия действий страны в условиях мировой бури была определена в промежутке от 4 (вступление в ПМВ Британской империи) до 10 августа. 15 числа японское правительство (по букве – лично император) выдвинули немцам ультиматум следующего содержания: японцы требовали отзыва германских войск с Тихого океана, в том числе вывода кораблей с базы Циндао, взрыва укреплений порта и передачи Японии арендаемой Германской империей территории на Шаньдунском полуострове Китая. Японцы также потребовали передачи им германских тихоокеанских колоний (не очень ясно, временной – до окончания войны, или постоянной). Нельзя исключать, что в Берлине, обдумав и взвесив всё, сочли бы за благо согласиться на эти условия – достаточно унизительные, но, в общем, не особенно обременительные. Японцы требовали только то, что Германия и так не могла бы удержать. Это был последний шанс сохранить Страну Восходящего солнца нейтральной. Но медлительность и низкий профессиональный уровень немецкой кайзеровской дипломатии вновь дал себя знать. Решать и действовать нужно было немедленно, а Берлин тянул. В течение недели ответа не последовало, и тогда Япония 23 августа 1914 года императорским манифестом объявила войну Германии. Манифест гласил:

"С возникновением настоящей войны в Европе, на бедственные последствия которой мы взираем с великим прискорбием, мы, со своей стороны, питали надежду сохранить мир на Дальнем Востоке, соблюдая строгий нейтралитет. Но Германия принимает в Цзяо-Чжоу спешные военные приготовления, а её вооружённые корабли, крейсирующие в водах Восточной Азии, угрожают нашей торговле и торговле нашей союзницы.

И вот с глубокой скорбью мы, невзирая на нашу преданность делу мира, были вынуждены объявить войну... Мы глубоко желаем, чтобы благодаря преданности, долгу и отваге наших верных подданных мир был в скором времени восстановлен и воссияла слава империи.

... Сим мы объявляем войну Германии и повелеваем нашим армии и флоту открыть военные действия против сей Империи, со всей мощью... "

В действительности, однако, о "всей мощи" не было и речи. Япония стремилась действовать быстро, четко, но экономно – и, в общем, это ей удалось. Прежде всего, конечно, по той простой причине, что немецкие силы в регионе Тихого океана были таковы, что вопрос стоял не о том, как они могли бы отразить удары врага, а о том, как быстро они будут уничтожены, и покроют ли они себя при этом славой, или позором. На немецких островах, таких как Германское Самоа, Германская Новая Гвинея, или Германская Микронезия, сопротивление оказывать было попросту некому, так что борьба шла не между немцами и странами Антанты, а между Японией и Британскими доминионами – Австралией и Новой Зеландией на предмет того, кто быстрее их займёт.

На Самоа и Новую Гвинею ввиду географической близости первыми успели Новозеландцы и Австралийцы соответственно. Последним противодействовали 61 немец и 240 местных вспомогательных полицейских. Дело было сделано в несколько дней – и так оно, примерно, происходило везде. Если говорить о флоте, то вся «Австралийская станция», ответственная за демонстрацию германского флага в Южных морях, состояла из одной канонерки «Гайер», которая на момент начала Первой мировой войны находилась с визитом в голландских водах.

Японцы тоже не теряли времени: 1-я эскадра Южного моря под командованием вице-адмирала Ямая захватила атолл Джалуит, а 12 октября появилась в гавани Трука. 1 октября 2-я эскадра Южного моря контр-адмирала Мацуумуры захватила принадлежащий Германии порт Рабаул на острове Новая Британия (тогда Новая Поммерания), а 7 октября прибыла на остров Яп, где встретила германскую канонерку «Планет», поспешно затопленную экипажем при виде японцев. На этом в Тихом океане всё, в общем, и окончилось, если не считать эпопеи адмирала Максимилиана фон Шпее (да, именно в его честь был назван знаменитый немецкий «карманский линкор» уже времён Второй мировой), которого искали и преследовали по всем параллелям и меридианам и который, тем не менее, едва не сумел ускользнуть, плюс дал весьма достойное сражение британцам у побережья Чили вблизи города Коронель. Но даже Шпее при всей его отчаянной храбости задерживаться в тихоокеанских водах не планировал. К концу 1914 года японское и

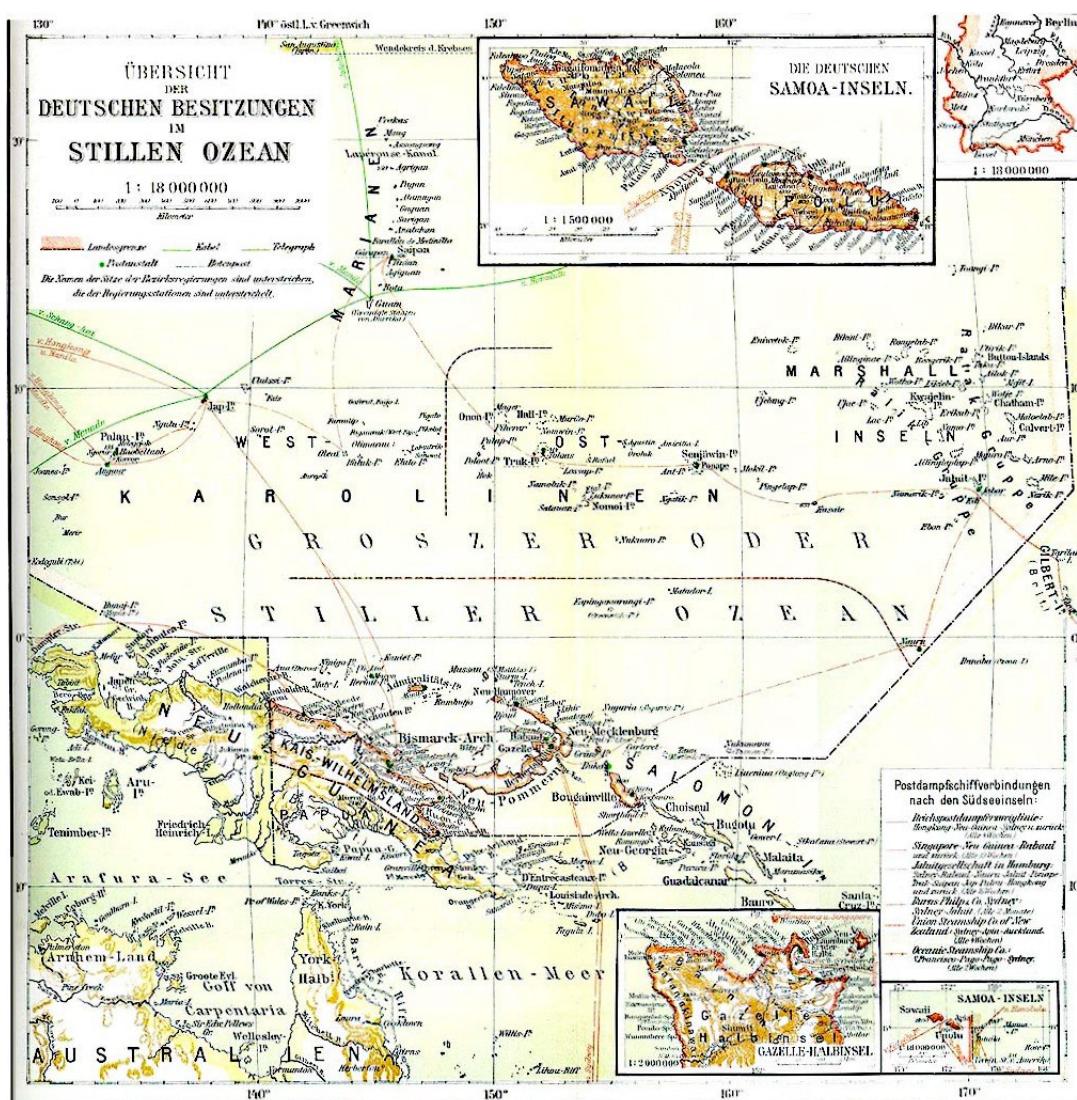

Рис. 3.6: Немецкие владения в Тихом океане

британское правительства с трудом урегулировали вопрос о захвате германских владений на Тихом океане. Чтобы избежать новых инцидентов, англичане согласились, что войска Британского содружества не будут действовать севернее экватора, а Марианские, Каролинские и Маршалловы острова останутся у японцев. Окончательное разграничение произошло после окончания войны.

Основное же внимание Японии, конечно, было приковано к Циндао. Здесь уместно будет сказать об этой немецкой базе несколько слов. Причин у её появления было три. Первая – чисто военная. До подписания договора об аренде 1897 года любые немецкие морские силы, находящиеся в Тихом океане, фатально зависели от портов и доков или Британии (Гонконг, Сингапур), или союзной ей Японии. Вторая – стремление “засунуть палец” в китайский пирог. Без некоего опорного пункта на его территории резко уменьшалась скорость возможной реакции Германии на ущемление своих интересов в Поднебесной. Понятно, что для любой полновесной акции устрашения или возмездия всё равно потребовалось бы привлечение каких-то экспедиционных сил из метрополии (как это в итоге случалось в ходе восстания Ихэтуаней), но, как правило, было достаточно лишь демонстрации присутствия. Ну а главное – немцы нуждались в своём свободном порте для выгрузки и складирования поставляемых в Китай товаров. Тирпц в своих мемуарах пишет об этом так: “Если германские купцы хотели перестать быть посредниками между англичанами и китайцами и бросить на азиатские рынки немецкие товары, то они нуждались в собственном Гонконге...” Спорить с этим было трудно. Вообще в 1890-е стремительно разворачивалась глобальная конкуренция, в итоге вылившаяся в противостояние, между промышленными товарами Британии и Германии, в котором при равных условиях немцы, как правило, побеждали,

вот только этих условий им почти никогда не удавалось добиться.

Почему чуть выше я вспомнил про Тирпица? Потому что Циндао – это во всех смыслах его детище. Начать с того, что именно он, тогда ещё в ранге командующего Восточно-Азиатской крейсерской эскадрой, лично выбрал из нескольких вариантов то место, где должна была быть развернута инфраструктура планируемой базы. Причём, помимо известной удалённости от созидающего угрозу и, как минимум, неудобство Гонконга, и более привычного для европейцев, менее жаркого климата северного, а не южного Китая, Тирпиц особенно подчёркивал удобство бухты и окрестностей для обороны. Сама операция (а это действительно была почти что боевая операция – противодействия самих китайцев можно было не опасаться, они тогда находились в жалком положении, но нужно было принимать во внимание позицию целого ряда держав, прежде всего, Британии, Японии и России, а она едва ли могла быть сочувственной немцам, так что пришлось сперва быстро и скрытно вводить крейсерскую эскадру в намеченный район, а потом выдерживать в состоянии боевой готовности непродолжительную, но довольно бурную дипломатическую канонаду) произошла уже в отсутствии Тирпица, которого сменил в качестве командира Восточно-Азиатской эскадры фон Дидерихс, начавший своё стремительное возвышение творец Флота Открытого моря никогда не забывал о Циндао и по-прежнему относился к нему как, во многом, к своему проекту. К числу несомненных достоинств Тирпица, помимо прочего, следует отнести его чрезвычайную энергичность, умение придать делу динамизм, причём он не только “вертелся” сам, но и весьма неплохо заставлял крутиться окружающих.

Главной проблемой немцев было время. Гонконг к моменту возникновения на столь же пустом, как у него изначально, месте Циндао, существовал уже без малого 40 лет, так что конкурировать с ним было очень трудно. Вообще станция чуть не стала жертвой межведомственных противоречий. В развитие порта и поселения нужно было вкладывать деньги, а для всех, кто мог бы это сделать, существовали более приоритетные и срочные задачи. Флот был в самом скором времени всецело поглощён сколь масштабными, столь и дорогими кораблестроительными программами, которые в итоге вывели его на второе место в мире. Министерство по делам колоний в гораздо большей мере интересовалось обширными территориями в Восточной Африке, которые предполагалось сделать переселенческой колонией. Министерство иностранных дел не хотело тратить свои деньги на инфраструктурные проекты. В итоге колония едва не превратилась в чемодан без ручки. Спасло её от этой участи почти исключительно внимание и труды Тирпица.

В итоге, хотя возможно было и большее, немцы достигли к 1914 не так уж и мало. Население города Циндао насчитывало 60 000 человек, порт, хотя и не был ровней гонконгскому, сделался вполне приличным и современным.

Ещё важнее были экономические основы жизни колонии. Обратимся вновь к Тирпицу: “... Циндао постепенно становился тем портом, через который шла нефть с Зондских островов, имевшая большое распространение в Китае. Впрочем, быстрое развитие порта обеспечивалось уже близостью шаньдунского угля, который высоко ценится в Восточной Азии. Наличие угля в арендованной области имело первостепенное значение. К началу войны за Циндао была закреплена возможность выплавки металла из руд, добываемых в Пошане...” Иными словами, порт очень удачно встроился в хозяйствственные связи, имевшиеся в регионе, и даже начал завязывать их на себе, создавать новые. Шутка ли – был намечен к постройке металлургический завод со сталеплавильными и прокатными цехами, который стал бы едва не самым крупным в Азии! Опираясь на него, немцы могли осуществить мощную интервенцию в экономику Китая, кроме того, завод позволил бы основать в самом Циндао ряд промышленных предприятий, которые использовали бы его сырьё.

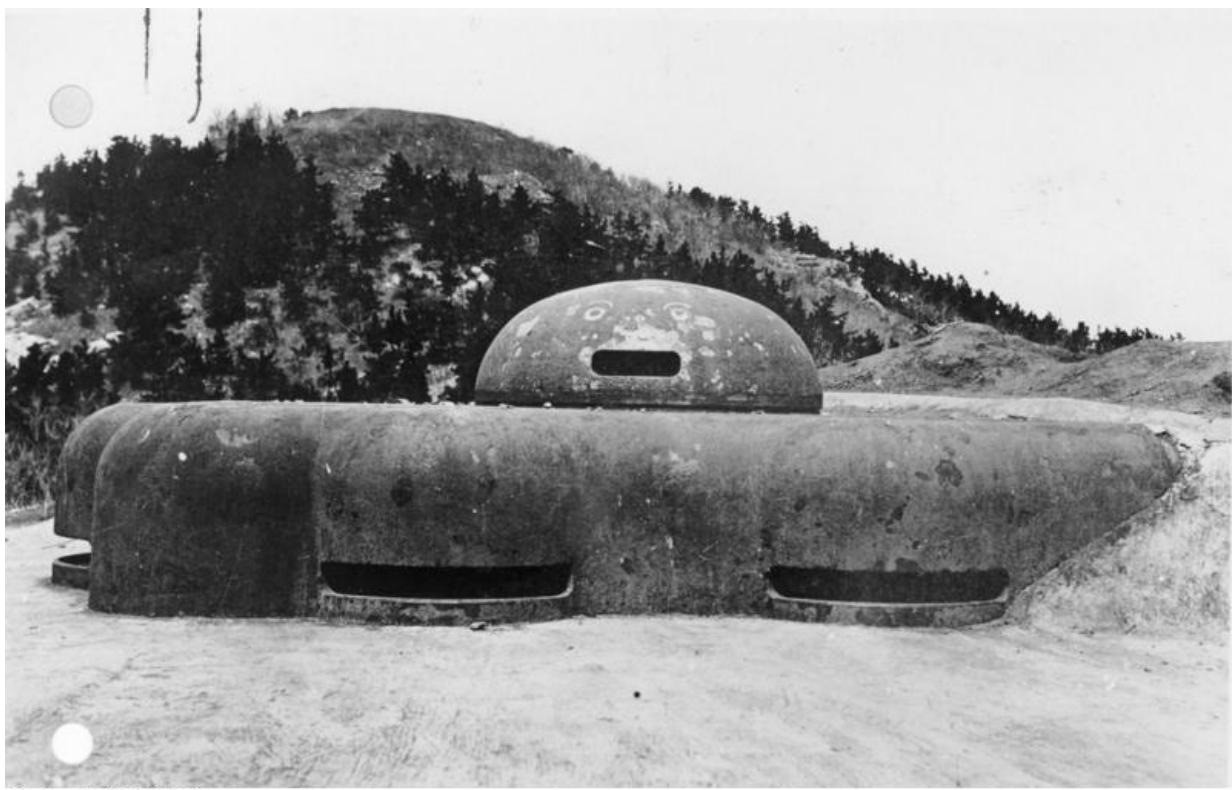
Как и в целом Германию, война подрезала Циндао на взлёте. Да, город по-прежнему остался неплохой приморской крепостью, причём защищённой не только от удара с моря, но и имеющую подготовленные позиции на суше (сложно сказать, что сыграло тут ведущую роль – немецкая ли основательность, или относительная близость Пекина, а значит и возможных китайских политических потрясений), но главная ценность его была отнюдь не военной.

Сам факт начала Первой мировой, превративший бурно развивающийся торгово-промышленный форпост одной из ведущих индустриальных держав мира в отрезанный, находящийся в глубоком стратегическом тылу у противника ощетинившийся штыками островок сопротивления, был

Bundesarchiv, Bild 116-424-093
Foto: o. Ang. | 1912 ca.

Рис. 3.7: Коммерческий порт Циндао

Bundesarchiv, Bild 102-16334
Foto: o. Ang. | 1914/1934 ca.

Рис. 3.8: Укрепления Циндао

наиболее гибельным для Циндао. Даже и безотносительно вступления в войну Японии, по всей вероятности, город пал бы. Но, конечно, вмешательство армии и флота Империи Восходящего

солнца резко уменьшило сроки агонии.

Корабли японцев появились в районе Циндао очень быстро. Уже 27 августа Циндао был блокирован японской эскадрой вице-адмирала Като Садакичи. Такая оперативность объясняется не столько стремление отрезать немцев – они и так были отрезаны, сколько не дать себя обойти союзникам. В каждый момент осады Циндао японцы имели в виду прежде всего свои дальнейшие перспективы и планы в отношении Китая. Так, для взятия города был выделен экспедиционный корпус численностью свыше 30000 человек, тридцать девять военных кораблей и более пятидесяти транспортов. Англичане для содействия им выделили несколько кораблей и скорее символический отряд в 1500 человек. Немецкий гарнизон под командованием контр-адмирала Майер-Вальдека располагал 4000 бойцов, из которых существенная часть была матросами, слабо подготовленными к ведению боевых действий на суше. Тем не менее, немцам надо отдать должное – всё, что было в их силах, они сделали. Майер-Вальдек не зря отправил в день, когда стало известно о том, что японцы вступили в войну на стороне Антанты следующую телеграмму императору Вильгельму: «Остаюсь на посту до последнего».

Рис. 3.9: Альфред Майер-Вальдек

За время осады несколько японских кораблей подорвались на минах; английский броненосец «Триумф» получил повреждение от огня береговых батарей. В ночь с 17 на 18 октября немецкий миноносец S-90 под командованием капитан-лейтенанта Бруннера и вовсе сумел прорвать морскую блокаду. Ему удалось торпедировать японский крейсер «Такатихо», при этом погиб 271

человек.

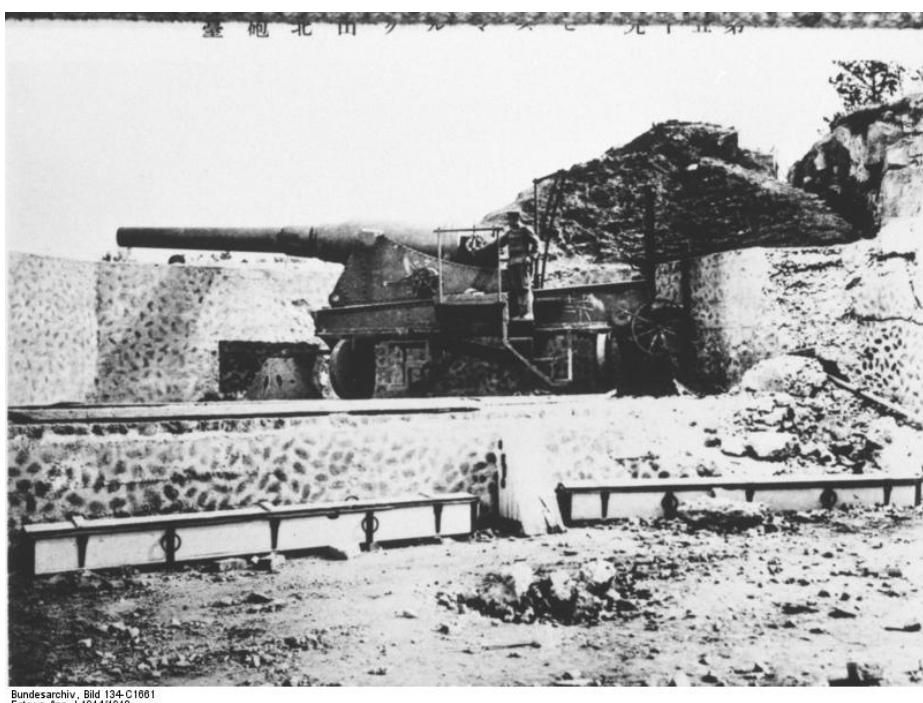

Рис. 3.10: Бронепалубный крейсер Такатихо, изображённый в момент обстрела порта Далярн в Русско-японскую войну

Вернуться в Циндао Бруннер уже не мог. Он планировал заправиться топливом в одном из нейтральных портов и продолжить атаковать японский флот, но из-за нехватки топлива выбросил миноносец на берег, после чего экипаж был интернирован китайскими властями.

Тем не менее, если, невзирая на совершённые подвиги, взглянуть на происходящее трезво, то обнаружится, что задействованный японцами наряд сил был явно избыточен. Уже обозначенные выше 30 000 человек получили могучий артиллерийский кулак (вплоть до тяжелых орудий, обстреливавших в 1904-1905 Порт-Артур), обильные запасы амуниции и снаряжения. В некоторых источниках это объясняется якобы имевшим место быть страхом японцев перед немцами, которых многие в армии по-прежнему воспринимали как учителей. Позвольте усомниться! После Русско-японской дрожь в коленях при виде белого человека у подданных Микадо прошла раз и навсегда, да и в принципе японцы не из робких. Главное же, даже завзятый трус не мог не заметить того, что немцы находятся в отчаянном положении. Наконец, и страх, и медлительность японцев были очень избирательными – когда им это было нужно, они прорвали первую линию обороны немцев в сентябре 1914 за 4 дня. И только потом, после этого, стали ожидать прибытия тяжёлых орудий и всего остального, чтобы начать генеральный штурм только 31 октября.

Истина в том, что японцы, конечно же, не взяли паузу более чем в месяц не из страха, а чтобы иметь формальный повод накрашивать своё присутствие, копить и демонстрировать наглядно силу. И не осаждённым немцам, а союзным англичанам, а главное – Китаю предназначались 43 500 снарядов, выпущенных сотней орудий за неделю, прошедшую от момента начала атаки и до капитуляции гарнизона 7 ноября 1914.

Bundesarchiv, Bild 134-C1661
Foto: o.Ang. | 1814/1818

Рис. 3.11: Форт взят. Японцы фотографируют орудия Циндао

Катехизис Катафиса

4. Глава 4

В прошлой части мы остановились на том, что осада Циндао, окончившаяся для Японии успехом, фактически покончила с немецким присутствием в Тихом океане. С этого момента, а именно 7 ноября 1914, реальное участие Империи Восходящего солнца в ПМВ можно считать оконченным. Да, будет ещё конвоирование японскими кораблями союзнических антантовских транспортов, но, в общем, это тянет скорее на масштабную тренировку, нежели на действия армии и флота государства, ввязавшегося в мировую войну. Вообще, надо сказать, средний японец вовсе не понимал, зачем нужно воевать, а про войну знал очень мало. В Японии никто обоснованно не чувствовал никакой угрозы со стороны Германии. Не было ни действительного народного негодования, ни даже его подогрева средствами пропаганды. Не было мобилизации. Японское правительство, поддерживаая Антанту, само целенаправленно старалось не давать общественности слишком много информации о войне. Британский офицер Мальcolm Кеннеди, посетивший японскую глубинку, был поражён тем, что крестьяне, с которыми он беседовал, даже не подозревали, что их страна ведёт войну.

И, тем не менее, в этой “войне без войны” Японская империя достигла впечатляющих успехов. Взятие Циндао продемонстрировало всем в регионе мощь её армии, а главное – дало повод и возможность перебросить существенную её часть на континент. Причём на достаточно близкое расстояние от Пекина (от столицы Китая до Циндао – 668,8 км), а что ещё важнее – от подступов к нему, путей и портов подвоза, снабжающих город. К началу 1915 ни одна великая держава, кроме Британии, не могла ничего противопоставить японцам в Поднебесной, да и та была слишком связана боевыми действиями на Западе, в Средиземноморье и в Месопотамии – настолько, что тоже, в общем, была отыграна. Сравнительно бесцеремонное отношение японцев, которые после окончания боёв под Циндао не потрудились даже формально ввести представителей Великобритании в состав оккупационной администрации, во всяком случае, англичане предпочли проглотить. В самом Китае единственная сильная фигура, кое-как возвышающаяся над нарастающим морем хаоса – Юань Шикай крепко нуждался в японской поддержке. Таким образом, все условия были созданы. Наступал уникальный момент в истории, которым Империя Восходящего солнца намеревалась воспользоваться в полной мере.

18 февраля 1915 было оглашено и предъявлено правительству Поднебесной так называемое “21 требование”. Пять групп вопросов об отношениях с Китаем, которые имели для Японии принципиальное значение. Первая, наиболее логично вытекавшая из событий осады Циндао, касалась именно арендованного немцами региона Шандуня. Империя Восходящего солнца требовала признания Китаем всех соглашений, которые могли быть заключены между Германией и Японией относительно захваченных территорий. И, если на это у японцев имелось известное если не фор-

мальное, то моральное право победителя, то последующие пункты этой группы, предусматривающие также передачу Японии прав на постройку железных дорог в этой провинции и открытие для японской торговли главных городов и портов, уже не имели никакого отношения к событиям и коалициям Первой мировой. Это были вещи, касавшиеся исключительно двусторонних японо-китайских связей.

Вторая группа требований касалась Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии. Касались они, в первую очередь, вопроса об аренде Люйшуня (Порт-Артур, Рёдзюн), Даляня (Дальний, Дайрэн), Южно-Маньчжурской, Аньдун-Мукденской и Цзилинь-Чанчуньской железных дорог. Дело было в следующем: по итогам Портсмутского мира Российская империя передавала японцам исключительно те арендные права, которые были у неё самой (а иначе и быть не могло). Согласно русско-китайским договорённостям, срок аренды составлял 25 лет. Конечно, если бы не Русско-японская, он, очень вероятно, был бы продлён, но в реальности юридически выходило, что японцы, если на то не будет доброй воли Пекина, должны будут убраться вон из Маньчжурии в 1923. Теперь Японская империя настаивала на 99-летней аренде, а также представлении японским частникам права приобретения и аренды земель в Маньчжурии, свободы проживания и передвижения, а также права на ведение добычи полезных ископаемых и занятие торговлей и промышленностью.

Первые две группы были неприятны, но, в общем, вполне терпимы для Китая. В целом, они не требовали отдавать ничего, что он бы и так уже не потерял ранее, только в пользу других хозяев. Но этим притязания японцев, к большому сожалению руководства Поднебесной не ограничивались. Третьей группой требований предлагалось превратить в смешанное японо-китайское предприятие Ханьепинский промышленный комбинат, объединявший рудники и металлургические заводы в Ханъяне, Дае и Пинсяне. Формально Япония предлагала то, за чем усиленно гоняются министры экономического блока современной России – долгосрочные инвестиции в производство. Фактически – брала под контроль и опеку единственное современное металлургическое предприятие Китая, без продукции которого зависимость страны от внешних поставок любых современных деталей и металлоконструкций делалась абсолютной. То же – в отношении вооружений.

Четвёртая группа запрещала Китаю отчуждать и сдавать в аренду гавани, бухты и острова вдоль китайского побережья. И вот это уже было очень серьёзно – на лицо явное ограничение суверенитета. Впрочем, Китаю к 1915 году было к подобному уже не привыкать. Интереснее другое – на лицо и явное ограничение по сравнению с Японией прав третьих стран, в том числе ведущих держав современного ей мира. И если, скажем, позицию Германии и её союзников японцы теперь могли во внимание не принимать, рассчитывая на их итоговое поражение в войне, то Великобритания и Франция были заняты лишь временно. Предположим, британцам едва ли были нужны какие-то дополнительные базы и станции, кроме уже имевшихся Гонконга и гораздо менее известного, но существовавшего с 1898 года Британского Вэйхая, плюс успешная история англо-японского союза дополнительно уменьшала напряжённость между двумя странами, но даже в этой ситуации Владычица морей могла пойти на принцип. Что до Франции и, особенно, США, то их четвёртая группа не устраивала в ещё большей степени. На 1915 ни первая, ни вторая, конечно, не могли открыто, тем более вооружённой рукой бороться с Японией, но потом...

В самой Империи Восходящего солнца, к слову, неясные эти перспективы вполне сознавали – и, что делает японцам честь, деятельно к ним готовились. И, прежде всего, это выражалось в массовой закладке дредноутов. Приобретя необходимый опыт, японские корабелы начали строить и спускать линкоры такими темпами, что сравнить их можно только с апогеем предвоенной англо-германской гонки. Судите сами. Если первые два линкора Японии – Кавати и Сэтцу были заложены в 1909 и спущены в 1912, что не слишком впечатляет, то первые линейные крейсера – тип Конго, за исключением головного, который был собран в Англии фирмой Виккерс, закладывались и спускались соответственно: Хиэй – в ноябре 1911 – ноябре 1912, Кирисима и Харуна – в марте 1912 – декабре 1913.

Три корабля с водоизмещением в 31 700 тонн, каждый из которых был создан от момента закладки и до спуска всего за год – это уже весьма неплохо. Дальше – больше. В марте и ноябре 1912 в Куре и Йокосуке соответственно были заложены Фусо и Ямасиро – вполне современные на

Рис. 4.1: Линейный крейсер Харуна типа Конго в 1925

дату закладки суда, способные потягаться с любым морским противником со своими 12 356-мм орудиями ГК и вполне приличным бронированием. Затем - небольшая пауза, чтобы позволить кораблестроительной промышленности без задержек довести до ума уже заложенные суда. Причём, важно понимать, что неуклонно улучшались не только количественные, но и качественные показатели. Так, если Квати и Сэтцу были кораблями малоудачными, а серия Конго делалась по английским чертежам и технологиям (а первенец - и вовсе на верфях Альбиона), то уже линкоры Фусо были продуктом чисто японского переосмысления и адаптации проекта Конго, а дальше сложилась своя, сильная и самобытная конструкторская школа. Это при том, что незадолго до начала дредноутной эры, почти все японские броненосцы были куплены за границей.

1915 год стал началом новой крупной линии-генерации, открывшись в мае линкорами Исе и Хюга.

В 17-м и 18-м годах будут заложены современные, быстрые - скорость до 26,5 узлов, мореходные и вообще весьма сильные близнецы-дредноуты типа Нагато. Их ГК был представлен 8 410-мм пушками (к слову, вплоть до появления японского же Ямато с его 460-мм орудиями, это был самый крупный калибр для морской артиллерии). В 20-м и 21-м годах было заложено сразу 2 линкора и 4 линейных крейсера - об их судьбе мы ещё поговорим подробнее. Только один флот мира в это время усиливался темпами, сравнимыми с японскими - и это флот США.

Именно в это время Соединённые Штаты становятся объектом сравнения, а их морская мощь - поводом для того, чтобы выбивать дополнительное финансирование для военных программ. Планы США стали в обязательном порядке приниматься во внимание. Так, когда в 1916 году Конгресс США одобрил программу строительства для американского флота десяти линкоров и шести линейных крейсеров (в итоге так и не реализованную), в виде ответа на неё 14 июня 1917 года японский парламент утвердил "Комплексную программу флота 8-4" ("Хачи-Си Кантай Кансей Кейкаку"). Программа предусматривала строительство в течение ближайших семи лет трех линкоров и двух линейных крейсеров. Причём командование флота и это посчитало недостаточным и настаивало на увеличении строительства флота, продвигая программу "8 - 8 предусматривавшую создание ударной силы военного флота из 8 линкоров и 8 линейных крейсеров.

При этом нужно сразу сказать, и речи о войне ещё не шло. Вообще американская сила была скорее страшилкой, или, вернее, во вполне японском духе, стыдилкой, фактором в большей мере внутренней политики. Однако, важно отметить вот что: до активизации в Китае, до 21 требования такого рода сопоставления просто никому не приходило в голову тащить за пределы узко военной касты, обсуждать в парламенте, в прессе. Соединённые Штаты начинают восприниматься в качестве страны, которая, косвенными, мирными методами, но с опорой на реальную силу, сдерживает, или может сдерживать развитие Японии, ведь ни для кого не было секретом то, что любые попытки изменить в свою пользу политику "открытых дверей" в Поднебесной, вызывали противодействие США.

Но вернёмся от флотов к дипломатам - самой важной в 21 требовании была их пятая группа.

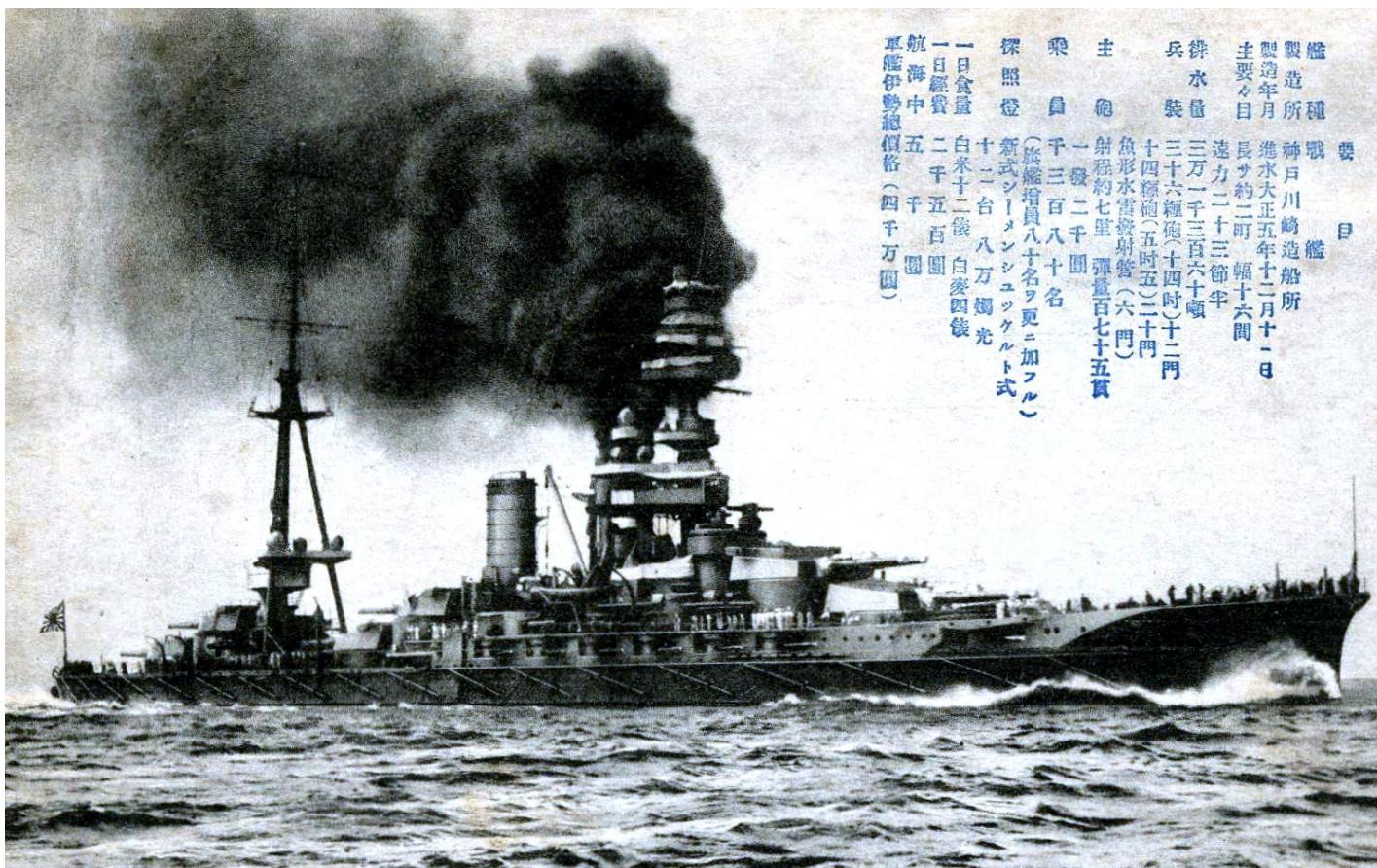

Рис. 4.2: Линейный крейсер Харуна типа Конго в 1925

Согласно ей предусматривалось приглашение японцев в качестве советников по политическим, финансовым и военным вопросам при центральном правительстве Китая, признание права земельной собственности в Китае для японских храмов, больниц и школ, создание японо-китайских военных заводов при научно-технической помощи Японии, предоставление Японии прав на строительство железных дорог на китайской территории, консультации с Японией по вопросам строительства железных дорог, рудников и портов в провинции Фуцзянь, предоставление японцам права религиозной пропаганды в Китае.

По сумме 21 требование делало всю громадину Китая, пусть не по названию, но по сути своей протекторатом Японской империи. Только японцы смогли бы извлекать основную коммерческую выгоду из китайского рынка, они получали бы приоритетные права на добычу и продажу китайских природных ресурсов, а главное – сперва негласно, а потом публично направляли бы через институт советников всю политическую и общественную жизнь Поднебесной. Именно советниками именовались английские представители в туземных княжествах и государствах Британской Индии. И японцы готовили Китаю очень похожую судьбу. И ставших локальными царьками и ванами вместо магараджей командиров военных клик тоже встречали бы в Пекине строго нормированным количеством орудийных залпов...

Разумеется, в Китае было немало людей, которые хорошо это понимали – президент-полуимператор Юань Шикай – в их числе, но страна была слишком разобщена и ослаблена, чтобы возможным был общенациональный подъём в борьбе против закабаления. Фактически единственной возможной стратегией для китайцев была затяжка времени, а главное – привлечение за это самое время внимания максимального числа великих держав, которые, естественно, не из альтруистического желания защитить независимый статус Поднебесной, но из нежелания упускать свою выгоду и видеть черезесчур усилившуюся Японию в виде конкурента, защитили бы страну от японских притязаний. Проблемой было то, что Первая Мировая была в самом разгаре. Пекин мог быть уверен, что действия Страны Восходящего солнца мало кому понравятся, предполагать, что они встретят дипломатическое осуждение, но лишь надеяться и довольно робко на то, что

кто-то сможет реально надавить на Японию достаточно сильно, чтобы она вынуждена была отказаться от своих замыслов. Никто при этом не мог гарантировать, что в случае слишком явного нежелания принимать условия японцев те просто не пойдут от Циндао на север, к столице, по дороге заключив все необходимые договора с каким-нибудь особенно амбициозным генералом, которого и сделают новым главой Китая.

Юань Шикай действовал с традиционной для себя хитростью: с одной стороны он фактически дал добро на четыре первых группы требований, что, в общем, тоже давало Японии большие выгоды и преимущества. С другой – громко, публично, призывая весь мир в свидетели, при том, что японцы предполагали сугубо двусторонний и секретный характер переговоров, отклонил пятую – решающую. Реакция держав могла обнадёжить скорее правительство Страны Восходящего солнца – все были слишком сильно заняты, слишком не хотели получать дополнительного потенциального противника в виде Японии, чтобы реально помогать Китаю. Исходя из этого, пятая группа требований с повестки не снималась. Китайцы тянули время как только могли. В марте 1915 они, наконец, кое-чего дождались: госсекретарь США Уильям Брайан передал 13 марта 1915 года так называемую «ноту Брайана», в которой, признавая «особые интересы» Японии в Маньчжурии, Монголии и Шаньдуне, выражал обеспокоенность ущемлением суверенитета Китая.

На самом деле, конечно, будь Китай образца 1915 нормальным государством, будь он хоть в относительной форме, такого рода ноты должны были бы вызывать закономерное негодование и официальный недвусмысленный и резкий ответ – фактически американцы признавали, что на части территории Поднебесной японцы вправе распоряжаться и хозяйствовать, но настоятельно просили не заглатывать всё целиком. Однако, в реальности данный документ был воспринят едва не как спасение. Он придал Юань Шикаю смелости на оставшуюся часть месяца. Ну а дальше началась уже внутренняя политика. Именно в это время Шикай запланировал и начал готовить реставрацию монархии в своём лице – активные мероприятия в этом духе начались с августа месяца.

В этих условиях, как ни посмотри, нужно было проявлять твёрдость. Во-первых, принять требования японцев значило сразу и резко подорвать свой авторитет в массах. Новый император мог сделаться популярным, а власть его – прочной только в том случае, если он будет восприниматься (не обязательно быть, но хотя бы восприниматься) сильным, не таким, как свергнутые маньчжуры. 21 требование в полном их виде сделались бы величайшим унижением в истории Китая со времён Опиумных войн – а ведь во многом именно из-за усталости от постоянных унижений вспыхнула Синьхайская революция. Во-вторых, в случае принятия японских условий, реальная власть новоявленного императора оказалась бы более чем ограниченной. А в третьих Юань Шикай держался на вершине в первую очередь за счёт исключительных умений по политическому манёвру (вплоть до степени “вовремя предать означает предвидеть”), а 21 требование слишком жестко завязывало его именно на прояпонские силы и делало врагом для всех тех, кто не желал терпеть вмешательства Японской империи, а таких определённо оказалось бы больше. Наконец, вообще императорский статус в том же году слишком явно смахивал бы на щедрую оплату измены. Юань Шикай не столько из патриотизма, сколько из желания банально не свернуть себе шею, решил отказать Империи Восходящего солнца – впрочем, как всегда, не полностью, оставляя себе лазейки для отступления. 26 апреля 1915 китайцы подтвердили, что твёрдо и безусловно отвергают пятую группу требований. Теперь мяч был на стороне Японии – она могла как счесть это окончательным отказом, так и продолжить переговоры, смягчив условия.

Попутно, очевидно, именно при Юань Шикае китайцы начали продумывать, в общем, довольно детскую, но, как им казалось, спасительную хитрость. Суть её проста: Китай должен был примкнуть к Антанте. Естественно, ни в каких реальных военных действиях армия Поднебесной участвовать не могла, да и не собиралась, благо вероятность появления наземных контингентов Центральных держав в Восточной Азии была строго равна нулю. Но зато китайцы очень хотели оказаться в стане победителей и, пользуясь этим, дезавуировать с опорой на союзников японские притязания. Ведь мы же тоже были с вами в чёрный час опасности и риска! Суровая реальность международной политики была такова, что даже вполне деятельное участие в боях не всегда вело к учёту политических требований и интересов – хорошо прочувствуют это на себе после

Рис. 4.3: Юань Шикай — президент и немножко император Китая

окончания ПМВ арабы. Но, отложим до поры тему Китай и Антанта, благо в 1915 он к ней и не присоединился, и вернёмся к Японии.

Чтобы понять, кто и как отвечал на действия Юань Шикая, нужно понять как вообще зародился текст документа 21 требования, кто был главным политическим инициатором его появления. И, для начала стоит обратить внимание на саму форму его подачи – бумага была без особых шума и совершенно без помпы передана японским послом в Пекине. Не министром иностранных дел, не специальным представителем, что соответствовало бы истинной значимости документа. А ещё, что тоже очень важно, император не значился даже формальным автором – 21 требование исходило и пересыпалось от имени премьер-министра. С учётом реальной дееспособности (а вернее её отсутствия) Тайсё, заинтересованные лица, написав текст, легко могли опубликовать его как императорский без каких-либо правок и вмешательства с его стороны, если им это было бы нужно. Но нет. Всё вышеописанное суммарно означает одно – 21 требование всё же не было жестким ультиматумом. От слов монарха, особенно широко растиражированных, было бы крайне трудно отказаться даже частично без потери лица. Тихо врученную обычным посланником бумагу за подпись премьера можно было обсуждать. Не было и ясно установленного срока ответа. Правда, опять же, подобная “мягкость” была направлена не столько на китайцев, сколько на внешних игроков. В целом существовало глобально три возможности. Первая – Китай сразу или почти сразу принимает все условия. Естественно, большего японцы и желать не могли. Вторая, реализовавшаяся в действительности – китайцы жестко против какой-то части требований, но готовы идти на компромисс по другим. Она была возможна или если бы Китай сохранил бы переговоры втайне, или, если их обнародование не вызвало по-настоящему резкой реакции держав. И, наконец, третья – положения 21 требования разглашаются, и за этим следует жесткий и, главное, деятельный ответ тех или иных крупных игроков. Вот тут как раз очень ценным могло оказаться заранее обеспеченное пространство для манёвра.

Надо думать, что наиболее настойчивыми японцы были в конце февраля-начале марта 1915, когда с момент передачи бумаги прошло уже более месяца и не было никаких признаков серьёзных движений со стороны держав. Но, мы помним, 13 марта госсекретарь США Брайан пишет свою ноту. И за китайским отказом 26 апреля теперь уже не гремят сразу пушки...

Изначальным автором 21 пункта, похоже, действительно был премьер-министр Окума Сигэнобу. Профессиональный дипломат (в 1888–1889 годах занимает должность Министра иностранных дел в кабинетах Ито Хиробуми и Курода Киётака, повторно занимал должность Министра иностранных дел, а также ряд других во втором кабинете Мацукаса в 1896–1897 годах), он, однако, во-первых был уже очень стар при своём 1838 году рождения, а во-вторых в 1907 году какказалось – навсегда, а на самом деле на целых 7 лет, уходил из политики.

Не вызывает сомнений, что 21 требование, получившее, в числе прочего, скажем, официальное одобрение парламента, проверялось и визировалось в первую очередь Гэнро. Они же принимали окончательное решение о войне, мире или компромиссе в конце апреля 1915. Итоговый вариант имел классический для дипломатии вид уменьшения требований с одновременным их ужесточением. Пятая группа – наиболее принципиальная, чреватая для Китая постепенным превращением в колонию, была удалена, но оставшиеся 4 были вновь переданы Юань Шикаю уже в виде ультиматума 7 мая 1915. Срок ответа – 2 дня. Юань Шикай никак не мог пойти на риск войны с Японией, и вообще ему лично куда как более импонировала стратегия «умиротворения». Империя Восходящего солнца получила утвердительный ответ. Договор был подписан 25 мая.

Победа? Определённо. Но не без горького привкуса. И дело не просто в том, что первоначальный список требований был принят не полностью. Наиболее серьёзным было то, что нынешний успех, тем не менее, порождал весьма неопределённое будущее. Да, чрезвычайно ослабленный внутренне Китай в весьма специфических условиях, когда международное положение оставляло его практически один на один с Японией, был вынужден пойти на обширные уступки. Но всё это вполне могло со временем перемениться. Юань Шикай – дополнительно укрепить свою власть, страны Антанты, завершив с успехом войну, или США, довооружившись и проведя соответствующую подготовительную кампанию в обществе, могли вмешаться, требуя пересмотра договорённостей 1915. Империя Восходящего солнца приобрела многое, но не приобрела главного: фактического контроля над системой власти Поднебесной, либо, что тоже её устроило бы, не смогла поставить под сомнение её суверенность и субъектность. Царьков Британской Индии никто не считал субъектами международной политики – это просто была такая форма управления

Рис. 4.4: Окума Сигэнобу

британскими, по сути, территориями. В Китае японцы хотели добиться того же – но не смогли. И теперь угроза отмены или ревизии принятых 13 требований висела дамокловым мечом, заставляя Японию всё активнее вооружаться, дабы никто не рискнул пытаться прогнуть её силой. В частности США. Особенно США. И за ними нужно пристально следить. Не давать им слишком сильно превзойти Японию в области морских вооружений (про дредноутные программы японцев уже было сказано выше). Вот – самый первый симптом того, что в будущем станет жестоким антагонизмом.

Однако пока, повторюсь, это победа. В августе 1915 года премьер-министр Сигэнобу провёл реорганизацию своего правительства и помимо должности премьера занял должность министра иностранных дел – судя по всему действия министра иностранных дел в период, так сказать, острой фазы переговорного процесса с китайцами – Като Такааки были оценены неудовлетворительно. Впрочем, может быть, дело и не в этом – в ходе выборов в парламент марта 1915 всплыло на поверхность и разгорелось несколько коррупционных скандалов, а тесная связь Тakaаки с дзайбацу Мицубиси была общеизвестной, так что ему нужно было уйти. Это отнюдь не стало концом его политической карьеры – в 1924–1926 он даже сам сделается премьер-министром. Но вернёмся к Сигэнобу. Очевидно, именно его посчитали тем, кто в первую очередь обеспечил успешное принятие большей части требований – и соответствующим образом отметили. В июне 1916 года за заслуги перед державой император наградил его титулом косяку (условный японский аналог маркиза, нередко так и переводится). Правда, уже в октябре того же года кабинет Сигэнобу в полном составе ушёл в отставку, но, вероятно, ключевой причиной тут был возраст, а не политика. Во всяком случае, оставшуюся жизнь он прожил в большом почёте, а в похоронной церемонии в парке Хибия после смерти Сигэнобу 10 января 1922 года, приняли участие десятки тысяч людей.

Япония могло оплакивать смерть своего государственного мужа, но куда важнее для неё объективно была другая кончина. 6 июня 1916, почти тогда же, когда Окума Сигэнобу стал маркизом, в Китае скончался от уремии Юань Шикай. Ему было всего 56, так что, конечно, все ожидали более долгого его правления. А главное... Генерал, премьер-министр в период империи, первый президент республики, без пяти минут новый император, Юань Шикай был большим мерзавцем. Он плёл интриги, он обманывал, он плевать хотел на народ, его чаяния и его тяготы он был тщеславным, он был жестоким, но он мог держать Поднебесную в узде. Его власть в об-

щекитайском хаосе была чуть ли ни единственной прочной вещью. Его не назовёшь “успешным менеджером”, не назовёшь лидером нации, не назовёшь вождём – он не решил ни одной из глобальных задач, стоявших перед Китаем, и очень мало кто искренне любил его – та же история с референдумом об императорской власти – чистой воды постановка, где режиссёрами были местные чиновники и офицеры. Но Юань Шикай не давал стране вовсе расплзтись. С его смертью же Китая практически не стало. Остались клики, группы военных и гражданских руководителей (в первую очередь, конечно, генералов), объединённых исключительно личными связями, а ещё чаще – землячеством, а не какими бы то ни было идеями, сражающиеся за власть, не чураясь никакими способами, потому что победа противной стороны с большой долей вероятности означала смерть. Власть в Пекине становилась с каждым годом, да даже месяцем всё более номинальной. В стране разгоралась гражданская война, причём по худшему сценарию – не условные “красные против белых” а провинция против провинции.

Непосредственно после смерти президента, его прерогативы перешли к вице-президенту с 1912 по 1916 год, позднее избравшемуся на высший пост – Ли Юаньхуну.

Рис. 4.5: Ли Юаньхун

Ещё один военный, он, тем не менее, был человеком не слишком решительным – вероятно Юань Шикай приблизил его к вершине именно потому, что знал – тот не рискнёт пытаться столкнуть оттуда его самого. Истинные правители позволили ему стать номинально главным по двум причинам. Первая – чтобы у народа был объект для критики и “спуска пары” не затрагивающий их интересов. Вторая – чтобы конкурирующие клики не имели формального повода для обвинений в узурпации. Кем же были эти реальные властители? Так называемая Аньхойская клика получила своё название от провинции Аньхой, уроженцами которой были лидеры клики Дуань Цижуй и другие.

Вообще, как уже было сказано, ключевым признаком и принципом было землячество. Предпосылки для формирования клики как фракции в Бэйянской армии были заложены ещё в самом конце XIX века могущественным сановником Ли Хунчжаном, который тоже происходил из Аньхоя. Военные силы клики размещались в провинциях Хэнань, Чахар, Чжили, Шаньдун и во Внешней Монголии. Эти силы и использовались кликой для утверждения своего господства в Северном Китае. Вообще именно силовая, если не сказать вооружённая составляющая была основой власти клики, которая была ничем иным, как замаскированной военной диктатурой. Дуань Цижуй, бывший ещё с 1896 подчинённым и близким соратником Юань Шикая, с 1912 года занимал пост военного министра. В 1916 он сделался премьером, довольно быстро оттеснив после этого президента от рычагов управления. Власть Цижуя была даже более твёрдой, жестокой и автократической, нежели у Шикая, но, и это принципиально важно, только на части территории страны – той, которая твёрдо контролировалась войсками Аньхойцев. Там, а также вблизи Пекина, слово премьера было законом. В зоне же влияния других клик, при формальном признании власти президента и премьера (прежде всего для того, чтобы не ставить под сомнение территориальную целостность Китая, чем мгновенно могли бы воспользоваться те же японцы, да и не только они) на большую часть распоряжений Цижуя плевать хотели.

Рис. 4.6: Дуань Цижуй

Всё это ставило Японию в довольно специфическое положение. Правительства, которое могло бы гарантировать исполнение условий 13 требований на всей территории Поднебесной, просто не существовало. Аньхойская клика, как самая сильная, стала получать определённую поддержку от японцев, но это мигом сделало её врагами все остальные клики. Естественно, они не желали знать, что там подписывалось и кем ещё при Шикае, если им это не было выгодно. А если таким образом можно ещё и японцам насолить, то просто замечательно. Япония в первый раз столкнулась с дилеммой, которая ещё аукнется ей не раз позднее: чтобы контролировать Китай, нужно, чтобы там было сильное правительство, которое могло бы заставить региональные элиты уважать и соблюдать межгосударственные договорённости, но, стоило этой сильной власти стать чуть могущественнее определённого предела, как уже она сама начинала ставить под сомнение и ревизовать навязанные японцами в момент слабости документы. Тот же Дуань Цижуй с удовольствием брал японские деньги, использовал их ресурсы, но отнюдь не был “прояпонским” политиком и где конспиративно, а где и открыто наступал им на ноги, если это могло ему что-то дать, или он рассчитывал их обмануть. Японцы всё понимали, видели, но терпели, ибо альтернатива – совсем уже полный хаос в Китае, который придётся разгребать вооружённой рукой – а это означает война не с центральным правительством, которое можно заставить делать всё что угодно после взятия Пекина, а со всеми провинциями разом. И нужен тут не 30-40 тысячный экспедиционный корпус, который стоял в Циндао, а огромная армия в полмиллиона, а лучше

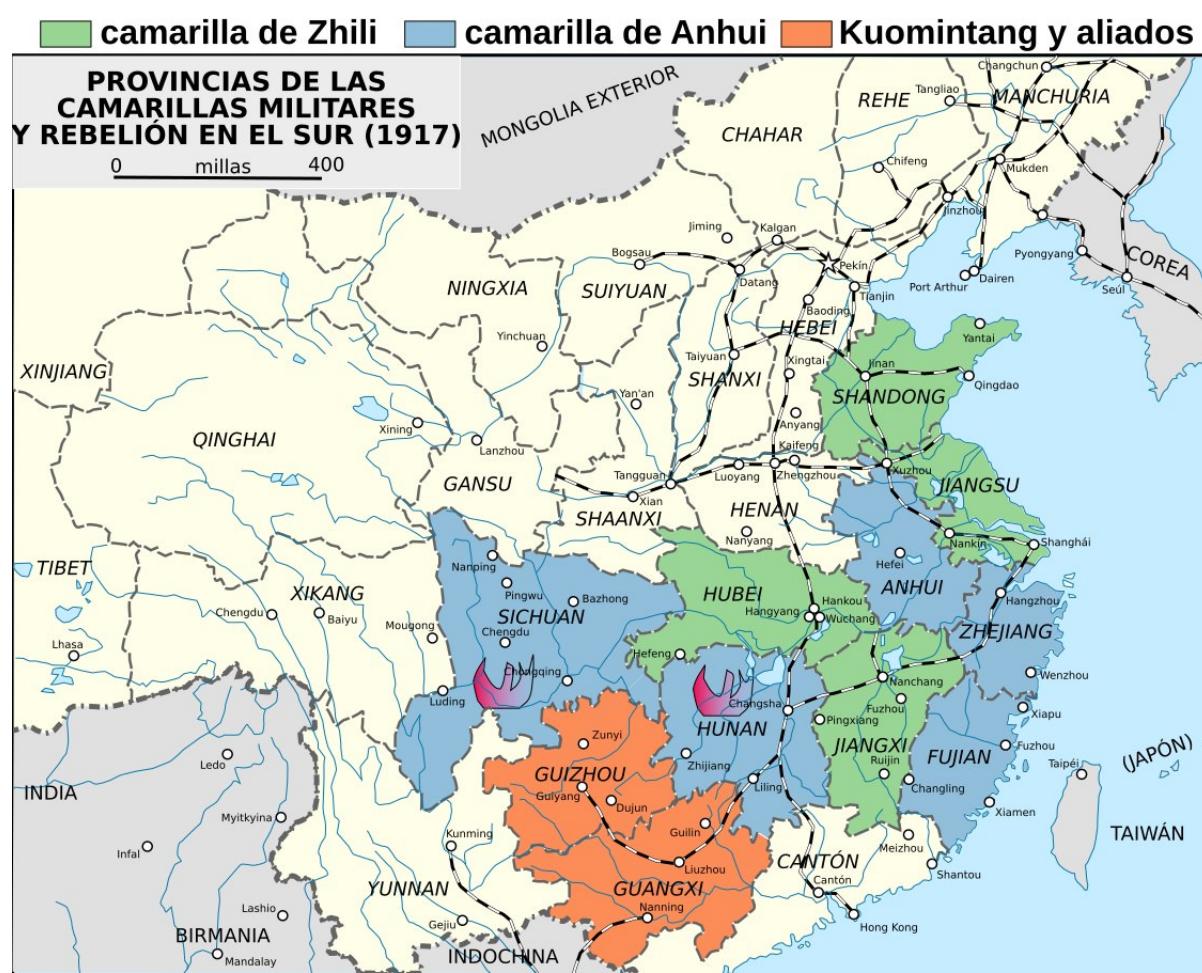

Рис. 4.7: Китай, разделённый между кликами, на 1917 год

– больше. В 1910-х Япония была не готова сделать такой выбор. Во второй половине 1930-х ситуация изменится...

А пока Цижуй с одной стороны пытался удержать и упрочить власть, а с другой после паузы, попытался всё же реализовать комбинацию, задуманную ещё Шикаем – Китай в Антанте. Это могло как позволить Поднебесной после завершения войны попытаться отменить договор о 13 требованиях, так и в ходе неё выпрашивать у той же Японии и других стран-противников Германии кредиты и оружие. Но неожиданно глава кабинета министров натолкнулся на довольно активное противостояние президента. Сложно сказать, чего именно боялся Ли Юаньхун. К началу 1917 года и дураку было ясно, что Центральные державы находятся в тяжёлом положении, а уж Китаю просто никак не могут угрожать. Вероятно, основной страх был опять таким связан с внутренней политикой: народу нужно было хоть как то объяснить, почему страна вступает в совершенно чужую для неё войну – и всякие такие объяснение могли нарушить довольно хрупкий порядок, при котором низовые, простонародные массы удавалось удерживать от колосальных масштабов бунта. Поди докажи крестьянину или даже горожанину, что война – это лишь формальность, а местные власти не станут по этому поводу драть с него три шкуры!

В конечном итоге объявление войны Германии и Австро-Венгрии стало возможным только после падения президента. Оно же в свою очередь произошло по причине монархического путча июля 1917. Началось всё с того, что в мае 1917 президент при помощи парламента отправил лидера Аньхойской клики в отставку с поста премьера. Скорее всего, Юаньхун не рассчитывал на то, что Дуан Цижуя удастся, в самом деле, выкинуть из политики – скорее всего президент наивно рассчитывал вернуть генерала на его пост по достижению некоего компромисса. Вот только Аньхойской клике компромиссы были не нужны. По требованию Цижуя верные ему местные военные губернаторы объявили, что они не подчиняются больше Пекину и потребовали у Ли

Юаньхуна сложения с себя полномочий президента. Причём подразумевалось, что в случае отказа данная операция будет произведена насилиственно, вооруженной рукой. Президент срочно стал искать, на кого он мог бы опереться. Другим кликам Юаньхун был не особенно нужен – у них были свои кандидаты, так что в итоге был найден высокий чином, но второразрядный с точки зрения реальной власти генерал по имени Чжан Сюнь. Никто и подумать не мог, что уже довольно немолодой и давно никак себя не проявлявший Сюнь поведёт свою игру. Вероятно, определённую роль здесь сыграло немецкое посольство, в котором знали, что в самом скором времени после победы Аньхойцев, Китай вступит в войну. Реально дипломаты Кайзерреиха мало чем могли помочь Чжан Сюню, но вот воодушевить, заставить играть честолюбие... Утром 1 июля 1917 году Чжан Сюнь вошел с войсками в Пекин и... неожиданно для всех объявил о реставрации Цинской монархии, вернул на трон Пу И и тоже потребовал у Ли Юаньхуна сложения полномочий, на что тот сразу ответил отказом. Впрочем, на президента всем уже было наплевать – началась другая игра. В поднебесной после Синьхайской революции царил такой чудовищный и всё нарастающий хаос, что народу идея реставрации вполне могла прийтись по вкусу. Что ещё хуже, она могла прийтись по вкусу японцам. Так что у Аньхойской клики времени на то, чтобы реализовать своё военное преимущество, было в обрез. Дуань Цижуй самым быстрым темпом повёл свои войска на Пекин. Чжан Сюнь заперся в Запретном городе. Начались бои.

Рис. 4.8: Штурм Запретного города

Один из самолётов Дуаня даже бомбил Запретный город, что, возможно, стало первой бомбардировкой в Восточной Азии. К 12 июля побеждённые войска Чжана разбежались, и Дуань вернулся в Пекин. Занятно, что сам заговорщик смог избежать смерти, или даже просто какого-либо наказания, так как укрылся в голландском посольстве, где и попросил политического убежища. Больше Чжан Сюнь участия в политике не принимал.

Тем временем в течение беспорядков вице-президент Фэн Гочжан, ещё один бывший бэйянский генерал, занял пост исполняющего обязанности президента и принял присягу в Нанкине. Дуань Цижуй вновь получил пост премьер-министра. Ли Юаньхуна выбросили, как старое тряпье, 17 июля 1917 без какого-либо противодействия с его стороны или со стороны кого-то ещё. Затем Дуань Цижуй разогнал парламент, осмелившийся его снять по указанию уже бывшего президента. А 14 августа 1917 Китай объявил войну Германии и Австро-Венгрии, став, тем самым, формальным союзником Японии – к немалой досаде последней. Война же, тем временем, затягивалась, и всё сильнее проявлялись её глобальные экономические последствия. Одним из таких был достаточно существенный рост цен на продовольствие в мировом масштабе. Кушать, как известно, надо всем – в том числе и многомиллионным армиям, выпавшим из процесса производства. Не менее важным был и спад существовавших хозяйственных связей, блокады, угроза транспорту, особенно морскому, заставлявшему судовладельцев и фрахтовщиков включать рис-

ки в стоимость. Зима 1916-1917 года здесь стала рубежной для многих стран. В Германии она известна как Брюквеная. В одном из самых, если не самом развитом государстве планеты, несмотря на достаточно хорошо отлаженную систему карточного распределения, начался натуральный голод. Суммарно от голода и недоедания во Втором Рейхе за 1914-1918 умерло около 800 000 человек, из них подавляющее большинство – именно в Брюквеную зиму. В Российской империи нехватка хлеба в столице, послужившая поводом к началу Февральской революции, была вызвана скорее отвратительной логистикой (а частично, вероятно, и саботажем), но и с продовольствием ситуация ухудшалась буквально на глазах, чтобы стать по-настоящему тяжёлой уже во второй половине 1917 года. Даже контролирующая моря и имеющая массу незатронутых или слабо затронутых войной колоний Британская империя была вынуждена ввести ограничения на свободную продажу продовольствия в конце 1917.

Япония же уже к началу войны априори зависела от ввоза продуктов – так же, как и Альбион, вот только у Империи Восходящего солнца колоний не было, только Корея, которая не могла дать много, без риска того, что голод начнётся уже в ней. Последствия и угрозы были достаточно очевидны – тем не менее, японское правительство умудрилось не предпринять никаких значимых мер до того, как кризис оказался на пороге. Возможно, свою роль сыграло то, что, собственно, количественной нехватки не было почти до самого конца – условные прилавки не были пусты, но вот цены выросли и весьма существенно. Высшие классы могли чувствовать некоторый дискомфорт, но не более того, в то время как для основной части японцев нищета стала или реальностью, или, как минимум, весьма грозным и близким призраком.

Руководители же Японии чересчур заигрались в большую международную политику. При этом всё больше становилась диспропорция между тем, что государство могло рассчитывать получить в перспективе в результате своих дипломатических побед, и тем, чем можно воспользоваться прямо сейчас. Теоретически, пусть даже и принятые в неполном виде, 21 требование давало японцам решающее преимущество в Китае по сравнению со всеми другими игроками, а это могло принести громадные дивиденды. Но прямо сейчас, в 1916, 1917, 1918 годах это не давало решительно ничего! Поднебесная была настолько раздроблена и слаба, что туда по-прежнему было и опасно вкладываться, и сама её экономическая жизнь из-за непрерывного внутреннего конфликта, всё чаще – вооружённого, заметно сдала. Напротив, пока выходило, что Япония должна спонсировать не особенно-то дружественную и “свою” Анхойскую клику, а главное, в расчёте на будущую оборону от притязаний других держав – политическо-договорную, или реальную, того, что она успела получить в Китае, пока они были заняты, усиливать свои вооружённые силы. Особенно флот. Дредноуты Япония научилась строить и качественно, и быстро, но менее дорогими они от этого не становились. Такими же темпами флот, как было сказано выше, рос только в США, но при этом благосостояние Америки, величина её промышленности, финансового сектора, покупательная способность населения были несопоставимы с японскими. Иными словами, при тех же номинальных величинах, доля в государственных тратах выходила совершенно иной. Штаты могли себе позволить новые дредноуты без особенного напряжения. Японцы – если ещё не переставляя дырки на ремне, то, по крайней мере, не оставляя свободных резервов на другие проекты и цели. Стране нужен был умный и расчётливый хозяйственник, который смог бы, во-первых, не упустить из виду возможность социального взрыва, а во-вторых весьма точно свести дебет с кредитом либо сократив часть расходов, либо изыскав дополнительные источники дохода.

Вместо этого на пост премьер-министра, ставший весьма важным в отсутствии дееспособного императора и постепенном ослаблении (в силу вымирания) института Гэнро, после отставки Сигэнобу был назначен Тэраути Масатакэ, человек, которому стоит сказать подробнее.

В первую очередь нужно отметить, что это – военный. Да, в Японии Мэйдзи нередко бывало, что талантливые представители высшей элиты одновременно имели высокие посты по гражданской и высокие звания по военной линии. Но Масатакэ был чистым офицером, многие годы отдавшим службе, потерявшием ещё в 1877 году в ходе подавления восстания самураев в Сацуруме руку, который от начала карьеры и до 1910 года вообще службы, не связанной напрямую с военным делом, не исправлял. В 1882 году Тэраути Масатакэ был военным атташе во Франции. После этого, в 1898 году, он был назначен первым главным инспектором боевой подготовки. В 1901 году он стал министром армии в первом кабинете Кацуры Таро. Он оставался в должности

Рис. 4.9: Тэраути Масатакэ

и в течение Русско-японской войны, что, естественно, после победного её окончания, резко повысило его престиж и вес. После войны ему были последовательно присвоены титулы барона, а в 1911 году — графа. И вот, наконец, в 1910 гражданский пост — генерал-резидент в Корее. Вот только направлялся туда Масатакэ как чистый силовик, если не каратель, призванный установить жесткий и надёжный контроль над страной Утренней свежести. Причиной было убийство борцом за независимость и корейским националистом Аном Чунгыном пожалуй самого выдающегося из деятелей эпохи Мэйдзи, первого из Гэнро, упоминавшегося в предыдущих частях Ито Хиробуми 26 октября 1909 года. Дело было так:

В октябре 1909 года Ито Хиробуми выехал в Харбин для встречи с российским министром финансов В. Н. Коковцовым. Планировалось обсудить вопрос о полной аннексии Кореи Японией. 26 октября в 9 часов утра поезд, на котором ехал Ито, прибыл на станцию.

После того, как Коковцов зашёл в вагон, Ито тепло поприветствовал его и высказал уверенность, что между Японией и Россией всегда будут мир и дружба. Коковцов предложил ему сойти на платформу, где выстроился почётный караул. Когда они совершили обход караула, Ито Хиробуми был застрелен корейским националистом Ан Чунгыном. Он умер через полчаса после покушения. Последними словами Ито были «Он застрелил меня. Вот дурак!».

Многоопытный гэнро был прав — Чунгын действительно совершил глупость: если покойный выступал за достаточно мягкий, поэтапный процесс включения Кореи в состав Империи Восхо-

Рис. 4.10: Оригинальное фото, сделанное за несколько минут до убийства

дящего солнца, то после его убийства дело очень ускорилось, ужесточилось, а несогласные стали подвергаться откровенным репрессиям. Итак, после небольшого, полугодового промежуточного периода, когда обязанности генерал-резидентов Кореи исполнял Сонэ Арасукэ, чей служебный список был составлен из мирных, гражданских занятий хозяйственного толка: он был министром юстиции в третьем кабинете Ито Хиробуми, министром сельского хозяйства и коммерции во втором кабинете Ямагаты Аритомо и министром финансов в первом кабинете Кацуры Таро (1901—1906), на его место приходит Масатакэ. Он прибыл в Корею 30 мая 1910 — и в кратчайший срок сперва составил, а потом продавил Договор о присоединении Кореи к Японии. Происходило всё скорее как военная операция, нежели дипломатическая договорённость. Подписанный 22 августа 1910 документ открывался словами «Его Величество Император Кореи полностью и бессрочно передает Его Величеству Императору Японии все суверенные права на управление Кореей» — больше похоже на капитуляцию. И сам Масатаэ смотрел на дело так же. Не чуждый поэзии, он сочинил по случаю успеха хокку: «Что бы подумали Кобаякава, Като и Кониси, если бы жили они сейчас, взглянув на луну сегодня вечером?», где Кобаякава, Като и Кониси — генералы армии сёгуна Тоётоми Хидэёси, воевавшие в Корее и пытавшиеся её захватить в 1592–1598.

Затем уже в качестве не генерал-residenta, а генерал-губернатора Кореи, Тэраути Масатакэ провёл ряд весьма непопулярных мер и реформ, в частности начал процесс японизации — по его приказу в Корее было открыто несколько тысяч школ, где изучался японский язык и японская литература. Также Тэраути провёл земельную реформу в Корее: был создан земельный кадастровый реестр, однако составлялся он исключительно на основе письменных документов, между тем как земельные отношения в Корее зачастую регулировались с помощью обычного права. Это привело к утрате земли значительной частью корейских крестьян. Земля перешла в государственный фонд, что облегчало размещение на ней японских переселенцев. Все выступления, начиная от самых первых — против Договора и потери даже фиктивной независимости, подавлялись военными средствами. И вот именно этот человек, окончательно подчинив и замирив Корею, 9 октября 1916 становится премьером Японии. Вскоре после этого он получает звание маршала. Почему, зачем был сделан именно этот выбор? Судя по дальнейшим его действиям, Масатакэ должен был резко интенсифицировать силовое давление на Китай. В идеале оно должно было завершиться таким же, как в Корее, проталкиванием в режиме блиц устраивающего Японию документа — возможно отвергнутой китайцами части 21 требования.

Масатакэ развивает кипучую деятельность. Он даже добивается неформального понимания от США, которые вновь признали «особые интересы Японии в Китае». Штаты как раз вступили в войну, и теперь тоже не могут себе позволить активно лезть в дела Китая. Также маршал-премьер серьёзно нарастил степень влияния на Аньхойцев и вообще достиг ситуации, когда без японцев ни один значимый вопрос в Китае объективно не решался — пока ещё не в том смысле, что им всегда шли на уступки, но в том, что их стало совершенно невозможно игнорировать. Даже в случае с Монгoliей и Тибетом и их спорах с Пекином японцы играли важную роль.

Сложно сказать, успел бы Масатаке дождаться Китай, или нет. Мне представляется, что всё же нет. Но тут вмешался непредвиденный фактор – революция в России. Фактор, который заставит разгореться японские амбиции, и, погнавшись за двумя зайцами, потерять время. А его даже не внешние игроки, а сам японский народ, исстрадавшийся из-за дороговизны, отвёл уже не так много.

Об участии Японии в Интервенции, последствиях этого участия, а главное – о Рисовых бунтах и итогах политики Империи Восходящего солнца в Китае и её участия в Первой мировой войне – в следующей части.

https://vk.com/wall-162479647_83282

5. Глава 5

Вновь желаю здравствовать своим читателям. С вами снова серия, посвящённая стратегическому выбору направления экспансии Страны Восходящего солнца.

Что ж, в прошлый раз мы достаточно подробно разобрались с китайскими делами – без сомнения, высшим приоритетом для Японии в период 1914-1918. Вновь поговорили мы и о власти, о тех органах и тех конкретных людях, которые принимали ключевые решения. Ну а в завершении подошли к вопросу об участии Японии в интервенции в России и последствиях для неё такого шага. Но, прежде чем переходить к этой теме, стоит немного сказать о развитии отношений России и Японии после Русско-японской войны вообще. Для России годы, последовавшие за Портсмутским миром, принесли не просто переориентацию с Дальнего Востока обратно на Европу, но и быстрое ускорение и углубление вовлечённости в имевшийся там клубок противоречий. В 1908 разгорелся Боснийский кризис, который легко мог привести к войне (собственно, по общему мнению и современников, и нынешних исследователей аннексия Боснии Австро-Венгрией как повод к войне была куда весомее Сараевского убийства и его прямых последствий). Параллельно в 1906 и 1907 годах продолжала бушевать Первая русская революция, причём всё более, так сказать, уходя на низовой, наиболее сложный для купирования уровень массовых и повсеместных крестьянских выступлений. Военные долги и общий социально-экономический разлад заставляли всё более активно обращаться к внешним заимствованиям, прежде всего у союзников-французов. Так же Франция и её капитал вообще всё активнее проникали в нашу экономику и промышленность, что в свою очередь увеличивало степень зависимости от её воли при принятии решений. Французов же слабо интересовал Дальний Восток, но очень живо – Германия и противодействие ей. Схожие интересы у ведущей дредноутную гонку и торгово-экономическую борьбу со Вторым рейхом Британии. И вот 1907 год становится моментом, когда тянувшаяся большую часть XIX столетия Большая игра и Русско-английский антагонизм должны были отойти на второй план перед лицом перемен. В августе было подписано Русско-английское соглашение по разграничению сфер влияния в Персии, а также окончательному закреплению статуса Афганистана и Тибета. Разумеется, британский союзник – Япония не могла не учитывать этого факта.

Вообще с японской стороны, о чём уже говорилось в предыдущих частях, существовало понимание, что без большой войны с Россией ничего получить не удастся, а таковая война вполне может окончиться для Японии гибелью, так как совершенно неясно каким способом принуждать Российскую Империю к миру, затяжной же конфликт вёл в целом ряду очень серьёзных рисков, как военного, так и экономического плана. Наиболее мудрые государственные мужи Империи Восходящего солнца – и в первую очередь самый авторитетный из Гэнро – Ито Хиробуми, определённо выступали за мирные отношения с Россией и даже сотрудничество с ней, при условии

признания Петербургом не только гласных результатов Русско-японской войны, закреплённых в мирном договоре, но и негласных, так сказать, подразумевавшихся. В первую очередь, окончательного и полного перехода Кореи под власть Японии. Именно об этом и велись переговоры между Хиробуми и Коковцовым в 1909 Харбине и, несмотря на то, что великий японский государственный деятель, как мы помним, был убит (что стало для страны потерей, сравнимой со смертью в 1912 самого Мэйдзи), стороны пришли к пониманию.

Ну а в 1914 грянула Первая мировая. Как только позиция Японии в августе 1914 вполне прояснилась с её ультиматумом Германии, 24 числа туда из России выехала военно-техническая комиссия во главе с генерал-майором Э. К. Гермониусом. Первоначальной задачей комиссии было приобретение в Японии запаса трофейных трёхлинейных винтовок, захваченных японской армией в ходе русско-японской войны. В сентябре 1914 года японские власти сообщили, что запасы трёхлинейных винтовок уже утилизированы. Тут бы и конец, но японцы предложили закупить вместо этого 35 000 винтовок и карабинов «Арисака», изготовленных по заказу правительства Мексики, и 23 миллиона патронов к ним.

Рис. 5.1: Винтовка Арисака Тип-38

Партия, на самом деле, весьма скромная. Основной причиной предложения японцев было их собственное желание избавиться от экспортной версии Арисаки, так как её патроны не подходили не только ни к немецким, ни к русским винтовкам, калибр которых был больше, чем принятые в Японии 6,5 мм, но даже и к своим, японским винтовкам в стандартном их варианте. 13 октября 1914 года 20 350 винтовок, 15050 карабинов и патроны были куплены за 200 тыс. фунтов стерлингов, т.е. около 2 миллионов золотых рублей по курсу 1914 года. Но и это был далеко не конец.

Напротив, вслед за этим, Гермониус получил приказ закупить ещё «до миллиона(!) винтовок японской армии с запасом 1000 патронов на каждую винтовку». Недурственный скачок с 35 000! Заказ был столь неожиданным, что его без особенного энтузиазма восприняла даже японская армия, рисковавшая сильно сократить свой арсенал, но после переговоров она всё же согласилась продать 200 000 уже снятых с вооружения винтовок обр.1897 года и 25 млн патронов к ним (125 шт. на винтовку). Причём японцы даже честно предупредили, что патроны будут старые, с истёкшим сроком годности, со складов в Корее. Тем не менее, уже 21 октября 1914 года в огромной спешке был подписан контракт на поставку оговорённого количества винтовок и патронов за 4,5 млн золотых рублей. Автор не является специалистом в этой области, но не может не отметить, что всё это выглядит чрезвычайно подозрительно – комиссия, посланная с конкретной и весьма скромной с точки зрения затрат задачей в итоге заключает совершенно другие, а главное – миллионы сделки и в самые короткие сроки. Есть немалое подозрение, что во всём этом была, как сейчас бы сказали, “коррупционная составляющая в сфере госзакупок и оборонного заказа”.

Торговля изношенными и малопригодными винтовками продолжалась и далее. В январе 1915 года на официальный запрос о продаже ещё 300 000 винтовок японское правительство, не желавшее сокращать мобилизационный резерв, согласилось продать лишь 100 000 самых изношенных винтовок старого образца. 28 января 1915 года был подписан контракт на поставку 85 000 винтовок, 15 000 карабинов и 22,6 миллионов патронов (на общую сумму 2 612 000 иен или около 2,5 миллионов рублей), а 3 февраля 1915 года — ещё 10 миллионов патронов к ним. Японцы достаточно быстро ощутили свою выгоду и стали умело пользоваться сложившимся положением. Русским нужны винтовки? Прекрасно! 25 мая 1915 года в обмен на политическую поддержку

Россией японского ультиматума к правительству Китая, Япония согласилась продать ещё 100 000 винтовок и 20 миллионов патронов, в начале сентября 1915 года — продала ещё 150 000 винтовок нового образца «тип 38» и 84 миллиона патронов. Оба контракта были оплачены золотом. Иными словами, японцы разом и решали важную политическую задачу — Россия в год Великого отступления едва ли могла помешать японцам давить на Китай, но её неодобрение могло сказать в будущем, и получали немалую материальную выгоду, да ещё и обставляла всё это как уступку.

Если подсчитать общую сумму, то выходит, что Россия закупила за полтора года (напомню, строго за золото) 585 000 винтовок и карабинов Арисака, но даже и это оказывается не полной величиной. Ещё 128 000 штук было получено в 1916 году не прямо от Японии, а из Великобритании, некоторое количество винтовок было из китайского и мексиканского заказов («мексиканские карабины», например, использовались пограничниками и Заамурским военным округом). Нельзя сказать, чтобы винтовка так уж активно применялась на Русско-германском фронте, но в целом она была до такой степени “освоена” Россией, что именно под её патроном конструктор Фёдоров разработал свой ныне знаменитый автомат.

Вообще не следует думать, что со стороны Империи Восходящего солнца имел место некий злонамеренный обман: Арисака была вполне удачной винтовкой, а японцы честно исполняли свои обязательства. Инициатива в вопросе о закупках исходила именно от российской стороны, а у японцев не было никаких мотивов, чтобы не извлечь из этого всю выгоду. В целом отношения с Российской Империей в 1914–1917 нельзя назвать дружескими, но вполне можно конструктивными. Японцы даже (хотя, надо думать, и не без собственных видов), одобрили подписание Кяхтинского договора 1915, согласно которому официально Монголия (тогда Внешняя Монголия) обретала законодательно закреплённую автономию в рамках Китая, а фактически превращалась в полунезависимое государство под русским протекторатом. Февраль 1917 мало что изменил — в первую очередь, вероятно, потому, что японцы, как и многие другие, не заметили всего масштаба перемен, которые стали происходить в России. Главным образом это произошло из-за того, что отречение царя было воспринято со всеобщим одобрением — ни одна социальная прослойка, ни одна страна, класс, группа влияния, буквально никто, даже в императорской фамилии (о чём очень бы хорошо помнить нынешним любителям похрустеть французской булкой) не только не попытался отстоять власть Николая II, но даже не выразил сожаления в связи с его уходом.

Конечно же, всё изменилось к концу лета 1917, когда такие вещи, как Корниловский мятеж, уже нельзя было не заметить. Ну а окончательно события перешли в галоп после Октябрьской революции и опубликования Декрета о мире. Стали очевидными две вещи:

- 1) Русские собираются выйти из войны.
- 2) Россия переживает серьёзный внутренний кризис

Разумеется, весьма быстро стали возникать планы относительно того, как этим можно воспользоваться. Впрочем, изначально Япония не пыталась бежать впереди паровоза. Ещё не был заключен Брестский мир, даже переговоры ещё не начинались, так что формально Россия продолжала оставаться союзником Империи Восходящего солнца. И вообще было совершенно очевидно, что возникший вдруг русский вопрос Антанта будет решать комплексно и с участием всех ключевых держав. З декабря 1917 года собралась специальная конференция с участием США, Великобритании, Франции и союзных им стран, на которой было принято решение о разграничении зон интересов на территориях бывшей Российской империи и установлении контактов с национально-демократическими правительствами. К слову сказать, Гражданская война в это время в целом ещё не началась, спорадические бои, имевшие место непосредственно в октябре 1917, окончились, за значимым, но совершенно особым по своему генезису исключением Украинской Центральной Рады, вся страна признала власть Советского правительства, так что господа из Антанты нагло и явно вмешивались в суверенные дела России из своих корыстных интересов и активно искали себе в этом деле помощников.

Ключевым был вопрос о войсках. Всем было понятно, что большевики — не из тех, кто испугается давления, ну а в самой критической ситуации они могли обратиться за помощью и к Германии. Это означало, что при организации интервенции нужно или сразу задействовать большое количество сил и средств, чтобы уверено повалить Советы, или минимизировать масштабы интервенции, создать иллюзию, что вмешательство осуществляется исключительно по отдель-

ным, частным вопросам, как то охрана военных складов, транзит и вывод союзнических частей, уже находящихся на русских территориях, но не покушается на самостоятельность и проводимый курс России. Первый вариант, весьма заманчивый, практически был малореален, так как почти все наличные силы Англии и Франции были задействованы на фронтах. Соединённые Штаты были перегружены логистически – даже их транспортного флота не хватало одновременно на то, чтобы перебрасывать сотни тысяч бойцов и массы грузов и во французские порты, и в Россию. Весьма неожиданно оказалось, что именно Япония из всех союзников обладает наиболее крупными, свободными и близко расположеными к российским пределам силами. Правда, значительно удалёнными от Петрограда и от разваливающегося Русско-германского фронта.

Начало было положено 12 января 1918 год, когда японский крейсер «Ивами» вошёл в бухту Владивостока для «защиты интересов и жизни проживающих на российской земле японских подданных», при этом утверждалось, что японское правительство не намерено «вмешиваться в вопрос о политическом устройстве России». Несколько дней спустя во Владивосток прибыли военные корабли США и Китая. В общем, это сложно ещё назвать интервенцией в полном смысле слова – скорее это было обозначение присутствия. Оно ни к чему не обязывало, не требовало затрат, но и ни к чему не вело.

Ещё в конце 1917 года Франция, которая была слабо заинтересована в Дальнем Востоке, предложила по дипломатическим каналам японцам войти на территорию Приморья и даже Сибири. Япония отказалась. Причин тому много. Главная, пожалуй, это то, что предложение исходило от одной только Франции – до тех пор, пока позиция других держав Антанты не была вполне прояснена, делать излишне резкие шаги было неосмотрительно. Кроме этого, Россия всё ещё не выглядела раскальзывающимся на части сосудом – власть большевиков казалась почти общепризнанной и способной организовать серьёзное вооружённое сопротивление. Наконец, в отличие от реально сражавшихся в ПМВ государств, Япония ещё не была вполне готова с точки зрения мобилизации вооруженных сил и, особенно, промышленности к отправке крупного воинского контингента. Пока что японцы хотели получить пусть не столько много, но зато без особых трат и надёжно. 18 февраля 1918 года Верховный совет Антанты – разумеется, с подачи Империи Восходящего солнца, принял решение об оккупации японскими войсками Харбина, а также зоны КВЖД, т.е. территории, России принадлежавших, но не являвшихся прямо её частями. Одновременно решена была и судьба Владивостока, куда предполагалось направить уже объединённые силы под предлогом охраны ввезённых военных материалов. И Харбин и КВЖД были весьма ценными приобретениями, но только не одни лишь японцы понимали это. В конце февраля – начале марта 1918 интервенция стала уже решенным делом – переговоры в Бресте между РСФСР и Центральными державами вступили в заключительную fazu и стало понятно, что Россия окажется вынужденной многое уступить Германии и её союзникам. Японцы, без сомнения, должны были оказаться в числе основных участников. И, в рамках предварительных обсуждений будущих действий союзников в России, США, опасавшиеся чрезмерного усиления Японии в северо-западной части Тихого океана, потребовали от неё обязательства не предпринимать широких операций без ведома и согласия Антанты, а также вывести свои войска после достижения целей интервенции.

Руководители Империи Восходящего солнца встали перед весьма нелёгким выбором. С одной стороны Штаты просто предлагали Японии таскать каштаны из огня, не обещая ничего взамен: для японцев вопрос о власти в России и о том, будет или нет, эта власть дальше воевать с Герmaniей был совершенно непринципиален. Япония свою Первую мировую по существу окончила ещё взятием Циндао, да и примкнула к Антанте исключительно исходя из своих интересов. Перемены на европейских фронтах волновали Страну Восходящего солнца довольно слабо. С другой стороны, японцы понимали – союзники нуждаются сейчас в них куда больше, чем они в союзниках. Свободные и пригодные войска кроме Японии, предоставить некому. США перед входом японцев в большую игру Интервенции требуют от них принять определённый свод правил – что ж, пусть так. Какое это имеет значение, если потом, когда десятки тысяч солдат под белыми флагами с красным кругом уже будут на месте, они не сумеют заставить Японию эти правила выполнять?

Другое дело, что попытка повести самостоятельную линию в России и проигнорировать договорённости со Штатами могла аукнуться потом, когда война закончится, и победители будут

предъявлять ранее не столь актуальные, по сравнению с задачей одержать победу над врагом, счета друг другу. И в первую очередь в Китае, где и так был риск того, что двусторонние договорённости 1915 года и 13 принятых Пекином пунктов могут быть пересмотрены. Требовалось так быстро и такочно встать в Приморье и вообще на Дальнем Востоке России, чтобы до окончания войны уже продавить и формально закрепить в Верховном Совете Антанты выгодные Стране Восходящего солнца территориально-политические изменения. Исходя из того, что происходило в марте 1918 во Франции, где немецкие войска готовили самое масштабное с 1914 наступление, а вернее даже целую серию ударов, спланированных Людендорфом, чтобы раскачать и обвалить фронт, японцы как будто могли рассчитывать на то, что война завершится ещё не скоро. Всё равно, однако, у замысла масштабного участия Японии в Интервенции были и свои противники. Во-первых, многие полагали, что риски утратить то, что с таким трудом было приобретено в Китае, будут слишком большими, и не следует распылять силы на что-либо ещё. Китай, завоевание доминирующего положения в нём, был целью всей политики страны с 1914 года (а по существу и с более ранних времен), и теперь нельзя было просто временно отложить его в сторону. Во-вторых, по-настоящему мощные экспедиционные силы требовали и весомых затрат, а экономика и бюджет Страны Восходящего солнца не были готовы к дополнительным крупным расходам. Наконец, по-прежнему было неясно с какой силы сопротивлением придётся столкнуться войскам, и какие они могут понести потери. Одним словом, аргументы у противников Интервенции были довольно серьёзными – в итоге дело дойдёт даже до совершенно непривычно острых по меркам Японии дебатов в парламенте. Но только будет это уже летом 1918, когда истинный масштаб задуманного стал всем понятен. В марте же 1918, когда всё только начиналось, решение, судя по всему, было принято или единолично премьером Масатакэ, или небольшой группой близких к нему людей – в основном военной закалки.

Действительно, с чисто военной точки зрения всё выглядело довольно просто, а обещало много. Тераути Мацтакэ всегда был человеком решительным, способным без колебаний и отклонений, «брать штурмом» ту или иную задачу, а теперь, по-видимому, воспринимал своё назначение главой кабинета в октябре 1916 с той точки зрения, что именно это качество, по мнению людей, способствовавших его продвижению, и требуется. И вот 16 марта 1918 японское правительство дало американцам требуемые заверения. Теперь нужен был повод – его нашли очень быстро. 4 апреля 1918 года во Владивостоке были убиты двое японских служащих коммерческой компании. На следующий день, не дожидаясь расследования дела, японцы высадили в город десант под предлогом защиты японских подданных, некоторое время спустя вслед за японцами высадились и англичане. Но основные события развернулись 29 июня 1918 года, когда с помощью восставших чехословаков во Владивостоке была свергнута советская власть.

Вообще Чехословацкий мятеж переменил очень многое. Большевики разом утратили контроль над большой частью России – и все их противники одновременно не преминули этим воспользоваться. В стране началась большая и страшная Гражданская война. А за границей 2 июля 1918 года Верховный военный совет Антанты принял решение расширить масштабы интервенции в Сибири. Президент США Вудро Вильсон уже гласно и открыто попросил Японскую империю о выделении 7 тысяч человек в состав 25-тысячного международного контингента, официально предназначенного для помощи в эвакуации с российской территории чехословацкого корпуса. Вот тут и пришло, запоздало, время для бурных дебатов в парламенте Японии. Премьер Масатакэ действовал быстро и бескомпромиссно и здесь – не обращая внимания на парламентариев, рассчитывая (как оказалось, справедливо), что сумеет их дожать, он начинает торг со Штатами. Вместо 7 000 он готов дать сразу 12 000, но при условии, что японский контингент не будет частью международных сил, а получит собственное командование. Или – ничего. Тут как раз пригодились видимые признаки оппозиции в Стране Восходящего солнца участию в интервенции. И США пасуют! Согласие Вильсона получено. Далее всё начинает идти в строгом соответствии с планом – Япония плюёт на любые ограничения, бешеными темпами наращивает своё присутствие – к октябрю 1918 года численность японских войск в России достигла 72 тысяч человек (в то время как американский экспедиционный корпус насчитывал 10 тысяч человек, а войска других стран – 28 тысяч человек). И эти части не сидят без дела – в короткий срок и, как оказалось, при минимальном противодействии, они оккупировали Приморье, Приамурье и Забайкалье.

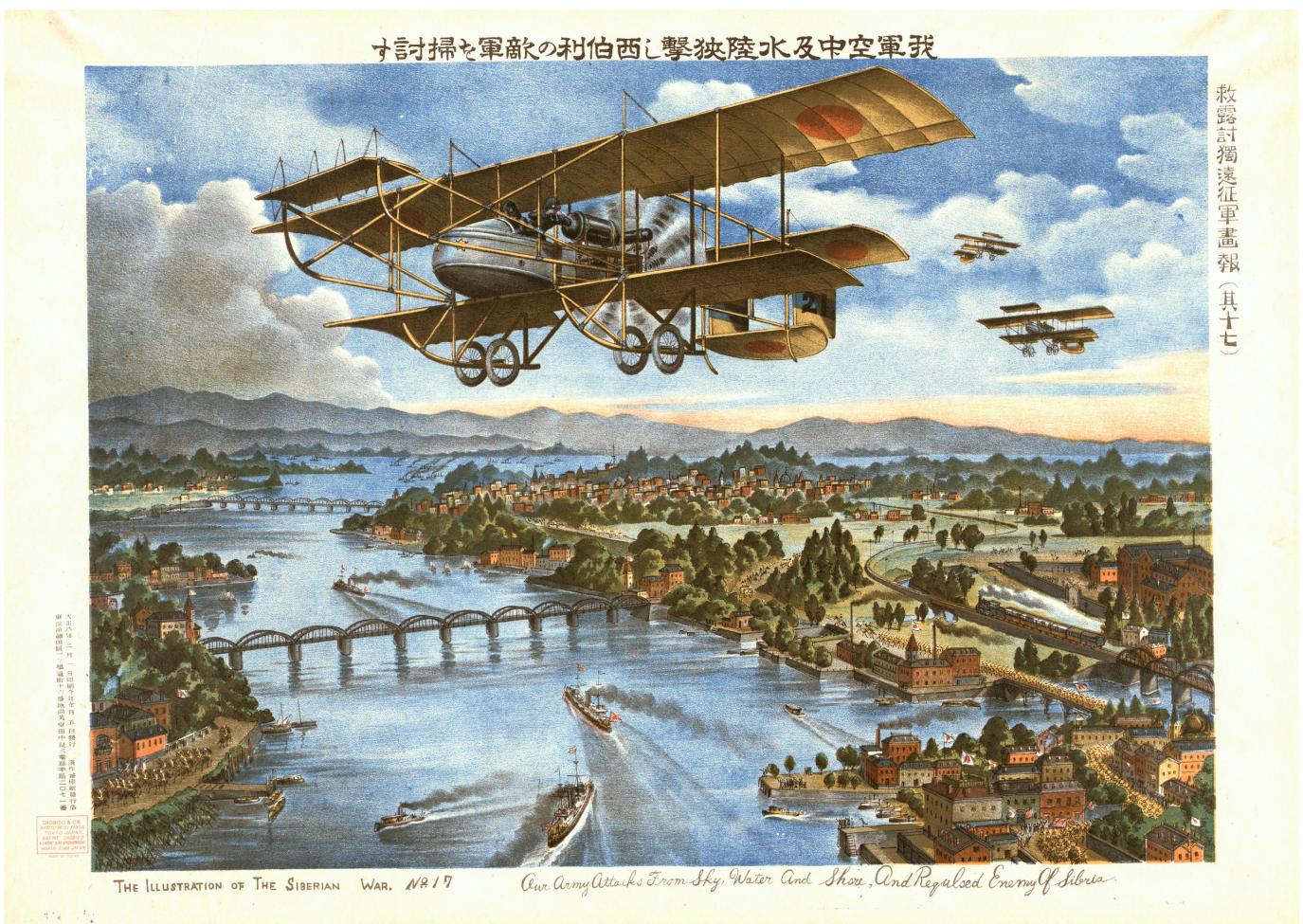

Рис. 5.2: Японский плакат 1918 года, приуроченный к занятию Хабаровска. По самой стилистике видно — здесь планируют оставаться надолго.

Полный успех! Блистательная победа! Только вот сам Тераути Масатакэ ко всё тому же октябрю 1918 уже был вынужден подать в отставку со своего поста. Мало того, он вообще оказывается выброшенным из политики, до самой своей, довольно скоро, впрочем (он скончается 3 ноября 1919 года) смерти.

Но почему? Причиной стали Рисовые бунты. И теперь мы поговорим о них подробно. В конце прошлой части было сказано о том, как затягивание Первой Мировой повлияло на глобальный продовольственный рынок и о том, почему это было так важно и болезненно для Страны Восходящего солнца. Уже в 1917 рост цен сказывался достаточно серьёзно и тяжело, а в 1918 положение усугубилось. При этом, как уже было сказано, правительство не приняло никаких мер, которые могли бы смягчить складывающееся положение. Предполагалось, что все многочисленные вложения в назовём его “Китайский проект” начнут, наконец, окупаться. Сам по себе такой подход был достаточно наивен — даже если бы в 1918 это и произошло, то доходы получили бы только представители крупного капитала, которые начали постепенно хозяйственное проникновение в Манчжурию. Со временем расширение сферы экспорта и приток более дешёвого сырья должен был, несомненно, сказаться и на экономике в целом, в том числе и на уровне жизни обычных японцев, но это никак не могло произойти раньше, чем через 3-5 лет. В реальности же вышло следующее. В 1914-1915 годах рядовые жители Японии не ощущали, что с кем-то и за что-то ведётся война, и это было весьма удобно для правительства. В 1918 они уже не понимали, с кем и почему ведётся война, но вполне ощущали её последствия. Русские только что были союзниками, а теперь десятками тысяч на их территорию направляются войска, снаряжаемые, разумеется, не задаром... Обстановка медленно, но верно становилась взрывоопасной. Не доставало толь одного — фитиля, который подожжет пороховой погреб, не доставало зажигателя. В Японии отсутствова-

ли революционные и рабочие партии, которые делали бы ставку на политическую мобилизацию народных масс и действительно серьёзные перемены, вплоть до полного демонтажа сложившейся социально-экономической системы страны. Социал-демократической партии в середине 1900-х не позволили оформиться власти. Коммунистическая партия Японии возникнет только в 1922. Сильные профсоюзы также отсутствовали. Не было и популистов, которые раскачивали бы народ для того, чтобы в дальнейшем шантажировать действующее правительство. Иными словами, не было тех, кто мог бы организовать выступление. Это снижало вероятность того, что оно вообще начнётся, но зато резко осложняло для властей дело, если всё же грянет бунт, потому что он в этом случае выходил бы стихийным, децентрализованным, а потому особенно трудно подавляемым.

Вспыхнуло в небольшом портовом городке Ниси-Хасамати в префектуре Тояма. Причём, в этой истории видны как черты сугубо японского национального колорита, так и весьма занятные параллели и с Великой Французской и с Великой Русской революциями. Итак, основная часть мужчин города занималась рыболовством, причём не каботажным, а на довольно приличном удалении от него – в районе севернее Сахалина и далее в Охотское море. В конце лета 1918 года рыбакам внезапно пошёл очень хороший лов, в связи с чем отцы семейств не спешили возвращаться в город, с тем, чтобы побольше заработать. Действительно, после реализации пойманной рыбы они смогли бы несколько поправить свои дела, вот только до этого момента нужно было ещё дождаться тем, кто остался в Ниси-Хасамати. У семей рыболовов стали заканчиваться и запасы пищи, и деньги, которые не давали нормально накопить случайные заработки. Рис – основной продукт питания, уже давно и неуклонно дорожал, и вот теперь сделался ожидающим кормильцев женам и детям не по карману. Видя это, рисоторговцы приняли решение переправить залёживающийся товар в другие, более состоятельные населённые пункты Японии – в порту начали нагружать рисом корабль, который должен был вывезти его из Ниси-Хасамати. При этом данную операцию как-либо скрыть от людей никто не потрудился. В итоге вечером 3 августа 1918 года местные женщины после работы небольшими группами вышли на улицы города. Всего на берегу моря собрались 200–300 женщин, впоследствии образовавших 3 отряда, первый из которых отправился соответственно к дому председателя муниципалитета с требованием прекратить вывоз риса, второй же и третий двинулись к дому торговца рисом, выдвинув требование реализовывать продажу риса лишь местным жителям и по более низкой цене. Нельзя не провести параллелей и с походом парижанок к Версалю, и начавшуюся не когда-нибудь, а в День Работницы, 8 марта по новому стилю Февральскую революцию в Петрограде, где женщины возмутились в хлебных очередях...

Власти Ниси-Хасамати отреагировали жестко. В места скопления женщин была стянута полиция, из-за действий которой многие женщины получили ранения. К ночи прения прекратились, и у рисовых складов были выставлены патрули. Всё? Как бы не так! Слухи разошлись быстро. Аналогичные акции начались на следующий день, 4 августа, в ещё одном похожем рыбакском городе Хигаси-Мидзухаси. Вечером на берегу моря 800 женщин со старшими дочерьми и, что важнее, сыновьями организовали группы по несколько человек и двинулись в город. Сразу же был дан сигнал полиции, однако она на это раз оказалась беспощадна против такого числа людей. 5 августа власти, наконец, попытались погасить пожар не силой, а хоть как-то решив проблему: из муниципалитета в Кобе отправили телеграфное сообщение с просьбой выделить определённое количество риса для покрытия дефицита. К тому времени жёны рыбаков устроили себе штаб в местном храме, установили пикеты по всему городу и в близлежащих населённых пунктах с целью проведения слежки за действиями, предпринимаемыми торговцами рисом.

Пока в Кобе думали, бунт вспыхнул и на территории города Намэригава. Причём дополнительным фактором стал следующий – начавшим всё же понемногу возвращаться рыбакам сообщали, что в их отсутствие их женщины оказались избиты полицией. Таким образом, когда к ночи 6 августа к выступлениям подключились и представители мужского пола, в количестве двух тысяч человек организовавшие переговоры с богатым купцом Каном, настроены они были весьма решительно. Пока ещё появление полиции позволяло копировать очаги бунтов, но на следующий день всё повторялось снова и во всё возрастающем масштабе. Власти не могли ни удовлетворить по-настоящему требования протестующих, ни проявить подлинную жесткость и твёрдо подавить

любые выступления. Вообще главной проблемой было полное отсутствие у японских управленцев опыта в деле силового ли, мирного ли взаимодействия с чём-то требующими массами. Рисовые бунты, разумеется, не были первыми в истории страны, но почти всегда раньше явно или тайно за всяkim мятежом стояли аристократические кланы, даймё, самураи, преследовавшие свои интересы. Здесь же действительно стихийно действовал сам народ. Против любой фронды в старом феодальном духе немедленно направили бы армию, но не расстреливать же из пулемётов рыбачек с детьми, требующими пропитания!? Во всяком случае, в Стране Восходящего солнца до таких вершин прогресса ешё не дошли.

Ещё хуже было с мерами поддержки. Здесь, конечно, властям не повезло, что проблемой стал именно рис. Во-первых, люди здесь не могли и отказывались ждать – в самом деле, голодный желудок не терпит никаких задержек. Во-вторых, если с крупной промышленностью в лице дзайбацу был налажен диалог, и вполне можно было попросить временно чуть снизить цены, пока основная протестная волна не спадёт, то рисовая торговля, особенно итоговый сбыт, находилась в руках множества средних и мелких дельцов, с которыми договориться было никак нельзя. Оставались два варианта. Первый – директивно требовать снижения цен, на что правительство не пошло из страха показать таким образом слабость даже не столько перед мятежниками, сколько, в типично японском духе, слабость перед самой ситуацией – если бы цены всё равно не удалось бы сбить, то получалось бы, что власти не знают, что делать, а это совершенно недопустимая потеря лица. Второй – устраивать рисовые раздачи наиболее нуждающимся, но здесь был риск, затратив государственные средства, лишь пробудить новые аппетиты, не погасив, а подогрев натиск страдающих от дороговизны. Наконец, премьер и его команда сперва до последней крайности не замечали в своих международных играх всей значимости происходящего, а потом оказались в полной растерянности, если не прострации.

В итоге власти Страны Восходящего солнца попали в классическую ловушку полумер. Они оказались бессильны решить проблему, но сумели привлечь к ней всеобщее внимание страны, а перебор разных вариантов выглядел как непоследовательность и даже страх, попытки ухватиться за всякую соломинку. Кое-что было, в самом деле, откровенно глупым. В частности попытки сохранить некую секретность в тот момент, когда в акциях экспроприации зерна принимали участие десятки тысяч людей. Но вернёмся к хронологии. Решающим днём стало 10 августа, когда из портовых городков пламя перекинулось на один из крупнейших городов страны – древнюю столицу – Киото, причём там основной частью протестующих были уже промышленные рабочие. Толпы голодающих открыли рисовые лавки и стали делить рис. 11-12 августа начались многотысячные выступления городской бедноты в таких городах, как Осака, Кобэ, Нагоя, распространявшиеся затем на Токио и другие города. Реакцией на тщетные потуги полиции возвращать на склады разделённую восставшими собственность, стало то, что эти амбары стали просто жечь, ну а после перешли и на дома богачей.

К концу августа месяца могло показаться, что в стране началась революция: в той или иной форме бунты охватили 36 префектур, или две трети территории государства, общей численностью населения 10 миллионов человек, вообще и 144 города в частности! Теперь уже до 90 % участников рисовых бунтов являлись рабочими.

Будь в Японии даже не то что свои Ленин и РСДРП, а вообще любая социалистическая, или даже бонапартистская партия, готовая решительно взять на себя роль политического лидера – и весь прежний строй полетел бы к чертям. Даже император мог бы не удержаться. Масатакэ не нашёл ничего лучшего, чем активно привлечь к борьбе с повстанцами армию в своём стиле жесткости, решительности и напора. Но тут обнаружилось, что военным оказываются весьма упорное сопротивление, благо местные жители хорошо знали свои города и селения. Было по-прежнему неясно, что вообще происходит: заговор и мятеж неких злодеев – но и солдатам, и даже офицерам понятно, что это не так – хотя бы по той причине, что бунтовщиков слишком много. Гражданская война? Но ни одна из сторон не выдвигала ясно артикулированных политических требований. Война голодных с сытыми – да. И здесь был весьма серьёзный риск, что солдаты прислушаются к собственным животам больше, чем к чему-либо другому, и примкнут к борьбе голодных.

В сентябре 1918 старая государственность Японии повисла на волоске. Большинство мятежников почти наверняка сохраняли лояльность императорской династии, вот только как раз им-

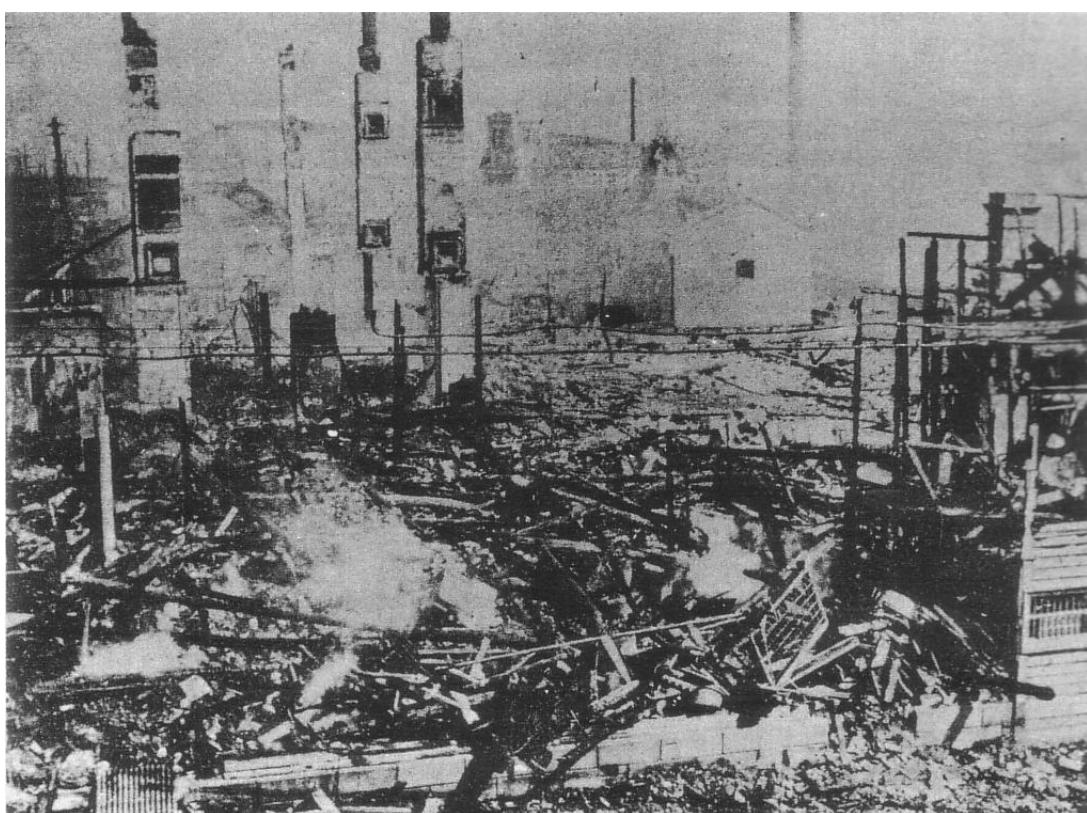

Рис. 5.3: Магазин «Сузуки Сётэн» в Кобе, принадлежавший одноимённой компании, уничтоженный бастующими. 12 августа 1918 года

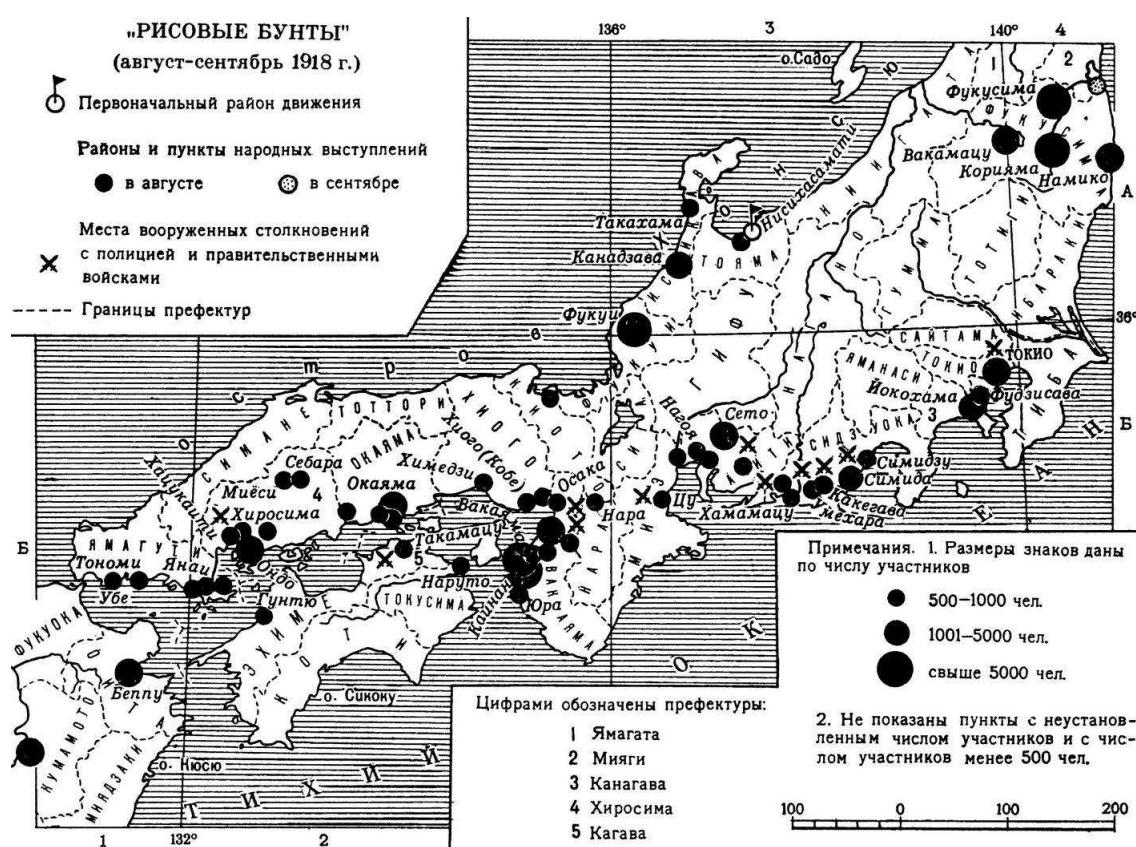

Рис. 5.4: Карта Рисовых бунтов

ператора, способного призвать страну к миру, не было – был больной Тайсё. Масатакэ утратил контроль над ситуацией. В дело экстренно вмешиваются Гэнро – к этому моменту их остаётся трое: Ямагата Аритомо, Мацукута Масаёси и Сайондзи Киммоти. Действуя в ручном режиме они должны были буквально за две-три недели погасить разверзшееся инферно кризиса, решив сложнейшую задачу, а именно восстановление полноценной связи, контакта между управляющими и управляемыми, доверия народа если даже не ко всей власти, то к какой-то части системы, используя которую можно будет начать переговоры, вбрасывать в массы те или иные предложения. При этом все традиционные центры силы отпадали. Император, сами Гэнро, бюрократия с устойчивым запахом пороха, идущим даже и от деловых костюмов – всё не то. Оставался лишь парламент. Маркиз Сайондзи экстренно проводит переговоры с лидером крупнейшей фракции а в прошлом журналистом и дипломатом Хара Такаси.

Рис. 5.5: Хара Такаси

Его партия Риккэн Сэйюкай, или Друзья конституционного правительства была куда теснее связана с капитанами дзайбацу, особенно с группой Мицуби, а не с рабочими и рыбаками, но особенного выбора не было. Сайондзи даёт партии и её лидеру карт-бланш, впервые в истории страны они получают возможность сформировать правительство парламентского большинства, не являющее ответственным министерством по букве закона, но фактически бывшее таковым и работающее в тесной связке с депутатами. Маркиз и остальные Гэнро ради этого даже ломают с хрустом карьеру и судьбу некогда весьма полезного Масатакэ – как уже было сказано, 29

сентября 1918 его убирают с поста премьера вместе со всей командой. Члены партии Риккэн Сэйюкай назначаются на должности всех министров, кроме министра по делам армии, министра по делам флота и министра иностранных дел. Партия получает поддержку и финансирование. В обмен на это нужно лишь одно – установление надёжного контакта хотя бы с частью тех, кто разносит полицейские участки и склады, возвращение их в легальный политический процесс и в дальнейшем борьба с протестными настроениями уже не одними только полицейскими дубинками, а партийно-политической пропагандой. Иными словами, Друзья конституционного правительства должны были, став первой в истории Страны Восходящего солнца правящей партией, создать какой-никакой социальный лифт помимо армии, а главное – отделить в народном движении буйных от конструктивных.

В общем и целом план удался. Крупные политические перемены смогли заставить часть ведущих борьбу масс поверить, что они одержали победу и теперь могут уже без риска и в рамках закона оказывать влияние на принимаемые наверху решения. С остальными же теперь не церемонились. Порядка 8000 человек, выявленных в качестве зачинщиков и лидеров, было арестовано. 7813 из них по итогам судебных заседаний были приговорены к разным срокам лишения свободы. Маркиз Сайондзи в 1920 году станет герцогом (или князем, или, по-японски косяку).

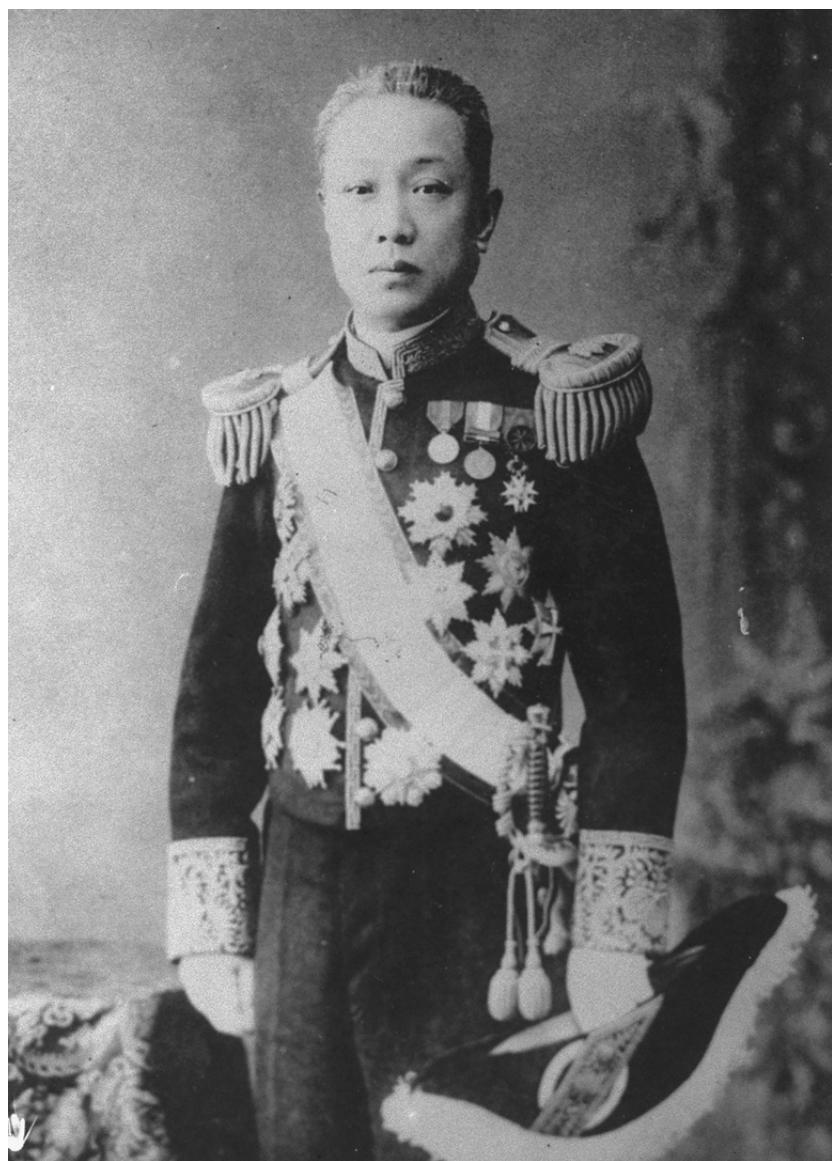

Рис. 5.6: Сайондзи Киммоти, герцог, гэнро и просто человек, очень много сделавший для Японии

Рисовые бунты окончатся. Японская империя устоит. Вот только в мире за то время, которое Япония была вынуждена сконцентрироваться на внутренней политике, многое успело изменить-

ся. В начале августа 1918 провалом окончилось последнее крупное немецкое наступление на Западном фронте – 2-я битва на Марне. С этого момента инициатива перешла в руки Антанты, что давало ей возможность куда эффективнее реализовывать имеющееся превосходство в силах и средствах. 8 августа уже они начали так называемое Стодневное наступление, в ходе которого немецкие армии были почти полностью вытеснены с захваченных территорий Франции и частично – Бельгии. Наконец, в ноябре 1918 в Германии начались революционные выступления. Сам фронт ещё не рухнул (хотя стратегически положение немцев было уже совершенно безнадёжным), но рухнуло всё, что было позади него. Отрёкся и бежал император Вильгельм II. 11 ноября 1918 было подписано завершившее Первую Мировую Компьенское перемирие. И только к этому же, примерно, времени, Японии удалось купировать последствия своего внутреннего кризиса.

Окончание Первой Мировой меняло всё. Оно меняло самые цели и смысл Интервенции в России: если прежде основной задачей было, как максимум, воссоздать при любой готовой на это пойти русской власти Восточный фронт, а как минимум не дать Центральным державам возможности воспользоваться ресурсами России для продолжения войны, то теперь речь шла о походе против Великой Русской революции, пока её последствия ещё не приобрели глобальный характер. Оно меняло положение Японии: если прежде малая степень реального её участия в боевых действиях была огромным плюсом, оставляла свободными руки, позволяла с минимальной оглядкой на позицию других держав действовать в Китае и на Дальнем Востоке, то теперь, когда настал черёд подведения итогов и дележа лежащего у их ног мира между победителями, она стала большим минусом. Наконец, пропало, причём разом для внешнего и внутреннего потребителя, оправдание всё большей милитаризации Империи Восходящего солнца.

За 1918 год японские войска добились в России довольно многого, но японская дипломатия, японское государственное руководство оказалось неспособно (в первую очередь из-за радикальных пертурбаций в системе власти, вызванных Рисовыми бунтами) даже частично закрепить и оформить эти успехи. Высадившиеся во Владивостоке части сумели предохранить от разложения, как от пропаганды русских агитаторов, так и от новостей из дома, так что все 72 000 были вполне боеспособными. Со строго военной точки зрения, как скоро убедились японские командиры, этого было вполне достаточно для завоевания всего Дальнего Востока, причём достаточно быстрого и лёгкого. Но действовать этим, наиболее rationalным способом было нельзя по политическим мотивам – и для русских, и для союзников по Антанте происходящее не должно было выглядеть как вторая Русско-японская война. В этом смысле японцы и в 1918 и далее действовали мудрее и осторожнее, чем, например, поляки во главе с Пилсудским, которые из-за этого едва не потеряли всё, в том числе и свежеобретённую независимость. Экспедиционный корпус Империи Восходящего солнца в итоге пришёл к следующей схеме – продвижение вперёд осуществляется силами готовых к сотрудничеству русских боевых отрядов, но сразу за ними следуют уже кадровые японские части, наводняющие и надёжно удерживающие взятый район. Схожим образом старались действовать и иные интервенты. Единственной проблемой в этом варианте было то, что японцы, в отличие от остальных, намеревались закрепить за собой большую часть контролируемых территорий, а раз так, то им следовало избегать установления там системы власти, ориентированной на какую-либо из крупных фракций в Гражданской войне в России, имевших виды на полную победу. В первую очередь, конечно, речь идёт о Колчаке. Автор предупреждает, что сейчас его может понести, но постараётся сдержаться, благо формат серии и объём статьи не позволяют особенно разойтись. Вкратце: из большого количества, благо единством они никогда не отличались, руководителей Белого и антибольшевистского движения Колчак – наиболее явная и наиболее значимая креатура внешних игроков, Антанты и, в первую голову, Британии. Свидетельств тому много – начиная от полуутвердивших, но весьма широко ходивших строк, вроде:

“Мундир английский,
Погон французский,
Табак японский,
Правитель омский”.

и вплоть до мест в воспоминаниях самих белых деятелей, в частности Деникина и других руководителей Добранарии, где весьма ясно видно, как активно, доводя едва не до шантажа, зарубежные “друзья” вынуждали его признать хоть номинально главенство адмирала.

Общеизвестный факт вполне официальный переход Колчака на службу королю Георгу V, несколько меньше определённости в том, как он взаимодействовал с американцами, однако к моменту его возвращения из-за границы в Россию через уже занятый интервентами Владивосток (к слову, в процессе побывал Колчак и в Японии, где даже имел встречу с начальником японского Генштаба генералом Ихарой и его помощником генералом Танакой, впрочем, оставшимися недовольными гостем), между главными странами Антанты уже существовал консенсус – это тот человек, который готов проводить устраивающую их политику и которому они в свою очередь готовы оказывать полную поддержку. Как частное лицо, Колчак едет через Сибирь – вроде бы как на Дон (хотя прямая связь к этому моменту уже отсутствует), опять же, вроде бы как, только на несколько дней останавливается в Омске. Было это 13 октября 1918. А уже 16 октября генерал Болдырев от имени Директории предложил Колчаку пост военного и морского министра. Вот просто так, потому что гладиолус – я напомню, что у адмирала нет никакого опыта командования сухопутными силами, он не является лидером или даже просто членом какой-либо партии, он вообще только недавно, повторю, возвратился на родину. Причём Колчак ещё сперва отказывается, выторговывая себе особые условия – и Директория принимает и их - 5 ноября 1918 года адмирал назначен военным и морским министром Временного Всероссийского Правительства. Но им Колчак пробудет недолго. 11 ноября 1918 оканчивается Первая мировая, а ровно неделю спустя лучший друг Британии и вообще Антанты Колчак совершает натуральный государственный переворот, свергает руководившую Сибирью Директорию и становится диктатором с наскоро придуманным титулом Верховного правителя России. Как всё это стало возможно? За счёт чего? Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять это.

Колчак, как было сказано выше, устраивал лидеров Антанты: Британию, США, Францию. Но только не Японию. Адмирал строил власть, хотя реально и зависимую от воли победителей Первой мировой, но, всё же, номинально суверенную. Японцам же был нужен тот, кто будет махать шашкой, не особенно задумываясь о будущем статусе того, что будет ею взято. И такой человек нашёлся – атаман Семёнов – человек лихой, амбициозный, но абсолютно не способный к политическим, а не сугубо военно-силовым методам руководства.

Под его руководством был сформирован так называемый Особый Маньчжурский Отряд, фактически превратившийся к середине 1918 в его личную банду. Эти силы и послужили интересам Империи Восходящего солнца. В наступлении на Читу в августе 1918 года ОМО Семёнова непосредственно поддержала Сводная бригада Японской императорской армии под командованием генерал-лейтенанта Фудзия. 6 сентября 1918 года объединенный авангард ОМО и японских войск вступил в Читу. Третья дивизия императорской армии после захвата Читы выделила из своего состава отряд генерал-майора Юхары для оккупации Амурской железной дороги, которая к 12 сентября была полностью очищена от красных и вообще от всех, кто мог сопротивляться японцам. К 20 сентября 1918 года отряд Фудзии был отозван из Забайкалья, но скоро сменён – охрану железной дороги взяли на себя подразделения Третьей дивизии императорской армии. Ещё позднее её сменила пятая дивизия генерала Судзуки.

Отношения с Колчаком у Семёнова, а главное у японцев были... противоречивые. Ещё при Директории атаман легализовался – приказом по Сибирской армии от 10 сентября 1918 года Семёнов был назначен командиром 5-го Приамурского армейского корпуса. Однако после переворота 18 ноября 1918 года он первоначально не признал Колчака Верховным правителем, за что приказом от 1 декабря того же года был снят с должности. 8 декабря Семёнов фактически без чьей-либо санкции создал под своим командованием Отдельную Восточно-Сибирскую армию в составе 1-го Отдельного Восточного казачьего, 5-го Приамурского и Туземного конного корпусов. Исполняющим должность начальника штаба армии был назначен полковник Л. В. Вериго. Разумеется, истинными инициаторами были японцы. Колчаку было во-первых не до Семёнова, а во-вторых тот, так или иначе, боролся с красными партизанами и повстанцами, так что в итоге политес был соблюден, Верховный правитель и атаман друг друга таки признали, но фактически Семёнов по-прежнему оставался сам по себе. Численность его "армии" к весне 1919 года составила от 8 до 10 тыс. человек, включая до 5 тыс. забайкальских казаков. Впрочем, её создание так и не было признано Колчаком, так что войско это оказалось на самопрокорме. 9 мая 1919 года третьим Войсковым кругом Семёнов избран войсковым атаманом Забайкальского казачьего войска.

Рис. 5.7: Атаман Семёнов

По соглашению с атаманами Амурским и Уссурийским он принял должность Походного атамана Забайкальцев, Амурцев и Уссурийцев со штабом на станции Даурия Забайкальской железной дороги, иными словами стала очевидной перспектива полного обособления контролируемой семёновцами зоны в отдельное квазигосударство. В этой ситуации Колчак счёл за лучшее опять сделать шаг навстречу: приказом Верховного правителя от 25 мая 1919 года № 136 Г. М. Семёнов был назначен командиром 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, в который по приказу Колчака № 470 была переформирована Отдельная Восточно-Сибирская армия. Корпуса, ранее в неё входившие, стали дивизиями. 18 июля 1919 Семёнов был назначен помощником главного начальника Приамурского края и помощником командующего войсками Приамурского военного округа с производством в генерал-майоры, 23 декабря — командующим войсками Иркутского, Забайкальского и Приамурского военных округов на правах главнокомандующего армиями с производством в генерал-лейтенанты. При этом все прекрасно понимали кто такие Семёнов и ряд других ему подобных лиц на самом деле. Ещё в октябре 1918 года помощник генерала Д. Л. Хорвата по военным вопросам генерал П. П. Иванов-Ринов телеграфировал начальнику штаба верховного главнокомандующего Сибирской армией:

«Положение на Дальнем Востоке таково: Хабаровск, Нижний Амур и железная дорога Хабаровск — Никольск заняты атаманом Калмыковым, которого поддерживают японцы, за что Калмыков предоставляет им расхищать неисчислимые ценности Хабаровска. Японцы в свою очередь предоставляют Калмыкову открыто разбойничать, именно: разграбить хабаровский банк, расстреливать всех, кого захочет, смешать и назначать начальников окружных управлений Хабаровска и осуществлять самую дикую диктатуру. Семёнов, поддерживающий также японцами, хотя и заявляет о своей лояльности в отношении командного состава и правительства, позволяет своим бандам также бесчинствовать в Забайкалье, именно: реквизировать наши продовольствен-

ные грузы, продавать их спекулянтам, а деньги делить между чинами отрядов».

Едва ли японские военные-кадровики могли действительно хорошо относиться к этому разбойнику, но использовали Семёнова по полной. Собственно, окончится путь атамана через много лет в 1945 арестом его в Манчжурии. Однако, оставим в стороне эту, конечно, примечательную персону и вернёмся к Империи Восходящего солнца. С одной стороны, к началу 1919 достигнуто было очень многое. И в отношении объема захваченного и в отношении лёгкости, с которой это было сделано. Но было и две серьёзные проблемы. Первая – во Владивостоке продолжали находиться войска других держав Антанты, а прежде всего США. Они и близко не имели того влияния, которое имели японцы, очень сильно уступали им численно, но вот избавиться от их присутствия, делающего все захваты с формальной точки зрения не собственно японскими, а общесоюзовыми, было решительно невозможно. Вторая – ни Колчак, ни какой-либо другой хоть немного легитимный и чем-то управляющий русский руководитель или орган не легализовал и не закрепил ни пяди дальневосточной и сибирской земли за Японией.

Всё вело к тому, что окончательное решение будет приниматься там, куда в это время съезжался и смотрел с надеждой или страхом весь Земной шар – на мирной конференции в Париже. Она началась 18 января 1919 года. Разумеется, была там представлена и Япония – и не просто представлена: сознавая важность стоящих перед представителем страны задач, во Францию был направлен ведущий из трёх Гэнро, человек, принимавший ключевые решения в период Рисовых бунтов – маркиз Сайондзи Киммоти. И не зря. Настал момент, когда старой китайской хитрости, карте формального участия Поднебесной в войне на стороне Антанты надлежало сыграть или не сыграть свою роль. Китайский представитель Гу Вэйцзюнь, имевший неплохой дипломатический опыт и связи – с 1915 по 1919 год он был послом Китая в США, поднял так называемый Шаньдунский вопрос. Он настаивал на том, что факт присоединения Китая к Антанте обязывает Японию передать пекинскому правительству полуостров Шаньдун, территорию, арендованную Германией и взятую в тот период, когда немцы ещё не были военными противниками Поднебесной. Впрочем, Циндао с окрестностями был лишь предлогом. Фактически же китайцы попытались торпедировать всю систему неравноправных договоров, а в первую очередь принятые ими 16 пунктов. Конечно, говорить, что Китай сыграл сколь либо заметную роль в победе Антанты в первой мировой было бы смехотворно, но, в общем то, Япония здесь не сильно отличалась от него. Весь вопрос был в том, даёт ли японцам тот факт, что их страна присоединилась к борьбе раньше, какие-либо преимущества при заключении мира по сравнению с Китаем. Гу Вэйцзюнь мог считать этот аргумент достаточно сильным, так как не кто-нибудь, а Соединённые Штаты, вступили в войну ближе к её завершению. Но... Реальная политика оказалась сильнее и высоких идей и слов, и международно-правовых установлений. Статья 156 Версальского договора гласила, что Германская империя отказывается от прав на Шаньдун не в пользу Китая, а в пользу Японии. Сохранили силу и 16 пунктов. Сайондзи смог отстоять то главное, что было основой национальных интересов Империи во внешней политике – завоевания и достижения в Поднебесной.

Но, судя по всему, потому что ни в каких договорах мы этого не найдём, а содержание частных бесед теперь уже точно не восстановишь, в обмен глава японской делегации пообещал, что каких-либо односторонних действий в России вне рамок общей политики победителей его страна предпринимать не будет.

Китайцы демонстративно отказались подписывать Версальский договор, заключив с Герmaniей сепаратный. В стране начались массовые выступления – многие тысячи людей негодовали из-за национального унижения. Японцы могли взирать на это свысока и не без чувства превосходства. Они не знали, что пройдёт совсем немного времени, и им будет суждено испытать всё то же самое и даже больше, но не в Париже, а в Вашингтоне. Но об этом – в следующий раз.

https://vk.com/wall-162479647_83473

Рис. 5.8: Подписание Версальского договора. Сайондзи Киммоти — крайний сидящий справа

Катехизис Катафиса

6. Глава 6

В очередной раз рад приветствовать своих читателей. Новый эпизод японской серии подоспел. В прошлый раз мы остановились на японском участии в Версальской конференции. Как мы помним, маркиз Сайондзи Киммоти сумел отстоять позиции Японии по ключевому для неё вопросу о Шаньдуне и в целом Китае. Статья 156 Версальского договора гласила, что Германская империя отказывается от прав на Шаньдун не в пользу Китая, а в пользу Японии. Сохранили силу и 16 пунктов, и вообще весь комплекс японо-китайских договорённостей. Судя по всему, во имя этого японцам пришлось согласиться на большую солидарность с общеантантовской линией в России – но о нашей стране мы ещё поговорим позже.

Пока же стоит взглянуть на Поднебесную и на то, как там отзывались перипетии Версаля. Сам Договор, как известно, был подписан 28 июня 1919. Но Китая среди подписавших не было – по существу имел место демонстративный бойкот, что не могло добавить очков Пекинскому правительству в глазах ведущих мировых держав. В сентябре 1919 года Китай просто объявил о прекращении состояния войны с Германией. Формальный же сепаратный мирный договор с Германией будет подписан только в 1921. Впрочем, куда важнее то, что произошло в связи со всем этим внутри Поднебесной. Мы помним о том, что единство страны носило иллюзорный, фиктивный характер – враждующие между собой клики были вынуждены изображать его, чтобы избежать пожирания страны по кускам (что легко могло случиться, объяви эти куски о независимости) разного рода империалистическими хищниками – в первую очередь, конечно, японцами, но не только ими. Единственным способом не оказаться съеденными, было оставаться чересчур большими, чтобы кто-бы то ни было мог проглотить и переварить без несварения и неприятных международных последствий со стороны конкурентов такой большой объём территории и населения. Но вот подсидеть друг друга, занять доминирующее положение, стать лицом страны, получая от этого все возможные плюшки, клики были готовы и даже очень. И доминировавшие (и то относительно) после смерти Юань Шикая Аньхойцы нипочём не стали бы злить сильных мира сего, приобретать репутацию недоговороспособных, а значит буквально заставлять внешних игроков сделать ставку на кого-то другого во внутренней игре. Нет, конечно, руководители клики не возражали бы, если бы уловка с “тоже воевавшим” в ПМВ Китаем смогла принести плоды и покончить с японскими привилегиями и притязаниями. Лидер Аньхойцев Дуань Цижуй хотя и считался японским ставленником и сторонником (это даже привело к тому, что ввиду интриг и под влиянием других держав – в частности США, опасавшихся его чрезмерной прояпонской, он был вынужден формально уйти в отставку с поста премьер-министра в конце 1918, хотя и сохранил определяющее влияние на дела), в действительности просто брал из той руки, которая была готова давать, и которая могла очень сильно ударить, если попытаться куснуть её.

Но, безусловно, ни он, ни другая, возвышающаяся в этот период политическая фигура – видный деятель Чжилийской клики и президент страны с августа 1917 по сентябрь 1918 Фэн Гочжан никогда не стали бы публично харкать в лицо собравшимся в Версале победителям, если бы у них оставался хоть какой то иной выбор. Его просто не было.

Итоги Версаля для страны (и, конечно, Великий Октябрь – про него тоже забывать не стоит) привели к тому, что Китай закипел. Впрочем, о так называемом “Движении 4 мая” стоит сказать несколько подробнее. Своё название оно получило по дате, когда впервые стало известно, что Шаньдунский вопрос Парижская мирная конференция собирается решить в пользу Японии, и антияпонская направленность сохранялась вплоть до конца его активного существования. Но в реальности цели и смысл Движения были гораздо шире. Синьхайская революция, помимо глубоких социально-экономических факторов, была вызвана тем, что Китай, продолжая на словах вплоть до конца правления императрицы Цыси кичиться своим древним величием, в действительности с середины XIX столетия шёл через почти непрерывную полосу поражений, причём, что особенно важно, поражений унизительных, указывающих на общую отсталость. Попытка традиционалистов и защитников старины восстать не только против врагов страны, но и против всего, что они несли, а фактически – против внешнего экономического проникновения и самого технического прогресса, отводившего старому Китаю роль периферии – выступление Ихэтуаней, окончилось полным крахом. Свержение Манчжурской династии и новое, республиканско устройство должны были вывести страну на путь всестороннего развития, а в реальности привели к её расколу. Но, что очень важно, этот раскол был не по какому-либо идеологическому принципу, не на основе глубоких социально-экономических различий. Клики были совершенно не похожи на красных и белых, или даже на северян и южан США (хотя в Китае тоже наблюдались некоторые различия – Юг в целом был несколько более развит и несколько более революционен), они группировались по принципу общности сослуживцев, землячеству, по факту уже почти клановому. Аньхоец или Чжилиец он скорее урождённый, чем убеждённый.

К началу 1919 года интеллектуалы Китая, а также та часть его экономических элит, которая не смогла присоединиться и получить гарантии безопасности ни от одной из крупных клик, не хотели больше жить по-старому. Отсутствие элементарной стабильности, милитаризация и внутренние войны, порождённые борьбой клик, вели к жесткому кризису и культуры, и экономики. И главное – ни одна из этих клик не смогла обеспечить уважение к Поднебесной и её нуждам на международной арене. Китайцы в Китае всегда и во всём, как и прежде, должны были тесниться перед иностранцами. Наиболее светлые головы хорошо понимали – с окончанием мировой войны, лишь только экономики реальных её участников перестроится на мирный лад, Поднебесную затопят иностранные товары, окончательно уничтожив всякие шансы приподняться национальному производителю, а рассчитываться за них будут долгосрочными ресурсными концессиями. Причём к власти в Пекине будет приводиться та из клик, которая создаст лучшие условия для зарубежного капитала. Стране требовался новый и масштабный виток модернизации. Все здоровые силы сошлись на этом. В то же самое время и по тем же причинам войн клик и внутренней раздробленности продолжало ухудшаться и положения рабочих и крестьянских масс, которые уже просто не могли выносить сложившееся положение. В некоторые регионы в 1919 уже стали приходить, реализуя механизм 16 пунктов, японцы, что вызывало и закономерные, и преувеличенные опасения их жителей. Большое количество простых китайцев стало смотреть на ситуацию таким образом, что правящие группировки как минимум бессильны их защитить, а как максимум находятся в говоре с Японией и другими заинтересованными странами.

В итоге сочетание недовольства низов и верхов, образованных и неграмотных рвануло с мощностью бомбы. До того, зачастую, те и другие действовали в рассинхроне. Теперь же... Началось всё 4 мая 1919 года в Пекине студенческой демонстрацией против решений Парижской конференции и против предательства национальных интересов Китая продажными деятелями Пекинского правительства.

В начале июня в активную борьбу включились рабочие вместе с широкими средними городскими слоями и мелкой буржуазией. Главный центр движения при этом переместился из Пекина в самый развитый город страны - Шанхай, где забастовали 50–70 тысяч рабочих, а также почти все торговцы. Ну а далее подключилось составлявшее подавляющее большинство населения

Рис. 6.1: Пекинских студентов, только что выпущенных из под ареста за участие в несанкционированных акциях, встречает толпа

крестьянство. Под Аньхойцами ощутимо закачалась земля. Внезапно все вспомнили, что продолжает существовать некогда отодвинутый от реальных рычагов управления Гоминьдан. В итоге Пекинское правительство предпочло заявить о непризнании Версальского мирного договора, т.е. сделать популярный, хотя и чреватый опасностями, шаг во внешней политике, а не во внутренней. И ведь и его оказалось недостаточно – в решительность и патриотизм правительства всё равно никто не верил, и пришлось снять с постов ряд наиболее скомпрометировавших себя государственных деятелей. В конечном счёте Движение 4 мая всё же угасло. Наиболее умным из его лидеров было ясно, что любые попытки в одностороннем порядке оспорить решения Антанты при тех возможностях, которыми реально обладает Китай, обречены на провал. Демонстрации и митинги в Поднебесной успешно игнорировались, а любые более решительные действия вели к автоматической и очень жесткой конфронтации с Японией, которую в этом случае поддержат все крупные игроки. Внутри же страны не обладающие оружием и не имеющие четкой и жесткой организационной структуры группы не могли противостоять по большей части состоящим из военных кликам, оснащённым разнообразным вооружением и готовым его применять. Экономически одолеть режим клик тоже не получилось, так как часть буржуазии всё же предпочла продолжить сотрудничество с ними, получая их протекцию в условиях городских выступлений.

Но кое-что всё же вышло. Прежде всего, Движение 4 мая обозначило поворот во взглядах китайской интеллигенции: массовую переориентацию с традиционной культуры на вестернизацию. В частности же это выражалось в том, что прекратились попытки поиска глобального “своего пути” – в Поднебесной ускоренно укоренялись и развивались европейские направления политической мысли. В том числе стремительно распространялись марксизм, национализм европейского, научного типа, общее понимание того, что такое демократия, парламентаризм и тому подобное. Если в 1912 году Республика, президент, выборы были непривычными жупелами, то теперь пре-

вращение всего этого из ширмы в реально действующий механизм стало целями борьбы для целого ряда политических сил, которые позднее и придут к власти в Поднебесной – обновлённого Гоминьдана, КПК и некоторых других. Во-вторых, в попытке продемонстрировать жесткость и силу, способность решать масштабные задачи, стоящие перед Китаем, Аньхойская клика инициировала силовое занятие территории Монголии и лишение её автономии. На оперативно-тактическом уровне всё прошло достаточно легко – и китайские, и монгольские солдаты были плохо обучены и ещё хуже управлялись, но китайцы имели решающее превосходство в технике и вооружении. На дипломатическом фронте всё тоже прошло очень легко. Формально Монголия и так продолжала быть частью Китая. Некогда игравшая первую скрипку в делах региона Российская империя перестала существовать, а больше сохранность Кяхтинского соглашения 1915 года никто гарантировать и обеспечивать не собирался. Но стратегически вроде бы как успешная операция была крупной ошибкой. Если до 1919 о независимости в Монголии мечтала лишь довольно узкая прослойка верхов, то после прихода китайских солдат в качестве грабителей и агрессоров положение изменилось. Что ещё более важно, элиты упразднённой автономии не видя для себя перспектив, стали готовы пойти на союз с любыми, даже потенциально опасными силами. В итоге проход через Монголию частей Азиатской дивизии барона Унгерна в 1920, изначально имевший целью нанести удар в тыл красных в районе Бурятии, завершился установлением союза между свергнутым Богдо-ханом и русскими, по инициативе первого. В свою очередь этот альянс сумел выдворить китайские войска из окончательно обретшей уже полную независимость страны. Так же Монголия оказалась тем самым вовлечена в общую орбиту Гражданской войны в России. К ней мы скоро и перейдём, добавив в китайской картине ещё один штрих.

Ещё одним и очень важным следствием Движения 4 мая стало ослабление Аньхойской клики в конкурентной борьбе. Играющая роль правительства, она получала и все шишки. Очень многие были недовольны тем положением, в котором находился Китай, при этом другие клики с удовольствием способствовали обращению народного гнева в правильном направлении. Прежде всего, Дуань Цижуй, не имевший с 10 октября 1918 никакой формальной должности, кроме своего генеральского звания, хотя и провёл в том же октябре 1918 своего кандидата в президенты – Сюй Шичана, начал постепенно терять влияние. На президента довольно активно давили и в какой-то момент он позволил себе весьма серьёзно подвести патрона. Тот, используя японские кредиты и союзнические военные поставки, за 1917-1918 год усилил верные лично ему войска Аньхойцев, и удар по Монголии, который наносился именно ими, должен был послужить ещё и акцией устрашения и пробой сил. В некотором роде получилось слишком хорошо – ранее колебавшаяся Фэнтяньская клика, базирующаяся на Манчжурию, перепугалась так сильно, что решительно переметнулась на сторону Чжилийцев – основных противников Дуань Цижуя. Тот приготовился действовать. И именно в этот момент президент под давлением политических противников (в виде блефа ссылавшихся ещё и на волю стран Антанты) отстраняет от дел генерала Сюй Шучженя, главу монгольской экспедиции, ближайшего сподвижника лидера Аньхойцев. Незадолго до решающего столкновения Дуань Цижуй потерял лицо из-за действий слабосильных, и потому опасных союзников в лице президента и его команды, что сказалось и на боевом духе войск, и на намерениях неопределившихся командиров и группировок. Так или иначе, генералы Сюй и Дуань осудили действия Чжилийцев и Фэнтяньцев, к тому времени уже открыто и явно игнорировавших волю и требования прежних хозяев страны, и приготовились к войне. В начале июля 1920 года Аньхойская клика собрала 5 дивизий и 4 соединённые бригады и сформировала Армию национальной стабилизации. Главнокомандующим был назначен Дуань Цижуй. Чжилийская клика и союзники собрали одну дивизию и девять соединённых бригад и сформировали Армию подавления предателей, главнокомандующим передовой её части был назначен генерал У Пэйфу.

Уже здесь можно наблюдать во многом сборный характер антианьхойских сил. В сочетании с тем, что уже первые удары, нанесённые 14 июля 1920 года аньхойской армией сразу на двух фронтах, заставили её врагов отступить, победа Дуань Цижуя виделась куда более вероятной. Так же оценивали ситуацию и японцы, а, кроме того, противники из клик Чжили и Фэнтянь в целом относились к Стране Восходящего солнца с куда большей опаской и скепсисом. Всё это, плюс затаённая надежда, что в лице лидера Аньхойской клики они получат, наконец, после его

Рис. 6.2: У Пэйфу — один из наиболее талантливых военачальников эры клик в Китае

победы, человека, который сможет консолидировать Китай и целиком и без изъятий заставить его придерживаться достигнутых между странами договорённостей, привело к тому, что Япония пошла на открытую поддержку Дуаня. Разумеется, скромную, но символически очень важную. Через два дня после начала боёв, уже с помощью японских войск аньхойская армия заняла ещё ряд населённых пунктов, ранее контролировавшихся её противниками. Но на этом наступление аньхойских сил остановилось.

Совершенно неожиданно 17 июля У Пэйфу лично командуя западным фронтом Чжилийской армии, совершил дерзкий обход с фланга аньхойских сил и смог занять штаб-квартиру западного фронта врага. Результатом стало взятие в плен аньхойского главнокомандующего Цюй Тунфэна и многих офицеров, включая командующего Первой дивизией, что привело к нарушению командования и дезорганизации сил аньхойцев. Захватив Чжочжоу, У преследовал отступающую аньхойскую армию до самого Пекина. В процессе, как нетрудно догадаться, отход при слабом контроле командования, обратился в бегство. За исключением Пятнадцатой дивизии, весь западный фронт аньхойцев был разбит. Параллельно Фэнтяньская армия на вспомогательном направлении атаковала аньхойский восточный фронт. Узнав о прорыве линии западного фронта, командир восточного фронта, начальник штаба Сюй Шучжэн попросту струсил, сбежал в Пекин, оставив свои войска сдаваться чжили-фэнтяньской армии, что вскоре и произошло. Уже 19 июля Дуань Цижуй понял, что битва проиграна, и устранился от руководства Аньхойской кликой. 23 июля объединённые силы Чжили и Фэнтяня вошли в Пекин, после чего Аньхойская клика признала поражение и сдалась. Глобально это привело к тому, что наиболее сильный из лидеров, потенциально способный консолидировать в своих руках всю полноту власти во всех регионах страны, на долгое время выбыл из игры. Ослабивший и изматывавший Китай режим борющихся клик сохранился. При этом наиболее успешно сотрудничавший с японцами человек, на которого в итоге открыто и гласно была сделана ставка, проиграл, и теперь Стране Восходящего солнца предстояло иметь дело с людьми, настроенными по отношению к ней гораздо хуже. Конечно, они

не могли ни отменить 16 пунктов, ни радикально изменить роль и положение Японии в делах Поднебесной, но вот всячески ставить палки в колёса – это сколько угодно. Реализация конечных целей Страны Восходящего солнца в Китае опять сдвигалась по времени – и это очень серьёзно аукнется ей в ходе Вашингтонской конференции.

Иначе, но тоже достаточно неожиданно и драматично, развивались для японцев события в России.

Как мы помним, японская армия смогла достаточно легко занять обширные территории от Приморья и до Читы включительно, к началу 1919 года и количественно, и качественно японские войска были гораздо сильнее любых других на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. Были найдены готовые сотрудничать коллаборанты, вроде Семёнова, равно индифферентные к стратегическим целям красных и белых в Гражданской войне, не имеющие особых политических амбиций, при условии, что патронат японцев позволит им предаваться разгулу и грабежам. Постепенно развернулось и форсированное экономическое проникновение Японии на захваченные земли. Как правило, японцы действовали законным образом: они задешево скупали у собственников земельные участки, заводы и предприятия, пользуясь тем, что экономические связи с центром страны были разорваны, перипетии Гражданской войны резко повышали нестабильность и риски (особенно в случае победы большевиков), что в совокупности резко обесценивало прежде весьма выгодные активы и заставляло владельцев искать возможность поскорее продать их. Но в ряде случаев поданные императора Тайсё действовали и иными, куда более жесткими методами. Все лучшие рыболовные участки на тихоокеанском побережье были явочным порядком захвачены японскими рыбопромышленниками.

За многие материалы и продукты японцы, конечно, в первую очередь военные, вообще отказывались платить, просто их реквизирия. Массового террора не было, но любые подозрительные без церемоний и колебаний устраивались. Охотно солдаты Империи Восходящего солнца и грабили. Здесь примером послужит выдержка из Меморандума временного правительства — Приморской областной земской управы советнику японской дипломатической миссии в Сибири (март 1920 года): «1. 5. 18 января с. г. Василий Иванченко на разъезде Краевском арестован японским отрядом и расстрелян. 6. В июле 1919 г. японским отрядом отобрано имущество, принадлежавшее крестьянину д. Архангеловки, Успенской волости, Иманского уезда, Тарасу Коваленко, на 250 тыс. руб. 7. 8 февраля с. г. японским гарнизоном расстрелян в Черниговке, Никольск-Уссурийского уезда, ни в чем неповинный русский гр. Опанасенко. 9. 25 февраля с.г. японскими войсками убиты и расстреляны следующие лица: около разъезда Гедике ремонтный рабочий Федор Дворняк, на ст. Вяземской рабочий Иван Безкровный и путевой сторож 608 версты Гордей Цибунский с женой и двумя детьми....».

Действия интервентов вызвали сопротивление местного населения: только в Приамурье весной 1919 года действовало 20 партизанских отрядов, насчитывавших (по японским оценкам) 25 тысяч бойцов. Это означало, что надёжный контроль может сохраняться только при массовом присутствии армейских сил Японии. А вот с этим как раз были проблемы. Единственным поводом для сохранения фактической оккупации были решения объединённой межсоюзнической комиссии Антанты об интервенции, принятые ещё в ходе Первой Мировой. Теперь война окончилась. Существовало пользующееся поддержкой союзников (а по факту ими и поставленное) правительство Колчака - и вот у него в глубоком тылу, вне боевого контакта с красными, да и с кем-либо вообще, кроме партизан, находилась армия в 72 000 человек, не желавшая передавать в его руки административную власть и явным образом действующая не в его пользу, а сугубо исходя из собственных интересов. При этом строго формально Приморье продолжало относиться к Колчакии, что порой приводило к неприятным для одной и унизительной для другой стороны инцидентам, когда распоряжения Верховного Правителя, не соответствующие их видению и планам, отменялись японцами.

Империя Восходящего солнца легко могла бы безо всяких эквиоков установить режим оккупации и отделаться от Колчака и всех прочих, если бы кроме её войск на очерченной выше территории не было других антантовских контингетов. Но они были - гораздо более слабые, но заставляющие японцев увязывать все свои действия с общесоюзнической повесткой. И с ними поделать было нельзя ничего - их нельзя было атаковать, нельзя было вытеснить, нельзя купить

или принудить к сотрудничеству. В итоге в случае победы в Гражданской войне Колчака, японцам пришлось бы просто уйти вместе с остальными. Конечно, они получили бы экономический доступ к российским ресурсам - на Колчака ставили и помогали ему не для того, чтобы он повёл подлинно самостоятельную экономическую политику, но строго на равных основаниях с прочими интересантами. Прямая же конкуренция с товарами и капиталами США в Приморье... Одним словом, особенно выигрышным такое развитие событий в Токио счёсть никак не могли.

Много выгоднее была бы затяжка Гражданской войны, такая ситуация, при которой тот же Колчак сам, нуждаясь в помощи японцев - чисто военной, или в форме поставок снаряжения и материалов, в той или иной форме одобрил бы их пребывание в России, оформил его двусторонним межгосударственным договором, что отвязало бы Японию от Антантовской упряжки, переведя ситуацию на рельсы, близкие к тем, по которым она катилась в Китае. Частично этот план уже работал - Верховный Правитель был вынужден подписать ряд договоров о предоставлении японцам концессий, но на большее он пока не шёл. Японцы, чтобы не дразнить гусей в лице США и остальных, не напирали, полагая, что время и шансы у них ещё есть. И тут...

В октябре 1919 года было остановлено самое опасное, по существу – единственное действительно угрожавшее существованию Советской России, наступление белых сил – удар ВСЮР Деникина на Москву. Не место и не время распространяться на тему, почему так случилось – суть в том, что с этого момента в Гражданской войне в России наступил окончательный перелом. Белые силы как потерпели крах в попытке овладеть столицей, так и не смогли соединиться летом 1919, несмотря на кратковременное падение стратегически важного Царицына, который большевикам удалось оперативно отбить, так что РККА сохранила возможность манёвра силами против разных фронтов и их концентрации. Малочисленность, растянутость коммуникаций, угроза обхода и окружения в районе Орла-Брянска наиболее боеспособных частей ВСЮР заставила Деникина предпринять зимой 1919-1920 стремительное отступление с целью сократить фронт и приблизить его к социально-экономической базе движения на Кубани. Белой армии в общем и целом удалось избежать прямого военного разгрома, но объём оставленной и перешедшей в руки красных территории с населением и промышленными предприятиями, а были отданы такие города, как Харьков, Киев, города Донбасса, Ростов-на-Дону, сделал положение белых стратегически безнадёжно проигранным, что и продемонстрирует уже 1920-й.

Но это - Европейская Россия. В Сибири же гораздо менее даровитый в военном отношении Колчак уже в ноябре 1919 получил фатальный удар, заставивший его начать так называемый Великий Сибирский Ледяной Поход (Да, только и именно так, Всё С Большой Буквы!), а по факту стремительное отступление, граничащее с бегством, на восток. 4 ноября 1919 - сразу после того, как стабилизировалось положение в боях с ВСЮР и появилась возможность впервые за долгое время подбросить подкрепления Восточному фронту, 3-я (командующий М.С. Матиясевич) и 5-я (командующий М.Н. Тухачевский) армии РККА переходят в наступление, начиная Омскую операцию.

5-я армия РККА наступала вдоль Транссиба, а 3-я армия вдоль железной дороги Ишим – Омск. Одновременно 59-я стрелковая дивизия и 13-я кавалерийская дивизия красных развернули наступление на Кокчетав и Атбасар против войск атамана Дутова. А уже 13 ноября из Омска выехали пять поездов, составлявших личный штаб Верховного Правителя адмирала Колчака, один из них с золотым запасом. Назначенный 4 ноября главнокомандующим К.В. Сахаров, который должен был организовать оборону столицы колчаковского государства, со своим штабом выехал из Омска на восток 14 ноября.

После фактического драпа командования боевой дух колчаковцев был подорван: в ночь с 13 на 14 ноября 1919 года 242-й Волжский стрелковый полк РККА скрытно переправился по льду на восточный берег Иртыша, красноармейцы без единого выстрела заняли ж/д станцию Омск, здания вокзала и к утру попросту разоружили 7000 белых солдат и офицеров, находившихся в эшелонах. Утром 14 ноября ими был взят в плен белогвардейский генерал Римский-Корсаков, прибывший на место службы - ему просто оказалось уже нечем командовать. Красные войска почти не встречая сопротивления подошли непосредственно к Омску и 15 ноября без боя заняли город. В целом взятие Омска было настолько неожиданным, что колчаковские учреждения были захвачены при нормальном режиме работы.

Рис. 6.3: Командарм Матиясевич

2-я и 3-я армия белых отступили к Новониколаевску и Томску. 14 декабря пал Новониколаевск (ныне Новосибирск). После взятия Новониколаевска сопротивление белых вдоль Транссиба было практически парализовано, через 10 дней они сдали красным важнейшие административные центры: Томск (без боя), Кузнецк, Мариинск и Красноярск. Держава Верховного Правителя сжималась, как шагреневая кожа. Колчак утратил полезность для тех, кто его двигал, кто на него ставил, и кто с ним проиграл. Свою роль сыграли и попытки адмирала сохранить контроль над золотым запасом и другими ценностями. Едва ли стоит удивляться тому, что Колчак в итоге был арестован и выдан чехословаками – т.е. явно не без ведома контролировавших их ведущих держав Антанты.

Любопытно, что в последний момент “тонущего” адмирала попытались перехватить японцы: акт передачи арестованного Верховного правителя был составлен 15 января в 21:55, а утром того же дня командующий японскими войсками Иркутска полковник Фукуда, узнав о прибытии в город поезда с Колчаком, обратился к Яну Сыровому - командиру чехословаков с просьбой передать пленника под охрану японского батальона, на что получил ответ, что Колчак уже выдан повстанцам. Зачем Японии был нужен всё потерявший Колчак? Причина одна - сохраняя статус Верховного Правителя, он ещё мог легитимизировать японские захваты, причём, оказавшись в полностью зависимом от добной воли Фукуды и его командиров положении, почти наверняка сделал бы это почти без торга. Можно себе представить, как кусали локти в Токио, когда сообразили, что опоздали буквально на несколько часов!

Разгром Колчака в конце 1919 — начале 1920 года стал рубежным моментом. С этого времени страны Антанты уже не рассчитывали на уничтожение Советской России и крах большевизма в краткосрочной перспективе. Было ясно, что без радикального увеличения своей собственной вовлеченности в конфликт, белое дело его зарубежным друзьям уже не спасти. Для всех, кроме японцев, после этого интервенция потеряла смысл, став просто затратной, небезопасной и политически неудобной в силу роста влияния левых движений и партий. Можно ещё было вывезти кое-какие ресурсы и ценности, но глобально ловить в России стало нечего. США и другие державы были вынуждены начать вывод войск. Американцы в основном произвели его в январе-марте 1920, завершив его к апрелю (впрочем, американские корабли оставались во Владивостоке до 1922 года), до июля 1920 вывели свои войска как непосредственно с территории РСФСР, так и из Закавказья, Англия и доминионы Британской империи.

Однако численность японских войск не только не упала, но продолжала увеличиваться. Наступал момент истины - с одной стороны непосредственно на месте не осталось никого, кто мог бы сдержать японцев, или помешать им, с другой очень скоро державы Антанты начнут настоятельно интересоваться, что именно задерживает силы Империи Восходящего солнца в России.

Существовало две возможности. Первая - всё же добиться подписания комплекса документов, который узаконил бы как минимум пребывание японских войск, а как максимум давал бы Японии вещественные и закреплённые юридически права и привилегии. Но кто мог бы это сделать?

С точки зрения формальных полномочий в Белом движении наступил полный бардак. Колчак, ещё будучи облечённым властью, декларировал, что в случае тяжкой болезни или смерти Верховного Правителя, а также на случай отказа его от звания Верховного Правителя или долговременного его отсутствия, полномочия высшей власти будут переданы Главнокомандующему Вооружёнными силами на Юге России генерал-лейтенанту Деникину. 24-го июня 1919 Деникин был назначен заместителем Главкома вооруженных сил. Впрочем, всё это было скорее способом подсластить командиру ВСЮР пилюлю формального подчинения Колчаку, тем более, что реальной связи и единства действий между Сибирским и Южным очагом Белого движения так никогда и не возникло. Непосредственно перед низложением - за 10 дней до него, 4 января 1920 года Колчак издал в Нижнеудинске указ, которым «ввиду предрешения...» вопроса о передаче верховной всероссийской власти Главнокомандующему Вооружёнными силами на Юге России генерал-лейтенанту Деникину, впредь до получения его указаний, в целях сохранения на нашей Российской Восточной Окраине оплота государственности на началах неразрывного единства со всей Россией» предоставлял «всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной Окраины, объединённой российской верховной властью», генерал-лейтенанту Г. М. Семёнову. И понимайте это как знаете! Нельзя исключать, что такое вот возвышение Семёнова было попыткой заручиться поддержкой Японии, с которой он был тесно связан, но своевременно всё проделать ни той, ни другой заинтересованной стороне не удалось. В довершении всего, так и не приняв на себя полномочий Верховного Правителя (а в реальности плевав на них) Деникин 4 апреля 1920 уходит с поста командира ВСЮР. На итог у японцев оставался Семёнов - вполне верный, готовый подписать любые бумаги, но и большевикам, и Антанте, и даже заявившему место Деникина Врангелю ничего не стоило при желании дезавуировать в дальнейшем любые его решения.

Второй же возможностью было вступление в бой со стремительно приближавшимися силами большевиков. Само по себе свержение большевизма интересовало Японию образца 1919-1920 постольку поскольку. Тем более, что Гражданская война уже практически окончилась - к концу марта 1920, разбитые на Кубани, части ВСЮР начали процесс эвакуации в Крым и концентрации там. Большая часть исторической России контролировалась Советским правительством, что возрождало все прежние сложности, о которых мы писали раньше применительно к возможности новой Русско-японской войны и того, почему в самой Японии этот вариант всерьёз не рассматривался. Было совершенно непонятно, как нанести красным такого масштаба поражение, чтобы они оказались вынужденны прекратить борьбу и принять навязываемые японцами условия. Нет, Японии была совершенно не нужна большая война против РСФСР - нужна была такая, которая не позволит РККА дойти до Тихого океана, а главное - не позволит США и другим странам Антанты обвинять Японию в захватнических планах. Какие захваты? Только борьба с большевистской заразой. Но здесь было две проблемы. Первая - чересчур выдающееся в глубину Сибири расположение передовых японских сил. Если прежде, когда кроме партизан никто им не угрожал, это было нормально и даже выгодно, то теперь ситуация переменилась. Красные вполне могли отрезать находящиеся в Прибайкалье японские части от линий снабжения, окружить и уничтожить их. Построить же плотный многокилометровый фронт в этой части Сибири было невероятно трудно и дорого. Нужно было отойти. Но как? Сам по себе отход уже был в известной мере потерей лица. И, что важнее, ни в коем случае нельзя было создавать впечатления "кооперативной игры тайных договорённостей с большевиками".

И вот в этот момент появляется 6 апреля 1920 Дальневосточная Республика - совершенно гениальный ход советской дипломатии. Формально не являющееся ни большевистским, ни даже советским государство, со всеми атрибутами парламентской демократии, независимое по всем формальным же критериям от Москвы, оно резко увеличивало поле для манёвра и для РСФСР, и для Токио. Японцам создание ДВР дало возможность приобрести партнёра для переговоров, причём такого, отношения с которым никак не регулировались и не регламентировались решениями Антанты и положениями Версаля, позволило вновь, как бы борясь с большевиками, иметь

между ними и собою буфер, как при Колчаке, наконец, надежду со временем добиться превращения временного в долгосрочное - созданная сугубо "под задачу" ДВР, тем не менее, юридически вывела из состава РСФСР Дальний Восток и Приморье, чем можно было со временем воспользоваться. Благо у Японии уже был опыт превращения некогда вассальной Китаю Кореи сперва в своего вассала, а затем - и в свою колонию. Для Советского правительства ДВР давала возможность избежать прямых и серьёзных военных столкновений с Японией, окончательно добить у них под носом своих врагов в Сибири, параллельно решая ключевые военные задачи в Европе - в Крыму и в Польше. Ну а в конечном счёте обвести японцев вокруг пальца, ликвидировав ДВР в тот момент, когда она утратит свою полезность. В целом это чем-то напоминает современные ДНР и ЛНР и вообще практику прокси войн и прокси переговоров, только вот РСФСР и ДВР действовали гораздо решительнее и умелее, чем нынешние российские власти.

Рис. 6.4: Герб ДВР

Ну а теперь по хронологии. 6 апреля 1920 ДВР появляется как ещё по сути своей виртуальное образование - оно не контролирует и 10% территории, на которую претендует. Для конспирации реально задействуются несоветские элементы в управлеченческих кадрах менее приоритетных министерств и ведомств. Несколько затягивается и процедура признания - Советская Россия официально признала ДВР 14 мая 1920 года, в то же время предоставив ей с самого начала финансовую, дипломатическую, кадровую, хозяйственную и военную помощь. Это позволило Москве контролировать внутреннюю и внешнюю политику ДВР и создать Народно-революционную армию (НРА) на базе красных дивизий. И в этот же день, 14-го, командующий японскими войсками на Дальнем Востоке генерал Юи Мицуэ объявил о согласии вести переговоры с ДВР.

Рис. 6.5: Генерал Юи Мицуэ

24 мая на станции Гонгота начались официальные переговоры ДВР и японского командования. Как предварительное условие было принято, что «НРА и экспедиционные силы японской империи не вели и не ведут войну, случаи столкновения, вызванные взаимным непониманием, должны рассматриваться как печальные недоразумения». Первоначально японцы решили, так сказать, взять на испуг и предложили создать западнее Читы нейтральную зону, которая бы отделила части НРА от японских и семёновских войск.

ДВР ответила весьма решительно, предъявив ещё более неисполнимые требования:

Перемирие на всех фронтах, включая партизанские,

Отказ японцев от поддержки атамана Семёнова,

Эвакуация японцев с территории ДВР (т.е. полное очищение Дальнего Востока и Приморья, на которые она претендовала).

Причём ход со стороны ДВР в целом был сильнее. Понятно, что никто и не подумал бы принимать её условия и уходить, но японцы должны были придумать и официально огласить повод, по которому они остаются. В конечном счете, японцы отказались от эвакуации войск, ссылаясь на угрозу Кореи и Маньчжурии, потребовали признать Семёнова за равноправную сторону при переговорах об объединении дальневосточных областных властей, и стремились ограничиться лишь соглашением с ДВР, чтобы разгромить восточно-забайкальских партизан. В начале июня переговоры прервались из-за отказа делегации ДВР признать экстренно созданное при японской поддержке «правительство Российской Восточной окраины» как равноправную сторону на будущих переговорах об объединении областных правительств. В целом ДВР тянула время - летом 1920 в самом разгаре была Советско-Польская война, в которой наметился к июлю стратегический перелом - наступавшие поляки были разгромлены, фронт покатился к Варшаве. Японцы же попытались сепаратным образом достигнуть договорённостей с угрожавшими их тылам партизанами: в результате переговоров на разъезде Алеур 2 июля было заключено перемирие между японскими войсками и партизанскими силами в районе правого берега реки Шилка, а 10 июля — для левого берега. Наконец, 3 июля японское командование опубликовало декларацию об эвакуации своих войск из Забайкалья, приглашая ДВР к возобновлению переговоров об условиях этого процесса. 10 июля делегации сторон вновь встретились на станции Гонгота. 16 июля стороны обменялись нотами, в которых, идя на уступки японцам, ДВР брала на себя обязательство, что «буферное государство не положит коммунизм в основу своей социальной системы», что не допустит на свою территорию советские войска и, что особенно важно, гарантирует «в сфере своего влияния личную неприкосновенность японских граждан и уважение прав» - в том числе и прав на приобретённую в ходе оккупации собственность. 17 июля было подписано соглашение о нейтральной зоне от станции Гонгота до станции Сохондо с границей по меридиану 113 градусов 30 минут восточной долготы. 25 июля 1920 года началась эвакуация японских войск из Забайкалья, окончившаяся 15 октября.

За это время успела фактически окончиться Советско-польская - хотя официально мир будет заключен 18 марта 1921, реально боевые действия в основном завершились к октябрю 1920. Не сумев сломить поляков и пробиться к бурлящим Германии и Венгрии, руководство РСФСР сконцентрировалось на решении проблемы оставшихся последствий Гражданской на территории России. В ноябре 1920 будет успешно проштурмован Крым. И параллельно на Дальнем Востоке сразу же после ухода японцев был атакован оставшийся без их протекции Семёнов. Под давлением превосходящих сил Народно-революционной армии ДВР 22 октября 1920 года семёновцы оставили Читу и отступили из Забайкалья, причём не в Приморье к японцам, а в Маньчжурию - ещё одно явное следствие соглашения. Самому Семёнову пришлось спасаться из Читы на аэроплане, причём фактически он бросил при этом армию, которая с этого времени почти перестала подчиняться резко утратившему авторитет командиру, окончательно превратившись в банду. Победа над белыми была достигнута.

Тем не менее, к концу 1920 японцы ощущали себя в Приморье весьма уверенно. С чисто военной точки зрения Япония имела крупные и уже не висящие в воздухе, а имеющие крепкий и оборудованный тыл, не столь далеко располагающиеся и от домашних баз силы, готовые отразить удар как частей НРА Дальневосточной Республики – полностью, с перспективой перейти в контрнаступление, так и РККА – вплоть до прибытия подкреплений. Для международного прикрытия

своих действий существовал совершенно марионеточный, хотя и не очень респектабельный, из-за чего его в конечном итоге было решено слить, режим Семёнова и его головорезов, а главное – перспективы дальнейших переговоров с ДВР, её постепенного отдаления от РСФСР. За счёт чего? За счёт включения в неё областей, где сохранялся преимущественно японский контроль над экономическими активами, имелась готовая исполнять волю азиатских хозяев прослойка элиты – ну и конечно, на своём месте оставалась армия. С дозволения Японии после того, как окончательный крах потерпел Семёнов, на состоявшейся в Чите 28 октября – 11 ноября 1920 конференции представители трёх областных правительства (Забайкальской, Амурской, Приморской областей /в том числе, Камчатка и Чукотка/) законодательно оформили объединение в рамках Дальневосточной республики. Теперь доля японского в ней сравнялась с долей российско-советского, и Империя Восходящего солнца рассчитывала, что с течением времени – только дайте срок, она получит перевес и возьмёт верх.

Вот только времени этого у Японии не оказалось. Дипломатия РСФСР более точно просчитала общую международную ситуацию. Ключевой ошибкой Японии было то, что она полагала все последствия Первой мировой окончательно урегулированными в ходе Парижской конференции и оформленной не подлежащими пересмотру положениями Версаля. Кроме того, вывод войск всех прочих союзников из России и образование нового субъекта международного права – ДВР, по которому в рамках Антанты не было (да и быть не могло) никаких соглашений, переводил русскую политику Японии в удобное для неё русло совершенно независимых отношений. Да и вообще с концом войны Япония переставала быть частью каких-либо объединений и блоков, кроме Англо-японского союза, тем самым могла проводить независимую политическую линию, ни на кого более не оглядываясь.

Всё это оказалось опасными заблуждениями. За 1914–1920 годы Япония приобрела очень многое, а главное – поразительно малой ценой. И это вызывало зависть и опасения у ряда других игроков, ключевым из которых были Соединённые Штаты. Американцев интересовали два вопроса – экономическая выгода и безопасность. Выгодным для Штатов, имевших могучую промышленность и державших после ПМВ в должностях половину мира, было создание максимально широкой и стабильной зоны свободной торговли. В идеале таможенные барьеры, протекционистские тарифы и прочие ограничения должны были быть уничтожены по всему Земному шару. США – пока ещё в мягкой форме, начинают подрывать прежнюю экономическую систему, где ключевой линией отношений были отношения метрополия-колонии. И, в любом случае, американцы совершенно не были намерены упускать такой огромный рынок, как Китай. В конце 1920 они выступили инициаторами создания международного банковского консорциума в Китае, где первую скрипку играл, разумеется, американский капитал. В целом США, господствуя во всех отношениях в Центральной и Латинской Америке, владея Филиппинами, намеревались сделать Тихий океан своей вотчиной.

И – здесь мы переходим к вопросу безопасности – единственной страной в регионе, обладающей крупным военным флотом, была Япония. Причём она этот флот последовательно и быстро усиливала. Если уставшие от войны европейцы неуклонно снижали военные расходы, то Страна Восходящего солнца их наращивала. Ко всему на Японию было очень сложно нажать мягко: её нельзя было шантажировать долгами – по той простой причине, что долгов не было, невозможно было угрожать и вложенным в американские корпорации капиталам – они тоже отсутствовали. Тем не менее, японцам постарались намекнуть на то, что чрезмерно быстрое и активное усиление без одобрения и консультаций с США может привести её к неприятным последствиям. В 1920 году США вводят дискриминационные в отношении выходцев из Японии иммиграционные законы – явный недружественный и привлекающий внимание жест. В Токио, конечно же, его заметили, поворчали, но, в общем и целом, ничего не предприняли. И вот тогда тучи стали сгущаться очень быстро. Весьма вероятно, что последней каплей стала чрезвычайно активная политика Японии в России – вопреки, достигнутым, судя по всему, негласным договорённостям с маркизом Сайондзи в Париже. 14 декабря 1920 сенатор Бора внес в Конгресс США предложение о созыве конференции по ограничению морских вооружений. 24 февраля 1921 это предложение было включено в виде поправки к морскому биллю, принятому Конгрессом. Параллельно в феврале 1921 канадский премьер Мейген выдвинул предложение о заключении договора четырёх держав (США,

Великобритании, Японии и Франции) взамен англо-японского союзного договора.

Рис. 6.6: Артур Мэйген — премьер-министр Канады. Лично лояльный к метрополии, был вынужден предпринимать шаги, с целью несколько унять своих политических противников, утверждающих, что Англия слишком мало делает для Канады и её безопасности

План Мейгена обсуждался на Британской имперской конференции летом 1921. Наконец, 5 июля 1921, сразу после конференции, английский министр иностранных дел лорд Керзон в переговорах с послом США Харвеем предложил включить дальневосточные и тихоокеанские вопросы в повестку дня проектируемой конференции, тем самым согласившись с американским проектом. Фактически уже в этот момент Британия "сдала" своего союзника и судьба Японии была по большей части решена. 10 июля 1921 государственный секретарь США Юз сделал публичное заявление с предложением созвать конференцию в Вашингтоне. Державам было послано официальное приглашение от имени правительства США.

Рис. 6.7: Лорд Керзон

В Японии отнеслись к конференции отрицательно, сознавая, что сам её формат не сулит японцам ничего хорошего. О ней даже высказывались порой в таком ключе, что "Японию привлекают к суду англо-американского трибунала". Изначально японцы попросту попытались добиться её отмены, выступая в том духе, что для решения планируемых вопросов нет необходимости организовывать некую масштабную коллегию, поневоле вызывающую ассоциацию с Парижской конференцией. По флотам предлагалось отдельно от других государств и проблем договориться тем, кто их имел – США, Англии и Японии. Ранее же рассмотренные вопросы – в частности по Китаю, японцы вновь поднимать не хотели. Все попытки как-либо откорректировать состав, статус и повестку конференции были решительно пресечены американской дипломатией.

В то же время угрозу и в целом значимость события считали куда меньшими, чем у Парижской конференции. Япония была по-прежнему убеждена, что теперь могут происходить лишь небольшие изменения в уже начертанном плане построенного миропорядка. Это отношение ясно видно и по составу делегации Империи Восходящего солнца. В Версале договор от её имени подписывал человек, облеченный, вероятно, наибольшей реальной властью в Японии, один из трёх остававшихся гэнро, выражавший их коллективную волю, человек больших личных дарований и опыта. В Вашингтон же поехал, помимо сугубо вспомогательных кадров, лишь морской министр Като Томосабуро.

Рис. 6.8: Като Томосабуро

Некогда бывший начальником штаба великого Того – в том числе во время Цусимского сражения, это был храбрый и толковый моряк, но ни дипломатией, ни вообще политикой он никогда прежде не занимался – иными словами, те, кто его направлял, полагали, что конференция в самом деле в первую очередь будет посвящена морским вооружениям – вопросу, прежде не затронутому в Версале – только в отношении побеждённых стран и ограничения их вооружённых сил в целом. Кроме Като в числе руководителей японской делегации был Кидзюро Сидэхара – профессиональный дипломат, однако, лишь в 1919 году назначенный послом в Соединённые Штаты и не имевший там особенного влияния и связей. Ни министра иностранных дел, ни премьера Хара Такаси, ни, тем более, кого-то из гэнро. В итоге Япония явно не вполне готовой сделала шаг в пасть звёздно-полосатому тигру. Шаг к страшному поражению и чудовищному унижению.

Но прежде, чем мы пойдём дальше, нужно сказать несколько слов о позиции англичан и о том, почему они пошли на фактический, а потом и формальный разрыв союза, который так долго и успешно объединял две островные державы. Чтобы это понять, надо сперва в ретроспек-

Рис. 6.9: Кидзюро Сидэхара в годы работы в Соединённых Штатах

тиве взглянуть на то, зачем же этот альянс понадобился Британской империи изначально. Для этого вернёмся в середину XIX столетия – золотой век Англии, Викторианскую эпоху. Величие британцев базировалось на трёх китах.

Первый – промышленная мощь. Мастерская мира была таковой всю первую половину века, но с 1850-х всё более ощутимыми становились возможности конкурентов. Британия могла многое – но только не ограничить искусственно развитие производительных сил в масштабах всей Европы и Северной Америки. Сперва США и Франция, а затем США и Германия весьма активно покушались на английское первенство, при этом имея ряд весомых преимуществ. У Штатов – громадный внутренний рынок, изобилие ресурсов и сырья, равномерный рост потребления по мере заселения Дикого Запада. У Германии – активная и толковая роль государства в экономике, очень квалифицированная и образованная, но более дешевая, чем в Англии, рабочая сила, тесная связка промышленности с наукой. Британия активно и деятельно боролась, но постепенно её доля в мировом производстве неуклонно сокращалась, и в Лондоне понимали, что глобально с этим ничего поделать нельзя – только сократить темпы и цифры.

Второй кит – финансовое могущество. Фунт стерлинга был самой твёрдой валютой мира, Лондонский Сити – крупнейшим финансовым центром. Здесь позиции империи оставались непоколебимыми до самой мировой войны, но в первую очередь, благо ещё не существовало огромного самовоспроизводящегося сектора виртуальных денег, это было возможным благодаря тому, что Англия была и оставалась центром мирового товарообмена.

В свою очередь это было так виду наличия третьего кита – крупнейшего на свете флота, как военного, так и торгового. Британия не зря носила звание Владычицы морей. Она имела безоговорочно мощнейшие ВМС в наиболее “освоенном” океане – Атлантическом, тратя на это огромные средства, но успешно окупая расходы. Флот Канала и Средиземноморская эскадра были готовы блокировать по необходимости любой европейский порт. США до конца 1880-х не имели сильно-го флота. Индийский океан вовсе был практически внутренним для англичан – ни одна другая великкая морская держава не имела там серьёзных баз и сил. Только французы завладели в итоге Мадагаскаром и Джибути, но это, во-первых случилось только под самый конец века, во-вторых, так и не привело к созданию сколь либо серьёзной военно-морской инфраструктуры в регионе. Но оставался ещё Тихий океан (Северный ледовитый по понятным причинам можно не рассматривать). У Британии и там были весьма удачно расположенные и хорошо оборудованные пункты базирования: Сингапур, Гонконг, в меньшей степени Сидней. Но вот флотов на плотный контроль самого большого и, как назло, самого отдалённого от берегов Альбиона океана уже не хватало. До постройки Суэцкого канала силы в регионе и вовсе были мизерными.

Меж тем к середине 1850-х удобный выход в Тихий океан получили две основных страны-противника Британии. В 1848 году в ходе американо-мексиканской войны его приобрёл основной экономический соперник – США. В 1858 и 1860 годах по Айгуньскому и Пекинскому договорам получает Приморье главный военный противник – Российская империя. Наиболее дальновидные умы в Англии понимают – да, сейчас и у русских, и у американцев сильного флота в Тихом океане нет. Но он неизбежно появится рано или поздно. Через 15-20, пусть 25 лет, но он будет. А для Англии это по-прежнему будет обратная сторона Земли, периферия. И даже если империя и сможет выслать туда значительные силы без угрозы оголения и ослабления своих позиций в

других двух океанах, всё равно этих сил окажется недостаточно для противостояния двум таким могущественным противникам сразу. Требовалось иное решение. Требовался союзник, равно враждебный и русским и американским притязаниям, которые могут возникнуть в регионе. Но вот беда – нет такого союзника. Франция, завладевшая Индокитаем (Вьетнам, Лаос) – конкурент Британии и не станет ей помогать за просто так, да и в принципе у неё нет никаких оснований ввязываться в конфликт с США или Россией. Испания чувствует угрозу со стороны Штатов своим колониальным владениям, но не станет искать ссоры с русскими. Ни одно из государств Южной Америки не подходит – они тоже не захотят, не смогут и не станут сдерживать Россию. Китай враждебен Англии и очень ею ослаблен. И вообще сознательно усиливать Поднебесную... это может плохо закончиться. Остальные государства, имеющие выход в Тихий океан, слишком дикие и слабые. Или нет? Япония в 1860-е вступает на путь обновления и реформ, она достаточно густо населена и очень выгодно географически расположена. Она охватывает российские владения, имеющие выход к морю, при этом, находясь на островах, защищена от атаки сухопутных сил, конечно, при наличии достаточно сильного флота. С США сложнее – японцы всё же далековато, чтобы служить полноценным сдерживающим фактором. С другой стороны, Штаты тоже не смогут им особенно угрожать, при этом вовсе не учитывать Японию у них не получится.

И Британия начинает реализацию грандиозного политического плана: она сознательно расставит себе союзника. Это вообще было совершенно нетипично для британской дипломатической традиции – не временный ситуативный альянс, в основе которого ловкость посланников, деньги и некая общая угроза, не клиент-сателлит, готовый покорно исполнять волю патрона, но почти равноправный партнёр со своими интересами, которые чем дальше, тем больше нужно будет учитывать. Формальный союз возникнет только в 1902, но фактически англичане начнут опекать Японию гораздо раньше. Они строят и в организационном, и в фактическом смысле флот Страны Восходящего солнца, они помогают ускоренному преобразованию производства и общественной жизни. Влияние их очень велико – и даже японские школьницы получат костюмчики, в основе которых лежит униформа британских матросов 1880-х.

Дерзкий проект себя полностью оправдывает. Япония становится действенным фактором против российской экспансии, а в конечном счёте в ходе Русско-японской войны её практически останавливает. С США дела обстояли сложнее. Испано-американская война показала резкий рост и военно-морской силы Штатов и их притязаний. У англичан не было ни особенного желания вытягивать совершенно деградировавшую в военном отношении Испанию, ни реальной возможности это сделать. Ну а с начала XX века внимание Лондона всё больше поглощает противоборство с Берлином. В итоге выходит, что военно-морское давление на США с двух океанов, с двух огромных фронтов – Королевским флотом из Атлантики и японскими силами с Тихого океана, так никогда и не реализуется, даже в виде угрозы, возможности. Свою роль сыграла и слишком маленькая дистанция между Русско-японской и Первой мировой. Сперва японцы никак не могли затевать конфликт, чреватый тяжёлой войной с новым противником, а потом полностью заняты борьбой с Центральными державами оказались уже британцы. Вообще США в Первую мировую идеально реализовала стратегию сидящей на горе мудрой обезьяны, глядящей, как внизу дерутся тигры. К концу ПМВ и особенно после краха Восточного фронта Антанта оказалась полностью зависима от воли Вашингтона.

Можно было бы думать, что уже после победы ситуация изменится, но... Были иные, невоенные факторы. Первый - долги - английское правительство имело долг перед США в размере 4,5 миллиардов долларов. И исключительно от доброй воли Вашингтона зависело как именно и в какой срок Лондон будет расплачиваться. Во вторых за время Первой мировой именно США сделались впервые за добрых два века потеснив Англию, лидером по торговому морскому тоннажу и объёму перевозок. Резко прибавил и военный флот, хотя и уступающий пока Гранд Флиту, но, после гибели немецкого флота Открытого моря, второй по силе в мире. И главное – американские темпы постройки и спуска были примерно равны английским и даже несколько превосходили их. В период с августа 1914 и до начала Вашингтонской конференции в США было введено в строй 13 новых дредноутов, а в Британии – 12. Причём в 1921 Штаты заложили рекордную серию из сразу 6 новых линкоров, готовность которых к моменту окончания конференции составит примерно 30%, а сроком достройки всей серии должен был стать 1923 год.

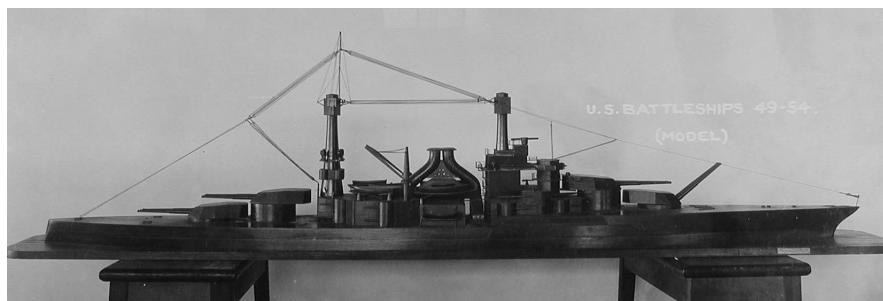

Рис. 6.10: Макет одного из недостроенных линкоров

В свою очередь Британия пока ещё только обсуждала и готовила проекты новых, пусть и очень мощных, линейных крейсеров и дредноутов. При этом, если возможности верфей и в целом военно-морской промышленности США и Альбиона были сопоставимы, то удельный вес расходов и в целом финансовая состоятельность стран очень сильно отличалась. Британия жела-ла передышки, люди слышать больше не хотели о новых военных расходах, а здесь налицо был риск начать новую дредноутную гонку, да как бы не более напряжённую и тяжёлую, чем гонка с Германией. Причём все помнили, конечно, что это состязание в числе прочих факторов сыгра-ло видную роль в прокладывании дороги к войне. Огромная часть элит, надеющихся на приток американских капиталов, скорее дала бы себя прилюдно выпороть, чем испортить отношения с Америкой. В массах крепло влияние лейбористов, важным программным пунктом которых была антивоенная тема.

Впрочем, кроме долгов и риска новой дредноутной гонки было и ещё кое-что. Война силь-но увеличила степень экономической независимости колоний от метрополии, показала, до какой степени вторая нуждается в первых. Никогда прежде Британия так активно не пользовалась войсками, происходившими не из Альбиона. Новозеландцы и австралийцы сражались на пля-жах Галиполи, канадцытонули в грязи Фландрии, и теперь чувствовали себя вправе на свою – и именно свою, долю в плодах победы. Созданные для того, что в зародыше подавить угрозу сепаратизма в рамках империи (и справлявшиеся с этой задачей в мирное время) после войны правительства Доминионов стали сами всё сильнее проявлять его. Некогда формально имевши-ся полномочия стали наполняться реальным содержанием. Вообще, объективно говоря, очень сложно сказать, что было бы большим злом для Британии – то, что произошло в реальности, или неучастие страны в Первой Мировой вообще. Опасаясь конкуренции с германской промышлен-ностью, к 1921 англичане вчистую проиграли её промышленности штатовской. Экономические связи не только граничащей с США Канады, но и весьма удалённой Австралии со страной под звёздно-полосатым флагом стали примерно равны связям со страной под Юнион Джеком. Мало того, если немцы всё же вызывали бы неприятие чуждой культурой, иным языком, то в амери-канцах тем же жителям Канады сложно было не признать пусть и давненько пошедшей своим путём, но родни.

Наконец, совершенно другим было отношение имевших выход к Тихому океану доминионов к японской экспансии. И Канада, и Австралия были крайне малонаселёнными, а потому мысль о том, что у испытывающей жесткую потребность в жизненном пространстве Японии появится флот, более сильный, чем всё, что англичане, или даже американцы смогут держать в тихооке-анских портах, приводила их в трепет.

Одним словом, масса факторов толкала англичан к некоему компромиссу с американцами, благо они сами его предлагали. Соглашение по морским вооружениям и уничтожение англо-японского союза гарантировало мир, возможность изрядно сэкономить на вооружениях, а главное закрепляла соотношение флотов США и Британии как 1 к 1. Попытки же бороться за прежний статус и безусловное, единоличное первенство могли привести к потере и того, что уже было. Ну а полновесная война и вовсе была чревата массой рисков – от внутреннего восстания истощенного войнами населения и до резкого толчка вперёд пока ещё только намеченной США темы права народов на самоопределение и деколонизации.

И всё же выбор для Англии был крайне неоднозначным. 1921 год – одна из важных развилок

мировой истории. Согласившись на условия Вашингтона, англичане по сути гарантировали своему имперскому величию тихую старость и почётную смерть. Если США вполне были готовы к экспансии чисто экономическими методами, силами доллара и Форда, то для Британии единственной возможностью сохранить свои позиции была опора на силу – чисто военную, обилие ресурсов, широту охвата станций и баз. Кроме того, империя была бы не одна – те же японцы до последнего надеялись в ходе конференции на старый союз и сохраняли ему верность. А после – не простили измены. Я убеждён – и это один из выводов данной серии, что если бы не Вашингтонская конференция, не разрыв англо-японского союза, не унижение, которое испытали японцы, они никогда не оказались бы в следующей мировой войне в числе врагов Британии и в одной лодке с Германией и Италией. А возможно Вторая Мировая вообще не началась бы, потому что корни политики умиротворения для англичан именно здесь в готовности сдать союзника (как потом сдадут Чехословакию) и стратегические цели во имя пусть немалой, но всё же тактической выгоды.

Подробности хода Вашингтонской конференции, отголоски её решений в японской внутренней политике и судьба флотских программ Страны Восходящего солнца в условиях принятых ограничений – в следующей части.

https://vk.com/wall-162479647_83571

7. Глава 7

В прошлой части мы дошли до одного из поворотных пунктов в судьбе Японии – Вашингтонской конференции 1921-1922 годов, достаточно подробно поговорили о внешнеполитических и внутриполитических раскладах в Империи Восходящего солнца, обозначили первоначальное отношение к международному форуму бывших союзников и перечислили состав японской делегации. Наконец, мы порассуждали на тему отношения Британии к своему японскому союзнику, причинах, которые побудили англичан “сдаться” японцев, а также последствиях этого шага.

Теперь же настало время плотно взяться непосредственно за Конференцию – её ход и итоги. Но прежде стоит затронуть весьма важный вопрос: почему Япония, вполне сознающая, что в Вашингтоне будут приниматься невыгодные для неё решения, и сомневающаяся только в степени их невыгодности (весьма сильно последнюю недооценивая), не могла просто отказаться от участия в ней? В первую очередь, конечно, причина в неведении – если бы в Токио заранее знали, насколько серьёзными будут потери по итогам Конференции, то никогда не стали бы официально направлять туда делегацию. Во вторых, сыграл свою роль опыт Парижской конференции, которая, с одной стороны, прошла для Империи Восходящего солнца вполне успешно, а с другой продемонстрировала прецедент китайского демарша, которым Поднебесная не только ничего не добилась, но ухудшила своё положение. Наконец, Конференция была весьма умело обставлена американской дипломатией. Официально она дополняла Версаль, с целью упрочить мир в не слишком затронутом положениями итогового документа Парижской конференции Азиатско-Тихоокеанском регионе. Венцом же должно было стать подписание договора о так называемой Дальневосточной, или Тихоокеанской Антанте – союзе сколь широком, столь и виртуальном, недейственном. Формой союзнического участия даже в случае прямой агрессии против другого члена альянса были, как прямо будет сказано в тексте подписанного 13 декабря 1921 договора – к слову, первого принятого документа Конференции, были “взаимные консультации”. Решительно никаких конкретных обязательств. Но демонстративный отказ от участия в Вашингтонской конференции, а значит и в проектируемой Дальневосточной Антанте был равносителен тому, чтобы самому себе на лбу написать крупными красными буквами “Я – агрессор”.

Штаты позаботились о том, чтобы создать колossalную щумиху в прессе перед началом переговоров. Вообще Конференция должна была стать беспрецедентно открытой – в существенно большей степени, чем даже Парижская. Любая неточность и нечёткость в дипломатических шагах могла немедленно стать достоянием буквально всего мира, пожелай того дирижёры происходящего – американцы. Не говоря уже о том, что в принципе в японской традиции потеря лица – недопустимая вещь, это создавало бы предпосылки для того, чтобы все те, кто не желал иметь дело напрямую с японской дипломатией, в частности китайцы, могли попытаться перевести

прежние двусторонние договорённости в область международной дискуссии, потому что они были заключены под давлением страны, которая теперь саботирует всеобщее движение к прочному миру... Япония была вполне обоснованно уверена, что Китай попытается использовать любую возможность, чтобы освободиться из её удушающих объятий, а потому считала более правильным заранее все эти возможность исключить через диалог с великими державами – в первую очередь США, так же заинтересованными в делах Поднебесной. Ну не понимал никто в Токио, что диалог просто не состоится, а будет диктат! Во многом потому, что, всё же, на Конференцию, как ей казалось, Япония идёт не одна, а с весьма мощным союзником.

Впрочем, определённые ветры уже витали в японском воздухе. По мере приближения Конференции всё больше жителей Японских островов могли бы, повторяя слова героев известной серии фильмов, сказать: “У меня очень нехорошее предчувствие”. Эти веяния дошли и до уровня относительных низов японского общества, достигли они и людей, от природы имевших неустойчивую психику. Одним из них, судя по всему, был и Коничи Накаока – скромный железнодорожный служащий, стрелочник, 19 лет отроду, а ещё – убийца премьер-министра Японии Хара Такаси.

Рис. 7.1: Коничи Накаока

В некоторых справочниках можно прочитать, что причиной совершения преступления было недовольство ходом Вашингтонской конференции. Это очевидно неверно – достаточно элементарного знания хронологии, чтобы понять – Накаока зарезал ножом свою жертву 4 ноября 1921, в то время как Вашингтонская конференция началась лишь 12 числа того же месяца. Опять таки, иногда можно видеть фразы вроде “убийство было совершено правым радикалом”. Это верно и неверно одновременно. Накаока никогда не был членом какой-либо политической партии или организации, не имел ясно выраженной идеологической позиции. Фактически молодой парень находился под влиянием своего непосредственного начальника, пожилого работника ж/д станции Токио, Эйдзёро Хасимото, тоже не разу не политика, а просто ворчливого старика, который мог часами рассуждать на тему, общее направление которой вполне сводится к “раньше трава была зеленее”, только с некоторым политическим подтекстом. Убивать кого бы то ни было Хасимото тоже не приказывал. Одним словом, это и близко не похоже на заговор правых террористов, который рисует воображение, и которые будут иметь место в истории Японии позднее. Правыми токийские железнодорожники могут быть названы только по той причине, что вещи, вызывавшие особое недовольство Хасимото, в основном соответствовали правой повестке: партийный кабинет, как уступка после Рисовых бунтов, перемены в культурной жизни и даже всё большая эмансипация женщин. Ну а Вашингтонская конференция была лишь “последней кап-

лей". Наиболее интересно здесь иное — факт, что к началу ноября 1921 даже железнодорожный стрелочник понимал, что Японию в столице Соединённых Штатов не ждёт ничего хорошего.

О том, насколько Накаока был в действительности политически безграмотен, свидетельствует то, что на допросе в полиции убийца в качестве главной причины своего деяния заявил, что Такаси нарушил конституцию, но когда эти обвинения перешли в конкретную плоскость, то выяснилось, что перечисленные Накаокой эпизоды вполне соответствовали правилам и нормам основного закона Империи. И, тем не менее, ему хватило этого и рассказов старика, чтобы вогнать нож в спину премьер-министра. Ещё одним свидетельством психической нестабильности Накаоки можно считать то, что когда он вышел из тюрьмы по амнистии 13 лет спустя, в 1934, уже в совершенно другой Японии, он отправился в Манчжурию, где... в 1937 обратился в ислам под влиянием татар, мигрировавших ранее из Советской России! Каких только зигзагов не выделяют человеческие судьбы!

Как бы там ни было, но в самый неподходящий момент — прямо на старте Конференции в Японии произошёл правительственный кризис. Если бы и правда существовал заговор, то, быть может, это было бы полбеды — имелись бы люди, которые знали бы о том, что готовится, и могли бы продумать некую программу действий. В действительности гибель Такаси стала для всех полной неожиданностью. ИО премьера временно был назначен министр иностранных дел Итида Косай, исполнявший эти обязанности до 13 ноября.

Рис. 7.2: Итида Косай

И неизвестно даже что хуже — то, как убийство прежнего главы кабинета сказалось на его работе, или то, как оно сказалось на японской дипломатии, главе которой приходилось с полной отдачей заниматься совершенно другими вещами. Новым премьер-министром стал Такахаси Корэкиё. Опытный и талантливый финансист и хозяйственник, бывший в 1911–1913 годах главой национального банка, а после пятикратно в разное время возглавлявший министерство финансов Японии, он очень хорошо проявил себя в годы Великой Депрессии, но в конце осени 1921 это был явно не лучший выбор. Корэкиё не имел никогда дела ни с дипломатической, ни с военной сферами, что в условиях идущей Конференции было большим минусом. Фактически премьер с характерным прозвищем Колобок получил кресло в первую очередь как новый глава партии Риккэн Сэйюкай, в прежней логике партийного кабинета.

А в Вашингтоне тем временем наметился первый страшный удар. Формально стран-участниц было 14: США, Великобритания, Япония, Франция, Италия, Китай, Бельгия, Нидерланды и Португалия, а также отдельно пять британских доминионов. Но реально все переговоры велись Большой тройкой — американцы, британцы и японцы. И уже на первых заседаниях этого неформального коллектива обозначилась неготовность Великобритании действовать как настоящий

Рис. 7.3: Итида Косай

союзник Японии. Что ещё хуже, сделалось ясно, что ещё до начала Конференции и вообще без японцев, США и Британия уже достигли договорённостей по принципиальным вопросам, которые теперь предполагают только претворить в жизнь, при минимальной корректировке. Когда 13 декабря был подписан договор о Тихоокеанской Антанте, предполагавший признание ничтожными всех ранее заключенных союзов, теоретически японцы и англичане могли бы продолжать действовать сообща и без юридически обязывающих на это документов. И Страна Восходящего солнца хотела бы этого. Но Лондон уже сделал стратегический выбор в пользу Америки. Во всех дальнейших переговорах Япония была предоставлена сама себе и должна была действовать в одиночку против единого фронта всех тех стран, которые были реально заинтересованы в Конференции: Штатов, Великобритании с доминионами и Китая. Последней попыткой переиграть уже проигранную партию здесь была идея всё же придать некий реальный импульс Дальневосточной Антанте, где Англия и Япония могли бы сохранять союз и совместно оказывать влияние на США и их позицию. Но было уже поздно.

Далее события развивались по нарастающей – от плохого к ещё худшему. Началось обсуждение принятого в итоге 6 февраля 1922 года наиболее известного документа Конференции – Вашингтонского морского соглашения.

О том, почему Британия пошла на ограничения морских вооружений – совершенно невиданный для неё шаг, просто непредставимый в XIX столетии, мы поговорили в прошлой части. Франция и Италия были объективно серьёзно истощены войной, так что были бы вполне рады паузе в военно-морском строительстве при том условии, что процесс будет обоюдным и к нему присоединяться и другие. Для США вопрос был в первую очередь средством достижения политического компромисса с Великобританией и давления на всех остальных, и главным образом – Японию. Примечательно, что альтернатива задавалась очень жестко – или Соглашение, или немедленное начало дредноутной гонки вооружений, где неминуемо скажется общее экономическое превосходство США. Для Японии вопрос о флоте тоже был важен не столько сам по себе: ни Китай, ни Советская Россия и близко не обладали ВМС, способными угрожать Японским островам, а другие страны, вроде бы как, пока как противники не рассматривались, хотя конкуренция с флотом США началась уже с середины 1910-х, сколько политически. Это был вопрос о готовности подчиняться.

Очень важно понимать, что Вашингтонское Морское соглашение было составлено как бы из двух частей. Первая, более известная – абсолютные ограничения типов судов по тоннажу. 35000 тонн для линкора, 21000 – для авианосца, 10000 – для любого другого типа надводного корабля, кроме военно-транспортного. Фактически в качестве крайних были взяты размерения

крупнейших существующих кораблей. Стандартное водоизмещение британских дредноутов Куин Элизабет – 29 200 тонн, американских типа Колорадо - 32693 тонны, японских типа Нагато - 34 273,2 тонны. Т.е. действительно предлагалось взять паузу, сохранить достигнутый уровень. Правда здесь был свой нюанс, невыгодный для Японии. В нормальной ситуации, по мере увеличения тоннажа и в целом величины новых дредноутов оставалось бы всё меньше верфей, которые могли бы их строить – буквально по паре штук даже в самых развитых морских государствах. Меньший тоннаж существенно увеличивал их число. Если верфи Кобэ и Куре были на самом высоком мировом уровне, то других, способных хоть как-то строить линкоры, в Японии просто не было. В Соединённых Штатах же и Великобритании, как нетрудно догадаться, дела обстояли иначе. В итоге при одновременном старте в случае конфликта мощные судостроительные производства британцев, и, что особенно важно, американцев, могли начать строить дредноуты гораздо более быстрыми темпами и в больших количествах, нежели японские. Стоит добавить, что сохранилась эта проблема и позднее: уже годы спустя после заключения Соглашения, Япония вынужденно пыталась реализовывать концепцию “меньше (в смысле количества), да лучше”, которую в полной мере она попыталась воплотить в проекте линкоров Ямато.

Но кроме ограничений тоннажа по типам было и ещё кое-что. Вторая часть Соглашения устанавливала документально закреплённые соотношения силы флотов ведущих стран Земного шара. Для Британии и США оно предполагалось равным, а для всех остальных – по нисходящей и выглядело следующим образом:

США и Британская империя (включая доминионы) 525 000 тонн максимального тоннажа, или 3

Япония 315 000 тонн максимального тоннажа, или 1,75

Франция и Италия 175 000 тонн максимального тоннажа, или 1

Для достижения заданных цифр необходимо было как вывести из состава флотов действующие корабли, так и отказаться от строительства новых. По странам утилизировались:

США 30 дредноутов, из которых 17 действующих и 13 строящихся

Британская империя 23 дредноута, из которых 19 действующих и 4 строящихся

Япония 16 дредноутов, из которых 10 действующих и 6 строящихся

Казалось бы, примерно равные условия, но есть немало нюансов. Во-первых, родоначальники дредноутов англичане и лишь немного отставшие от них американцы начали строить линкоры нового типа первыми, так что у них объективно имелось к 1922 довольно много устаревших кораблей. Япония активно включилась в процесс много позже, практически все её корабли были достаточно современными и с небольшими сроками службы. В случае и так, без всякого Соглашения, предполагавшихся в скором будущем списаний, японцы смогли бы существенно приблизиться к своим конкурентам, благо темпы закладки новых судов почти выровнялись. Резкое превосходство США с их 13 судами на стапелях во многом видимость. 6 из них относились к линейным крейсерам типа Лексингтон, чей проект был признан многими экспертами неудачным уже на стадии закладки, так как почти не учитывал опыта Ютландского сражения, исходя из воззрений адмирала Фишера в чистом их виде. Иными словами, броня была непозволительно слаба: пояс – всего 178 мм (а, как мы помним, даже у японских линейных крейсеров типа Конго 1911 года закладки это 203-мм – и японцы в 1920-е уже считали это недостаточным), что, несмотря на весьма весомый ГК – 8 406-мм орудий, делало Лексингтоны почти неприменимыми в бою дредноутных эскадр.

В целом японские проекты судов как минимум не уступали по ТТХ американским, а кое-в-чём и превосходили их. Далеко не факт, что в конкурентной борьбе Япония сумела бы встать вровень с парой ведущих морских сил планеты, но Соглашение жестко и недвусмысленно задавало Императорскому флоту его потолок. Его будущее должно было быть похоронено ещё на стапеле, как и существенная часть его прошлых достижений. Стоит помнить и об относительности финансовых возможностей: каждый уже построенный линкор обошёлся для Японии куда дороже, чем для американцев или англичан, если брать не абсолютные величины, а доли от бюджета и доходов, так что их списание было тем более болезненным.

Видя непреклонную волю США и Британии и готовность Франции и Италии подписать Соглашение, японцы попытались хотя бы до конца торговаться. Япония настаивала на соотношении

Рис. 7.4: Так должны были выглядеть линейные крейсера типа Лексингтон

5:5:3,5 и добивалась права достроить линкор «Муцу» типа «Нагато».

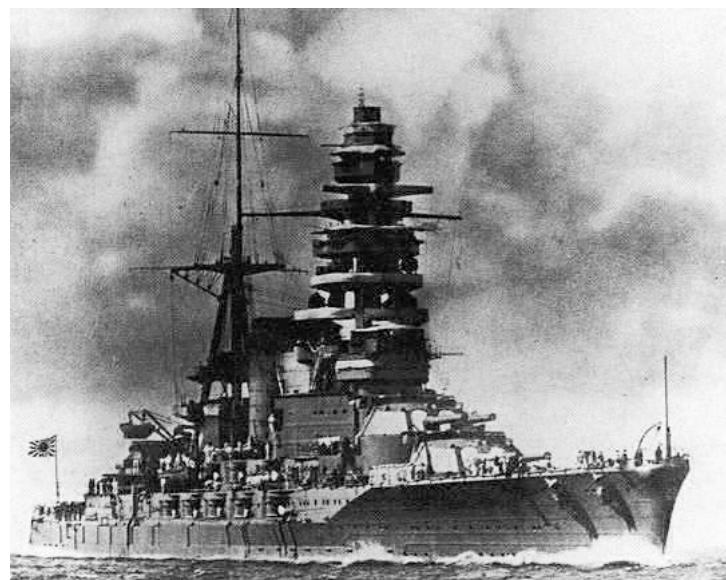

Рис. 7.5: Линкор Муцу

В результате длительной дискуссии, которую нет смысла здесь пересказывать, стороны пришли к следующему: Япония получила право достроить линкор Муцу, США — два линкора — «Колорадо» и «Вест Вирджинию», Британия — построить два новых линкора — «Нельсон» и «Родней» с учётом ограничений по водоизмещению и калибру орудий. Взамен Япония дополнительно утилизировала 1 корабль, США — 2, а Британия по вступлении в строй новых кораблей — 4. Соотношение тоннажей 5:5:3 (или 3:3:1,75) осталось без изменения. Взамен, немного подславив пилюлю, США и Англия согласились ограничить строительство и укрепление военных баз на островах Тихого океана.

Но самое худшее ждало Японию впереди. Договор девяти держав от 6 февраля 1922 года, подписанный всеми участниками Конференции — её итоговый документ. Бумага эта, воплотившая в себе все худшие японские опасения, сама по себе весьма интересна. Титульно Договор касался обеспечения гарантий территориальной целостности Китая и уважения его суверенитета. При этом прописывавшийся в Договоре запрет на получение одной из держав-подписантов специальных прав и привилегий, которые могут нанести ущерб правам и интересам иных государств-

участников договора в действительности был ничем иным, как ограничением китайского суверенитета – ведь и Поднебесная фактически лишалась права оказывать предпочтение тому или иному из своих партнёров. Сложно сказать, приходила ли подобная мысль американским авторам документа и, если да, сразу ли они решили её проигнорировать. Как бы там ни было, Договор в полной мере реализовывал именно концепцию Соединённых Штатов по китайскому вопросу: провозглашался принцип «открытых дверей и равных возможностей» по отношению к Китаю в области торговой и предпринимательской деятельности, любые формальные и неформальные зоны преимущественных интересов, экономических и, тем более, военно-политических, устранились. Только чистая конкуренция. Кому это было выгодно? Назову лишь несколько достаточно красноречивых цифр. Имея в 1920 году всего 6% мирового населения, США сосредоточили в своих руках 66% мировой добычи нефти, 60% меди, 60% алюминия, 50% угля, 20% добычи золота, 85% производства автомобилей. Одновременно с Договором девяти держав 6 февраля 1922 года был подписан Трактат о китайском таможенном тарифе, где формально закреплялось таможенное неравноправие Китая, положение, при котором Поднебесная окончательно делалась объектом коллективной эксплуатации держав.

За день до Договора, 5 февраля 1922 года, Япония вынуждена была подписать отдельное китайско-японское соглашение об эвакуации японских войск из китайской провинции Шаньдун, а также о возвращении Китаю железной дороги Циндао — Цзинань и территории Цзяо-Чжоу. Иными словами, были ни много ни мало пересмотрены положения Версальского договора. Параллельно глава японской делегации дал обязательство, что японское правительство не будет требовать от китайского правительства выполнения пятой группы «двадцати одного требования» Японии о назначении японских советников при китайском правительстве, фактически и так не принятой китайцами. На практике это была скорее индульгенция на то, чтобы игнорировать и остальные 16 принятых пунктов.

Единственное требование Китая, которое Япония отклонила, было требование о выводе японских войск из Южной Маньчжурии – из взятых с боем Порт-Артура и Дальнего. Может быть, причина была в том, что адмирал Томосабуро сам воевал в Русско-японскую, может осознание того, что подобного масштаба унижение может привести к немедленному социальному взрыву в стране. Но всё равно это был полный позор и полное поражение. Япония потеряла всё. Помимо всего описанного выше в отношении Китая, закреплённого документально, очевидно, были достигнуты и договорённости по уходу японских войск с русской территории. С весны 1922 начинается процесс быстрого свёртывания экспедиционных сил. Последний японский солдат покинет Владивосток 25 октября 1922 года. Единственное, что выгадала Япония от своего участия в Интервенции – вывезенные материальные ценности и переданная им на хранение белыми часть царского золотого запаса. У меня нет точных цифр, которые позволяли бы судить о том, отбили эти ценности расходы, или нет, но говорить о большой прибыли точно не приходится. Ну а 15 ноября 1922 – менее чем через месяц после ухода японцев, проект ДВР был зарыт, республика была ликвидирована и включена напрямую в состав РСФСР. Комбинация советского правительства окончилась блестательным успехом.

Все беды, просыпавшиеся, как град, на голову Японии, кажется, перечислены – осталось ответить на один, но принципиальный вопрос: почему японцы согласились на всё это? Лучше всего отразить причины уступчивости Империи Восходящего солнца можно тремя словами: неожиданность, неспособность, изоляция.

Выше уже говорилось о том, что, хотя в принципе от Конференции ничего хорошего не ожидалось, никто и подумать не мог, что Японию будут нагибать так грубо и отбирать у неё так много. Руководство империи было готово на торг, на какие-то локальные уступки, которые потом, может даже, и исполнять на самом деле не придётся, на продолжение (а инерционный сценарий всегда воспринимается как более естественный) той политики, которая имела место в 1914-1919. Вместо этого состоялся прямой пересмотр положений Версальского договора по вопросу Шаньдуня, да и вообще на Вашингтонской конференции Япония фактически оказалась в положении Германии на Парижской. Нет, конечно, она, в отличие от немцев в 1919, имела право голоса – вот только это был глас вопиющего в пустыне. Китай – очевидный враг, США и Британия со всеми 5 её доминионами договорились заранее и тоже заняли антияпонскую позицию, для Фран-

ции, Италии, Бельгии и Португалии Дальний Восток был второстепенным направлением, но вот отношения с США были очень важны и никто не желал портить их из-за японцев. Для Нидерландов, конечно, были более чем значимы их обширные владения, ныне ставшие Индонезией, но слабеющее королевство боялось (как покажет ПМВ – обоснованно) того, что Япония, гораздо более сильная и проводящая активную политику экспансии рано или поздно обратит внимание и на южные моря – и тогда голландцам будет нечего ей противопоставить. Сочетание предельно жестких требований и того, что у всех остальных, кроме японцев, они не вызывали возражений создало просто ошеломляющий эффект. Тем более – вспоминаем о неспособности – на Конференции Империю Восходящего солнца представляли отнюдь не лучшие её дипломаты и вообще умы. Крайне несвоевременное убийство премьера Такаси также сыграло свою роль – Токио и оставшиеся там руководители тоже едва ли могли помочь делегации в Вашингтоне, особенно на начальном этапе Конференции.

Япония не могла оказать влияния на ход Конференции, на круг рассматриваемый проблем и тон их обсуждения. Единственное, что можно было сделать – это под конец демонстративно хлопнуть дверью. Но это – попречина всем оставшимся, противопоставление себя им, изоляция, ярлык агрессора. Наконец, Соединённые Штаты в этом случае могли бы принять вполне реальные и весомые меры. Конечно, едва ли можно было ожидать линкоров ВМС США в заливе Суруга и в гавани Токио, тем более – десанта на территории империи. Но это было и ни к чему. Американцы и китайцы могли просто вдруг “позабыть” о 16 пунктах, принять любые решения на Конференции уже без японцев – а в случае их ухода антияпонскую природу её, задачу сдерживания Японии можно было уже не скрывать, а после перебросить мяч на японскую половину поля. Играйте! Действуйте! Попытаетесь давить на Китай силой – получите спонсирование и поддержку деньгами и оружием самых радикальных антияпонских сил, которые там удастся найти. Предпримите прямую агрессию – получите жесткий ответ в области экономики с перспективой полной изоляции не только дипломатической, но и торговой. Эмбарго на стратегические виды сырья, давление на корпорации, готовые сотрудничать с Империей Восходящего солнца буквально в любых отраслях. А что такое для Японии с её экономической структурой изоляция, думаю, напоминать вновь не нужно. И самураям останется только два варианта – либо договариваться, либо самим бросаться лбом на американскую стенку. Очень похоже в итоге все и получится, только 20 лет спустя...

Япония приняла все условия. Но не смирилась с ними. Психологически в японском обществе вызрело то же, что и в Германии и Италии, но только даже в большем масштабе – ощущение того, что с ними обошлись несправедливо, что при первой возможности нужно что-то с этим сделать, нужно переиграть. У немцев была теория “ножа в спину” и всё погубившей революции, но, в общем то, все понимали, что к осени 1918 Германская Империя так и так проигрывала войну – разве только условия мира могли бы, всё же, оказаться несколько более мягкими. У итальянцев был комплекс недооценённости их роли в ПМВ, чувство, что им недодали. На нём весьма умело сыграет будущий дуче Бенито. Но и там все холодные головы понимали – объективно Италия воевала плохо и своими силами не сумела захватить даже и того, что в итоге приобрела волей союзников. Помнили и битву при Капоретто, и то, какие экономические трудности пережила страна. Идея награды не по успехам, а по потерям и страданиям – она приятная, но так в международной политике это не работает. А вот Япония никого и ни о чём не просила, добилась всего сама, причём после череды военных побед – вспомним, что и Японо-китайская, и Русско-японская, и участие Японии в ПМВ – всё это победы империи. И всё это у неё отобрали. Просто из ревности и жадности. Просто потому, что обладали для этого достаточной силой. С 1922 года идея о необходимости непрерывного военного усиления, постоянной готовности, становится в Японии всеобщей. Упавшее было после Рисовых бунтов влияние военных начинает неуклонно возрастать. Вообще Вашингтонская конференция оказалась ещё и страшным ударом по японскому парламентаризму и демократии. Во главе страны в момент подписания всех постыдных документов и договоров было партийное, гражданское правительство. Конечно же, все беды приписали его слабости. Если в начале ноября 1921 только такие как Коничи Накаока верили в то, что люди вроде покойного Такаси – негодяи и предатели, то теперь большинство было убеждено: наверху засела клика едва ли не изменников, отстаивающих узкопартийные интересы

и связанных с парой тройкой финансово-промышленных групп, которые в обмен на сохранение торговых контактов с США предали и продали достижения нации. При этом, не будь Рисовых бунтов, останься у власти кто-то вроде маршала Тэраути Масатаке, далеко не факт, что по зрелом размышлении не пришлось бы примириться с решениями конференции и им.

Тем не менее, после 1922 года все попытки выстроить партию – не некий официозно-чиновный орган, работа которого только в том, чтобы призывать сплотиться вокруг священной персоны императора, а именно партию со своей программой и нормальными кадрами, которая устраивала бы и народ и находящихся у кормила власти, могла бы служить связующим звеном между ними, провалились с треском. Резко усиливаются – и в верхах и в низах те, кто вообще не настроен на какой-либо компромисс. С одной стороны 15 июля 1922 года создаётся и начинает весьма активно и успешно действовать Коммунистическая партия Японии, а чуть позже после Марша на Рим 27-30 октября 1922 и прихода мировой известности итальянскому фашизму резко усиливаются крайне правые. С другой большой пласт чиновничества и, особенно, генералитета, начинает считать в принципе опасными все эти “игры в демократию”. Благо 29 ноября 1921 года достигший совершеннолетия наследник престола – Хирохито становится регентом при недееспособном отце. У страны вот-вот может появиться полноценный император.

Но это, всё же, пока дело будущего. А пока вскоре после возвращения из Вашингтона адмирал Като Томосабуро был назначен премьер-министром.

Рис. 7.6: Адмирал Томосабуро в бытность премьер-министром

Собранный им кабинет состоял преимущественно из членов Палаты Пэров парламента, непопулярных в армейской среде. Его деятельность в 1922–1923 годах была связана главным образом с реализацией подписанных в Вашингтоне соглашений, а именно разделкой недостроенных военных кораблей, выводом японских войск с Шаньдунского полуострова и из Советской России. Сам факт того, что пришлось собирать кабинет, практически полностью исходя из задачи исполнения условий того, что было подписано в Вашингтоне, очень показателен: японцы по настоящию и под надзором внешних сил были вынуждены делать то, что считали для себя прямо невыгодным и, что ещё хуже, постыдным. В значительной мере даже по форме это смотрелось как капитуляция. Капитуляция в войне, которую Япония не проигрывала. Капитуляция угрозам и бумагам. В том числе и отсюда несговорчивость даже в самых жестких условиях будущих японских правительств.

Здесь уместно более подробно поговорить о кораблях и их судьбе. Первенец японского дредноутного флота – линкор Кавати до 1922 не дожил: 12 июля 1918 года, когда «Кавати» стоял на якоре в заливе Токуяма, в пороховом погребе взорвался кордит. Корабль затонул, погиб 621

человек из 1 059, находившихся на борту. Впоследствии Кавати был поднят со дна и разобран на металл. А вот его собрат Сэтцу пал жертвой именно Вашингтонской конференции. В 1922 году на верфи Курэ с Сэтцу сняли вооружение. В 1924 году линкор был выведен из состава флота и превращен в хорошо бронированный корабль-мишень. Вообще старый дредноут ждала довольно любопытная судьба - в 1937—38 на Сэтцу установлено дистанционное управление по радио; кораблем-мишенью управляли с пульта на эсминце «Юкадзэ». Но тип Кавати так и так был устаревшим. Когда же речь шла о более сильных судах, японцы хитрили на грани фола. Так, согласно Вашингтонскому соглашению, должны были быть ликвидированы как боевые суда два из четырёх линейных крейсеров типа Конго. Японцы во-первых сверх всякой меры затягивали процесс их вывода из состава линейного флота — так линейный крейсер Хиэй был выведен и преобразован в учебный артиллерийский корабль (снятие части котлов, брони, вооружения) только в 1929 году. Предлоги были самые разные вплоть до откровенно смехотворных — оказывается, в течение 7 лет Япония не могла найти верфь, которая могла бы заняться Хиэй, из-за постоянных забастовок рабочих! Во-вторых, что куда серьёзнее и, по большому счёту, не имело precedентов — это возможность расконсервации и модернизации вроде бы как списанных кораблей. Во многом именно эту возможность, судя по всему, должен был проработать и реализовать адмирал Томосабуро. И Хиэй и его систершип Харуна были перед Второй мировой, уже после окончания действия Соглашения (1936 год), вновь введены в строй. Дредноуты Фусо и Ямасиро, Исэ и Хюга, а также Нагато, имевшиеся к дате подписания 6 февраля 1922 в составе Императорского флота Японии, так в нём и остались. К ним добавился оговоренный в тексте документа систершип Нагато — линкор Муцу. Остальные же находившиеся ещё не в полностью готовом к роковому сроку корабли ждала иная судьба.

В первую очередь после Вашингтонского соглашения японцы отменили постройку ещё не заложенных, но уже заказанных линкоров типа Кии, которые должны были быть построены в количестве четырёх штук. Формально постройка не получивших названия линкоров № 11 и № 12 была отменена 19 ноября 1923 года, а 14 апреля 1924 — головного Кии и Овари. Сложнее было с парой дредноутов типа Тоса — Тоса и Кага.

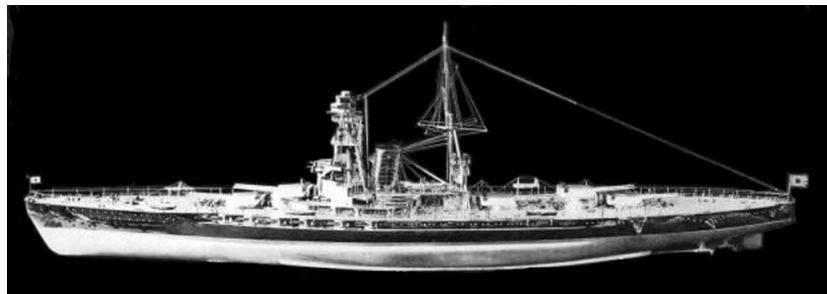

Рис. 7.7: Так должны были выглядеть готовые линкоры типа Тоса

Оба были уже в весьма высокой степени готовности. Собственно, спуск на воду Тоса ожидался в октябре 1921 — ещё до начала Конференции, но вот здесь действительно подвели забастовки работников верфи Кобэ. Особым пунктом Соглашения оговаривалась возможность для держав достроить два ранее заложенных линкора в качестве авианосцев, не обращая внимания на предельный тоннаж для последних в 21 000 тонн. Но японцы предполагали воспользоваться этим правом в отношении двух линейных крейсеров серии Амаги — о них чуть ниже. Это значило, что Тоса и Кага обречены. В случае с головным кораблём все вышло так: 5 мая 1922 года, в соответствии с подписанным соглашением, строительство линкоров «Тоса» и «Кага» было отменено. В августе 1922 года недостроенный «Тоса» был перемещен в Куре. Пятьдесят тысяч человек наблюдали, как линкор буксировался из гавани пятью буксирами.

К тому времени на линкоре были смонтированы барбеты для 406-миллиметровых орудий, но башни и орудия не были установлены, а отверстия в главной палубе были покрыты металлическими листами. Корпус корабля — палуба и надстройки были закончены, так же были смонтированы — мостики, боевая рубка, мачта светового сигнала в кормовой части второго барбета. Боевая рубка была снабжена оборудованием моста управления, поскольку для этого не было

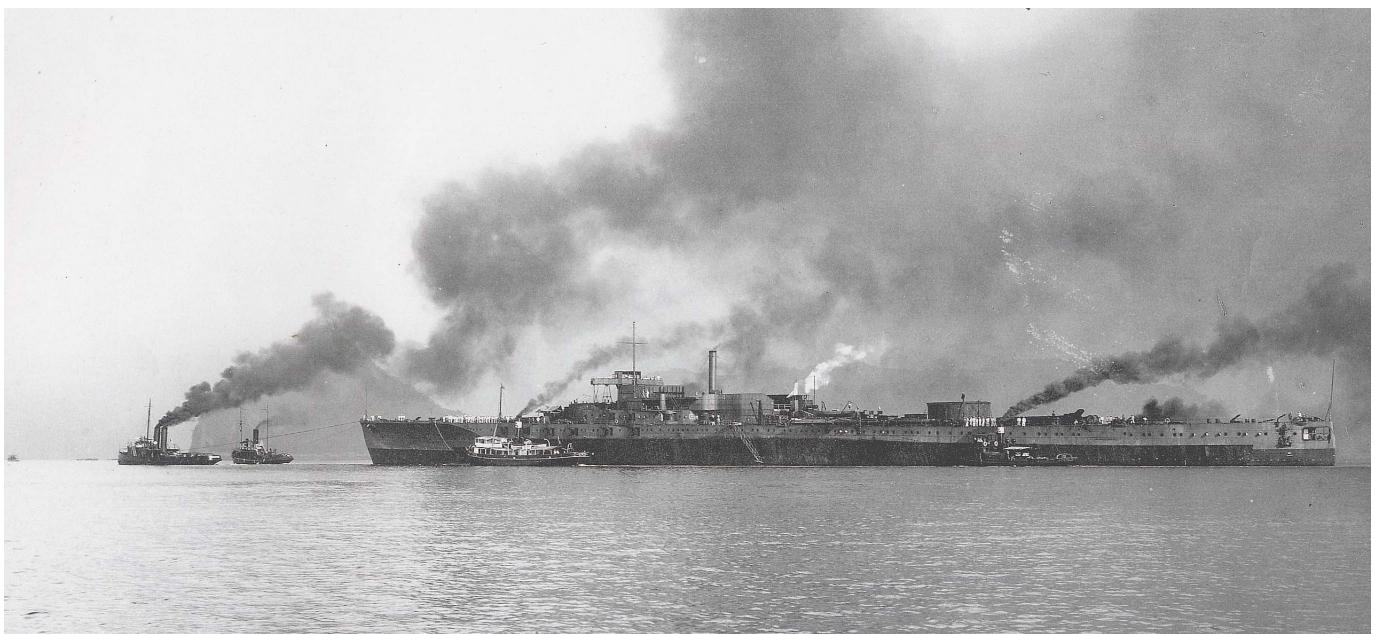

Рис. 7.8: Буксировка недостроенного дредноута Тоса

другого подходящего места. Тоса оставался в Куре до середины 1924 года. 1 апреля 1924 года, корпус недостроенного линкора был подготовлен к испытаниям и передан военно-морскому флоту для использования в качестве корабля мишени – так недостроенный дредноут служил флоту ещё несколько месяцев.

14 января 1925 года, Морское министерство Японии отдало приказ уничтожить линкор в течение одного месяца. Главнокомандующий военно-морским районом Куре, предписал к 1 февраля закончить приготовления и до 10 февраля затопить линкор. Для этого тоже уже обречённый линкор Сэтцу, упоминавшийся выше, должен был отбуксировать Тосу на расстояние 16 километров к западу от острова Окиносима к месту затопления. Но линкор словно не желал так бесславно отправляться на дно. 3 февраля Тоса перевели из Куре в залив Саики, откуда 6 февраля вывели на буксире, намереваясь привести его к месту затопления, но помешал сильный шторм и корабли вернулись. Вторая попытка была предпринята 8 февраля в 10:00. В машинное отделение линкора были загружены взрывные заряды – два контейнера по 30 килограмм взрывчатки в каждом, в двойном дне разместили два 356 мм снаряда. Заряды должны были взорвать, используя электрические плавкие предохранители. Восьмого февраля при подрыве заряды не сработали. После этой неудачи девятого числа на борт «Тоса» была отправлена команда для затопления корабля. В 01:25 в машинном отделении «Тоса» открыли шесть кингстонов. Вскоре после этого «Тоса» стал крениться на правый борт и медленно погружаться кормой в воду. В 03:50 крен увеличился, и судно скрылось с поверхности воды в 07:00.

А вот Кага ждала совершенно другая судьба – его всё же достроили в качестве авианосца и базировавшиеся на его борту самолёты поучаствовали в ударе по Перл-Харбору. Как так вышло? Как было сказано выше, к переделке готовили корабли типа Амаги. Четвёрка линейных крейсеров из которых Амаги и Акаги были заложены в 1920 году и имели готовность порядка 40%, а Атаго и Такао – в 1921 и имели более низкую степень готовности должны были кончить по-разному. Вторые два линейных крейсера разобрали прямо на стапеле. Первые два начали переделывать. Акаги будет спущен в новом качестве 22 апреля 1925 года, став первым тяжёлым авианосцем ВМФ Японии. До своей модернизации 1934-1938 это был весьма экзотический корабль. Акаги стал первым опытом строительства крупных авианосцев в Японии, поэтому многие элементы отрабатывались на нём впервые. Сказалось также и изначальное происхождение корабля как линейного крейсера. Самым необычным элементом являлось наличие сразу трёх (реально двух) полётных палуб.

Верхняя полётная палуба длиной 190 метров и максимальной шириной 30,5 метров предназначалась для взлёта и посадки самолётов. Средняя палуба начиналась в районе мостика и была

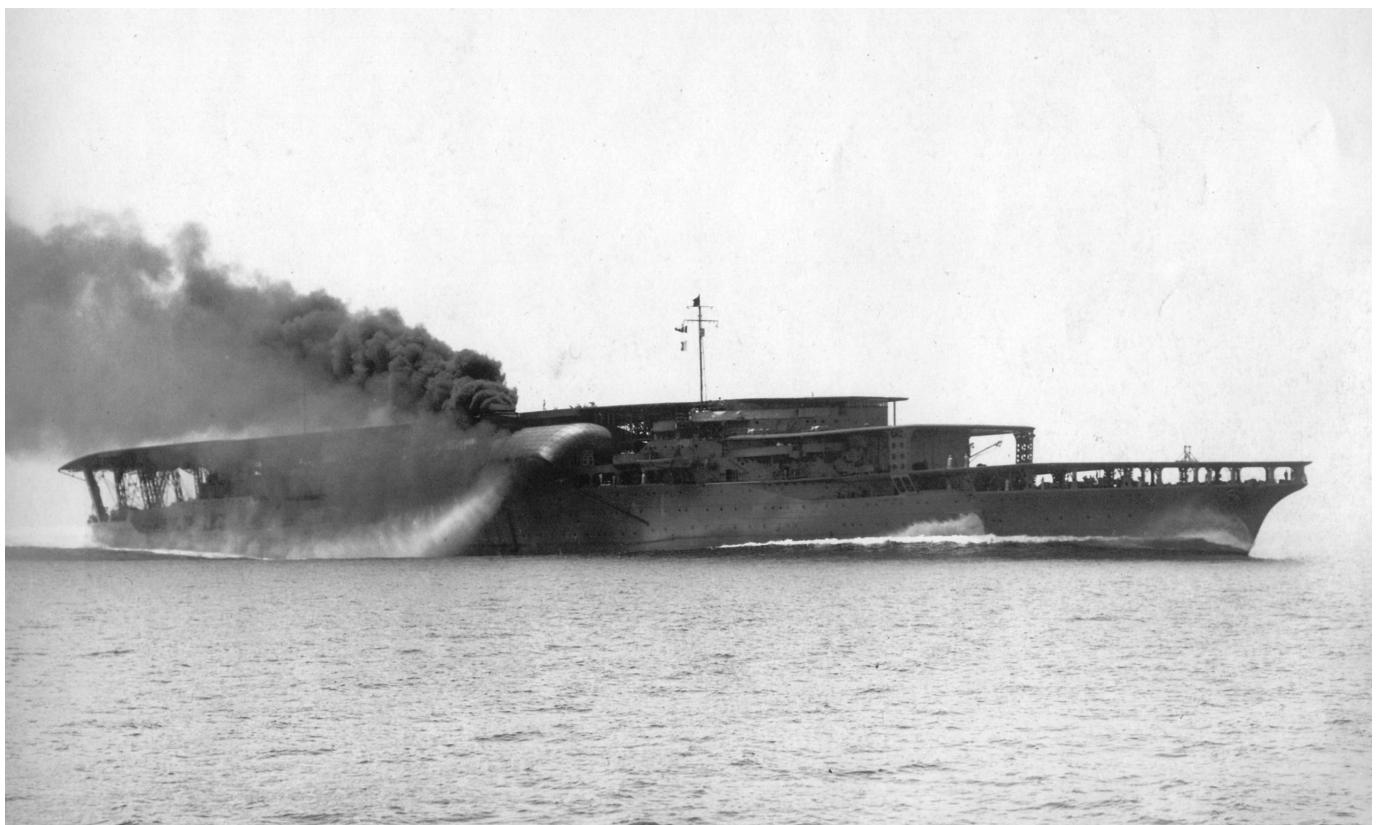

Рис. 7.9: Акаги до модернизации

длиной всего 15 метров, а ширина была сильно ограничена орудийными башнями. Нижняя полётная палуба длиной 55 метров и максимальной шириной 23 метра предназначалась для старта торпедоносцев. Наличие трёх палуб должно было облегчить экипажу обслуживание самолетов и обеспечить старт максимально возможного количества самолётов за ограниченное время. Акаги был авианосцем, способным одновременно выпускать и принимать самолёты. Расположение полётных палуб позволяло организовать непрерывный цикл. После старта и выполнения задания самолёт приземлялся на главную полётную палубу, его опускали в ангар, заправляли, вооружали и самолет снова отправлялся в бой с передней палубы. При этом ни на одной из совершенно гладких палуб не было “острова” управления. Серьёзным недостатком авианосца было и отсутствие у ангаров стен, которые установили лишь в дальнейшем после того, как произошло несколько аварий из-за захлестывания ангаров водой.

А вот Амаги так никогда и не переоборудовали. Дело в том, что судьба ещё не окончила тешиться над Страной Восходящего солнца. Она подготовила для неё, всё же, пожалуй, самую страшную катастрофу – природную. 1 сентября 1923 года произошло так называемое Великое землетрясение Канто. Одно из самых сильных в истории Японии. И первое – по числу жертв и масштабу разрушений. Тяжёлые повреждения получил и Амаги – настолько, что, в конечном счете, его сочли целесообразным разобрать, отдав предпочтение переделке в авианосец Каги типа Тоса.

Но, конечно, Амаги потери страны не ограничились. Подземные толчки (магнитуда 8,3 балла) практически под ноль разнесли важнейшие города страны – Йокогаму и столичный Токио. Собственно, эпицентр землетрясения и располагался в 90 км к юго-западу от Токио в море возле острова Осима в заливе Сагами. Всего за двое суток произошло 356 подземных толчков, из которых первые были наиболее сильными. В заливе Сагами из-за изменения положения морского дна поднялись 12-метровые волны цунами, которые опустошили прибрежные поселения. В Йокогаме, находившейся в 65 км от эпицентра, в результате подземных толчков было сразу же разрушено не менее пятой части зданий. Повсюду немедленно начались пожары, из-за сильного ветра огонь быстро распространялся. В порту горел разлившийся по воде бензин, пламя достигало 60

м в высоту. Большая часть противопожарных средств была уничтожена при первых же толчках, что серьёзно ограничило возможности по локализации пожаров. На железной дороге Токио — Йокогама с пути сошёл поезд, наткнувшись на вывороченные и скрученные рельсы.

Рис. 7.10: Последствия землетрясения в Йокогаме. Автору доводилось видеть эту фотографию, ошибочно иллюстрирующую последствия бомбардировки Хиросимы

В Токио, находившемся в 90 км от эпицентра, было разрушено меньше зданий, чем в Йокогаме (в процентном отношении), но также повсеместно начались пожары, разносимые сильным ветром, которые и причинили наибольший ущерб. Противопожарные средства уцелели, но землетрясение разрушило городской водопровод, во многих случаях пожарная техника не могла проехать по узким улицам. Спасаясь от подземных толчков и пожаров, жители бежали на открытые пространства — площади, парки, — но это не всегда помогало. На одной из площадей Токио погибло около 40 тыс. человек — они задохнулись, когда загорелись окружающие площадь дома. Всего же в стране число жертв согласно официальной статистике достигло 174 000 — уже огромная цифра, но много больше — 542 000 человек числились пропавшими без вести. Для сравнения в Первой мировой Япония потеряла убитыми 415 солдат. Вообще за два дня страна лишилась такого количества граждан, что совокупные потери убитыми Японо-китайской, Русско-Японской и Первой мировой можно было умножить на 10 — и всё равно они оказались бы меньше. Хотя страна и находилась в прямом смысле слова “на вулкане” всю свою историю, но такого ада не было никогда.

Помимо человеческих утрат громадными были и экономические потери. Материальный ущерб, понесённый Японией от землетрясения Канто, оценивается в 4,5 миллиарда долларов, что составляло на тот момент два годовых бюджета страны и в пять раз превышало расходы Японии в Русско-японской войне. Токио нужно было едва не заново строить. Только пожаром было уничтожено свыше 300 тысяч зданий (из примерно миллиона). В конечном итоге после землетрясения в столице сочли не подлежащими восстановлению около половины строений города. Из 675 мостов 360 было уничтожено огнём. Токио лишился всех каменных зданий. Устоял только отель «Империал»,озведенный за год до этого знаменитым архитектором Фрэнком Ллойдом Райтом. Масштаб произошедшего в столице империи ясно виден по тому, что на полном серьёзе обсуждался вариант попросту бросить город, а столицу перенести. Причём в качестве одного из вариантов назывался Кэйдзё (ныне Сеул) — потому что там сейсмическая обстановка куда более стабильна.

Как назло буквально за несколько дней до землетрясения от рака толстой кишке на последней стадии скончался 24 августа 1923 года премьер Томосабуро, так что в итоге имел место ещё и кризис власти, многие принципиальные решения принимались несвоевременно и с запозданием. Вновь сделавшийся временным главой кабинета в самый худший момент из возможных

несчастный дипломат Утида Косай передал 2 сентября власть в руки пожилого адмирала Ямamoto Гомбэй – опытного и достаточно талантливого военного-управленца. С 1893 года Гомбэй исполнял обязанности заведующего хозяйством министерства флота, а с 1895 года – возглавлял военный отдел этого министерства. Во время первой японско-китайской войны он успешно руководил административными делами Шанхайской армии, за что был удостоен должности министра флота Японии. Был адмирал и в премьерском кресле с 20 февраля 1913 по 16 апреля 1914. Но, всё же, и Гомбэй явно был не вполне готов к той работе, которую ему пришлось выполнять после Великого землетрясения Канто.

Последствия бедствия общенационального масштаба буквально выбросили Японию из глобальной политики на несколько лет. Все средства, все ресурсы, вся воля и таланты управляемцев должны были быть брошены на то, чтобы хоть как-то восстановить центральную часть страны. Колossalное количество бездомных и безработных, рост бедности – ведь все обширные внешние проекты 1910-х, которые как раз в это время должны были бы принести первую серьёзную отдачу, не принесли ничего, кроме горького разочарования, сохраняющаяся атмосфера национального унижения – всё это способствовало тому, что внутриполитическая обстановка всё более накалялась. Борьба властей с оппозицией стала бескомпромиссной, жестокой, всё чаще – вооруженной. Компартию Японии не постыдились обвинить в пожарах и беспорядках после землетрясения, против неё усилились репрессии, был убит председатель Комсомола Каваи Ёситаро. 23 декабря 1923 в ответ на репрессии против коммунистов (равно как и прочих социалистов и анархистов) член КПЯ, студент Дайсукэ Намба совершил неудачное покушение на наследного принца Хирохито. Тяжело переживавший это действительно прежде непредставимое для Японии деяние как персональный позор, ушёл в отставку, взяв на себя всю ответственность, премьер-министр адмирал Гомбэй. Следующий глава кабинета - Киёура Кэйго смог просидеть в кресле всего около полугода – с 7 января по 11 июня 1924, а потом тоже подал в отставку, не в силах справиться с нарастающим политическим кризисом.

Преемник - Като Такааки. Это имя нам уже встречалось прежде – именно в его бытность министром иностранных дел в кабинете Окумы Сигэнобу он принимал участие в составлении 21 требования. Но теперь совершенно иные времена. С 11 июня 1924 года по 28 января 1926 года Като Такааки возглавляет японское правительство наскоро сколоченной коалиции «трёх партий защиты Конституции» - т.е. всех тех, кто не желает радикальных перемен в жизни государства и общества. Однако перемены всё равно неизбежны. Параллельно готовится сразу два весьма важных новых закона. Первый – введение всеобщего избирательного права. Хотя, конечно, и с определёнными оговорками – ну и, разумеется, это не касалось женского пола. Итак, все подданные-мужчины старше 25 лет могли голосовать, если они жили не менее года в своем избирательном округе и не были бездомными. Таким образом, число избирателей увеличилось с 3,3 до 12,5 миллионов человек. А 22 апреля 1925 года был принят «Закон об охране общественного порядка», который предусматривает значительное ограничение свободы слова и собраний. В прессе его прозвали “закон об опасных мыслях”. Он предусматривал суровое наказание в 10 лет каторжных работ не только за любые антимонархические, антигосударственные действия, но и просто за “намерение” совершить их. Причём, разумеется, доказательства такого намерения могли трактоваться очень широко. Репрессии, направленные главным образом против демократических, рабочих организаций, обрушивались даже на неортодоксальные организации верующих, стремящихся к “обновлению мира”. Так, была разгромлена религиозная секта Омото-кё, отрицающая “божественный статус” императорской династии – это подвело под сомнения в законности ее правления. Лидеры организаций были лишены свободы за “оскорблечение трона”.

Но политические перемены не ограничились новым законодательством. В 1926 году 25 декабря скончался и неожиданно в возрасте 47 лет скончался император Есихито. В жизни империи во всех смыслах – формальном и неформальном, начиналась новая эпоха – на трон уже не в статусе регента, а полновластно восходил император Хирохито с девизом правления Сёва, Просвещённый мир.

Он был молод, хорошо образован, успел обзавестись супругой - 26 января 1924 года Хирохито женился на своей дальней родственнице принцессе Нагако, и дочерью – маленькая принцесса Тэру родилась 9 декабря 1925. Новый монарх, как казалось, обещал новую надежду для госу-

Рис. 7.11: Хирохито в традиционных церемониальных одеяниях, 1928 год.

дарства. Никто ещё не знал, что именно в эпоху Сёва Япония вступит в самую тяжёлую войну в своей истории – и проиграет её...

О второй половине 1920-х, личности и первых шагах императора, армии и флоте, а также о влиянии на судьбу Японии мирового экономического кризиса – в следующей части.

https://vk.com/wall-162479647_83724